

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – зам. директора; Новосибирский государственный университет – гл. науч. сотр.; Россия)

Главный редактор серии

Л. Г. Панин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет; Россия)

Члены совета

А. Н. Алексеев, д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова – гл. науч. сотр. научно-исследовательского центра «Алтайтану»; Казахстан)
Х. А. Амиранов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – директор; Институт археологии РАН – зав. отделом каменной археологии; Россия)
С. А. Арутюнов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт этнологии и антропологии РАН – зав. отделом народов Кавказа; Россия)
Л. А. Бобров, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. археологии и этнографии; Россия)
В. П. Булдаков, д-р ист. наук (Институт российской истории РАН – гл. науч. сотр. Центра изучения новейшей истории России и политологии; Россия)
Вакио Фудзimoto, д-р наук, проф. (Осацкий университет экономики и права – президент; Япония)
Н. В. Вайпель-Сухадолник, д-р наук, проф. (Университет Люблины – доцент ф-та искусств; Словения)
Ван Вэй, акад. АОН КНР, чл.-корр. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии – профессор; КНР)
Ван Линь, д-р наук, проф. (Синьцзянский университет – директор Института иностранных языков, КНР)
А. В. Варенов, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
В. Виола, д-р наук, проф. (Университет Торонто – профессор каф. антропологии; Канада)
Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. востоковедения и зав. отделением востоковедения; Россия)
Д. Вулф, д-р наук, проф. (Университет Хоккайдо – профессор евразийской истории Центра славянских исследований; Япония)
И. В. Высоцкая, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. семиотики и дискурсного анализа; Россия)
Г. А. Гвоздович, канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет – доцент каф. стилистики и литературного редактирования Института журналистики; Белоруссия)
Т. Глазиц, д-р наук, проф. (Цюрихский университет – профессор; Швейцария)
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) – директор; Россия)
А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. всеобщей истории; Россия)
Е. И. Дергачева-Скоп, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – зав. каф. древних литератур и литературного источниковедения; Россия)
А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – научный руководитель; Новосибирский государственный университет – зав. каф. всеобщей истории; Россия)
Л. В. Дерилазова, д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет – профессор каф. мировой политики; Россия)
В. Дёнингхаус, д-р наук, проф. (Университет Гамбурга – зам. директора Нордост-Института; Германия)
А. В. Дмитриев, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. отечественной истории; Россия)
Ж. Жовер, д-р наук, проф. (Университет Бордо – профессор кафедры преистории; Франция)
Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук, проф. (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований; Россия)
О. Д. Журавель, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – декан ф-та журналистики; Институт истории СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
А. С. Зувев, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – директор Гуманитарного института; Россия)
Г. Имполи, д-р наук (Болонский университет – зав. отд. русского языка и литературы; Италия)
Н. Н. Казанский, акад. РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН – директор; Санкт-Петербургский государственный университет – профессор; Россия)
Кан Инук, д-р наук, проф. (Университет Кен Хи – профессор исторического ф-та; Республика Корея)
О. Н. Катионов, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – директор Института истории, гуманитарного и социального образования; Россия)
А. К. Киклевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет – руководитель Департамента социальной коммуникации Института журналистики и коммуникации; Польша)
А. И. Кобзев, д-р ист. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
С. А. Комиссаров, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – проф. каф. востоковедения, Институт археологии и этнографии СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
С. В. Кондратьев, д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет – директор Института гуманитарных наук; Россия)
С. М. Коткин, д-р наук, проф. (Принстонский университет – профессор истории, директор программы российских, восточно-европейских и евразийских исследований; США)
Н. Б. Кошкарева, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. общего и русского языкознания; Россия)
М. Е. Крацова, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет – профессор каф. философии и культурологии Востока; Россия)
Н. Н. Крадин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – зав. Центром политической антропологии; Дальневосточный федеральный университет – зав. каф. всеобщей истории, археологии и антропологии; Россия)
Р. М. Краузе, д-р наук, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте – профессор; Германия)
А. И. Кривошапкин, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. археологии и этнографии; Россия)
Б. Е. Кузнецов, акад. Нац. Академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева – профессор; Казахстан)
Н. В. Кутафеева, канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
А. С. Лагров, д-р ист. наук, проф. (Университет Париж-Сорбонна – профессор; Франция)
В. А. Ламин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – директор; Россия)
Л. В. Лбова, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор; Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Ли Хонджон, д-р наук, проф. (Национальный университет Мокпхо – профессор ф-та археологии; Республика Корея)
Н. А. Лукьянова, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. общего и русского языкознания; Россия)
Л. Б. Матвеев, чл.-корр. Российской академии естествознания, д-р филол. наук, проф. (Ереванский государственный университет – профессор каф. русского языкознания, типологии и теории коммуникации; Армения)
И. А. Мельчук, д-р наук, проф. (Монреальский университет – почетный профессор ф-та лингвистики и перевода; Канада)
А. Н. Мецержков, д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет – профессор Института восточных культур и античности; Россия)
О. А. Митко, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – зав. сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований; Россия)
И.-Р. Мочник, д-р наук, проф. (Люблинский университет – профессор социологии философского ф-та; Словения)
А. Наслер, д-р наук (Германский археологический институт – науч. сотр.; Германия)
Ока Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохoku – директор Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)
Г. Парцингер, д-р наук, проф. (Фонд Прусского культурного наследия – президент; Государственный музей Берлина – президент; Германия)
В. Н. Пластун, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. востоковедения; Россия)
Х. Плиссон, д-р наук, проф. (Университет Бордо-I – ведущий трасолог лаборатории РАСЕА; Франция)
П. Э. Подалко, д-р наук, проф. (Университет Аояма Гакуин – профессор ф-та международной политики, экономики и коммуникации; Токио, Япония)
Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, проф. (Университет Ханя – профессор отделения антропологии; Институт культурного наследия – директор; Институт археологии Восточной Азии – директор; Республика Корея)
П. Ратлэнд, д-р наук, проф. (Уэслианский университет – профессор отделения государственного управления; США)
Н. Н. Родишин, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор каф. отечественной истории; Россия)
С. С. Самашев, д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана НАН Республики Казахстан – гл. науч. сотр.; Казахстан)
С. Ю. Сапрыкин, д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет – зав. каф. истории Древнего мира исторического факультета; Институт всеобщей истории РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Л. Н. Синякова, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. литературы XIX–XX вв.; Россия)
С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. (Новосибирский государственный университет – зав. лаб. гуманитарных исследований; Россия)
Дж. Смит, д-р наук, проф. (Лондонский университет – профессор исторической школы Колледжа королевы Марии; Великобритания)
Э. Стернотолу, д-р наук, проф. (Афинский национальный университет им. Каподистрии – руководитель отделения славистики; Греция)
К. Ш. Табалдиев, канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – профессор; Кыргызстан)

Ж. К. Таймагамбетов, чл.-корр. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Казахский национальный университет им. аль-Фараби – профессор; Национальный музей Казахстана – зам. директора по научной работе; Казахстан)

Такакура Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохоку – науч. сотр. Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)

Такэда Масанао, д-р наук, проф. (Университет Хоккай Гакуэн – зав. каф. педагогики; Япония)

Тан Чун, д-р наук, проф. (Китайский университет Гонконга – директор Центра археологии и искусства Китая при историческом факультете; Токийский университет – профессор; КНР, Япония)

Фалькенхаузен Л. фон, д-р наук, проф. (Калифорнийский университет – профессор кафедры археологии и истории искусства Китая, директор Котценовского института; США)

Е. Л. Фролова, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)

Е. Ф. Фурсова, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

Т. Хайм, д-р наук (Оксфордский университет – зам. директора лаборатории радиоуглеродного анализа; Великобритания)

И. Халфин, д-р наук, проф. (Тель-Авивский университет – профессор каф. истории факультета гуманитарных наук; Израиль)

С. Хансен, д-р наук, проф. (Германский археологический институт – директор Евразийского отделения; Германия)

Я. Хохоровский, д-р наук, проф. (Ягеллонский университет – профессор; Польша)

Ю. С. Худяков, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

В. П. Чабай, чл.-корр. НАН Украины, д-р ист. наук (Институт археологии НАН Украины – гл. науч. сотр.; Киев)

Чжун Сукбэ, д-р наук, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея – профессор, рук. аспирантуры; Республика Корея)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор кафедры русской литературы и теории литературы; Новосибирский государственный университет – профессор каф. теории и истории журналистики; Институт филологии СО РАН – науч. сотр. сектора литературоведения; Россия)

В. И. Шишкин, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – зав. сектором истории общественно-политического развития; Новосибирский государственный университет – профессор каф. кафедры отечественной истории; Россия)

А. С. Шмакова, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – ст. преподаватель кафедры востоковедения; Россия)

А. Х. Элерт, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН – зам. директора по науке, зав. сектором археологии и источниковедения; Россия)

П. Энгель, д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги – руководитель отдела реставрации; Австрия)

М. Юнге, д-р наук (Рурский университет – приват-доцент кафедры восточно-европейской истории исторического ф-та; Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Ответственный редактор

Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Заместители ответственного редактора

С. А. Комиссаров, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Ван Линь, проф. (Синьцзянский университет, Урумчи, КНР)

Ответственный секретарь

А. В. Варенов, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Члены редколлегии

С. А. Арутюнов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)

А. Е. Демидчик, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук (Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)

А. И. Кобзев, д-р ист. наук (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)

М. Е. Кравцова, д-р филол. наук (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Кутафьева, канд. филол. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

А. Н. Мецержаков, д-р ист. наук (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

В. Н. Пластун, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Е. Л. Фролова, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Бэ Кидун, проф. (Университет Ханян, Сеул, Республика Корея)

Н. Вампель-Сухадолник, проф. (Люблянский университет, Словения)

Ван Вэй, проф. (Институт археологии АОН, Пекин, КНР)

Кан Инук, проф. (Университет Кёнхи, Сеул, Республика Корея)

Ли Ходжон, проф. (Национальный университет Mokpho, Ённам, Республика Корея)

Ока Хироки, проф. (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер, проф. (Фонд прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

П. Э. Подалко, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)

Ж. К. Таймагамбетов, проф. (Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан)

Такакура Хироки, проф. (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Такэда Масанао, проф. (Университет Хоккай-Гакуэн, Саппоро, Япония)

Тан Чун, проф. (Китайский Университет Гонконга, Гонконг, КНР)

Л. фон Фалькенхаузен, проф. (Университет Лос-Анджелеса, Лос-Анджелес, США)

ADVISORY BOARD OF THE SERIES «HISTORY, PHILOLOGY»

Chairman

V. I. Molodin, academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Deputy director; Novosibirsk State University – Chief Researcher; Russia)

Editor in Chief

L. G. Panin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Dean of the Faculty of Humanities; Russia)

Board Members

A. N. Alekseenko, Doctor of History, Prof. (East Kazakhstan State University of S. Amanzholov – Chief Researcher, Altaitanu Research Center; Kazakhstan)
Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of DSC RAS – Director; Institute of Archaeology of RAS – Head of the Department of Stone Age Archaeology; Russia)
S. A. Arutyunov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography of RAS – Head of the Department of the Caucasian Peoples; Russia)
L. A. Bobrov, Doctor of History (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)
V. P. Buldakov, Doctor of History (Institute of Russian History RAS – Chief Researcher of the Russia's Recent History and Political Science Study Center; Russia)
Wakio Fujimoto, Doctor of Sc., Prof. (Osaka University of Economics and Law – President; Japan)
N. V. Vampel-Suhadolnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Slovenia)
Wang Wei, Academician of Chinese Academy of Sciences, Corresponding member of the German Archaeological Institute, Doctor of History, Doctor of Literature, Prof. (Institute of Archaeology – Professor; China)
Wang Lin, Doctor of Sc., Prof. (Xinjiang University – Director of the Institute of Foreign Languages; China)
A. V. Varenov, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
B. Viola, Doctor of Sc., Prof. (University of Toronto – Professor, Department of Anthropology; Canada)
E. E. Voytshchik, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Oriental Studies; Russia)
D. Wolff, Doctor of Sc., Prof. (Hokkaido University – Professor of Eurasian History, Slavic Research Center; Japan)
I. V. Vysockaya, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of Semiotics and Discourse Analysis; Russia)
G. A. Gvozdochik, Cand. of Philological Sc., Docent (Belarusian State University – Associate Professor, Department of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism; Belarus)
T. Glantz, Doctor of Sc., Prof. (Zurich University – Professor; Switzerland)
A. V. Golovnev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Prof. (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera) – director; Russia)
A. E. Demidchik, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of General History; Russia)
E. I. Dergacheva-Skop, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Head of the Department of Ancient Literature and Literary Source; Russia)
A. P. Derevyanko, Academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – academic adviser; Novosibirsk State University – Head of the Department of General History; Russia)
L. V. Deriglazova, Doctor of History, Prof. (Tomsk State University – Professor, Department of the World Politics; Russia)
V. Dönningshaus, Doctor of Sc., Prof. (University of Hamburg – Deputy Director of the North-East Institute; Germany)
A. V. Dmitriev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Russian History; Russia)
J. Joubert, Doctor of Sc., Prof. (University of Bordeaux – Professor of Prehistory; France)
N. I. Zhukovskaya, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography RAS – Head of the Asian and Pacific Studies Center; Russia)
O. D. Zhuravel', Doctor of Philology, Docent (Institute of History of SB RAS – Senior Researcher; Novosibirsk State University – Dean of the Journalism Faculty; Russia)
A. S. Zuev, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Director of Humanity Institute; Russia)
G. E. Imposti, Doctor of Sc. (University of Bologna – Head of the Department of Russian Language and Literature; Italy)
N. N. Kazansky, Academician of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Linguistic Studies of RAS – Director; St. Petersburg State University – Professor; Russia)
Kang Inuk, Doctor of Sc., Prof. (Kyung Hee University – Professor, Faculty of History; Republic of Korea)
O. N. Kationov, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Director of the Institute of History, Humanities and Social Education; Russia)
A. K. Kiklevich, Doctor of Philology, Prof. (University of Warmia and Mazury – Head of the Department of Social Communication of the Institute of Journalism and Communication; Poland)
A. I. Kobzev, Doctor of History, Prof. (Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia)
S. A. Komissarov, Cand. of Historical Sc., Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Senior Researcher; Russia)
S. V. Kondratiev, Doctor of History, Prof. (Tyumen State University – Director of the Human Sciences Institute; Russia)
S. Kotkin, Doctor of Sc., Prof. (Princeton University – Professor of History, Director of the Russian, East European and Eurasian Studies; USA)
N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Philology SB RAS – Chief researcher; Novosibirsk State University – Head of the Department of General and Russian Linguistics; Russia)
M. E. Kravtsova, Doctor of Philology, Prof. (St. Petersburg State University – Professor, Department of East Philosophy and Cultural Studies; Russia)
N. N. Kradin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS – Head of the Center of Political Anthropology; Far Eastern Federal University – Head of the Department of General History, Archaeology and Anthropology; Russia)
R. M. Krause, Doctor of Sc., Prof. (Goethe University, Frankfurt-am-Main – Professor; Germany)
A. I. Krivoshapkin, Doctor of History (Novosibirsk State University – Head of the Department of Archaeology and Ethnography; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Russia)
B. E. Kumeikov, Academician of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Eurasian National University of L. N. Gumilev – Professor; Kazakhstan)
N. V. Kutafyeva, Cand. of Philological Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
A. S. Lavrov, Doctor of History, Prof. (l'Université Paris-Sorbonne – Professor; France)
V. A. Lamin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Director; Russia)
L. V. Lbova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor; Russia)
Lee Heonjong, Doctor of Sc., Prof. (Mokpo National University – Professor, Department of Archaeology; Republic of Korea)
N. A. Luk'yanova, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of General and Russian linguistics; Russia)
L. B. Matevosyan, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Yerevan State University – Professor, Department of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication; Armenia)
I. A. Mel'chuk, Doctor of Sc., Prof. (University of Montreal – Honorary Professor, Faculty of Linguistics and Translation; Canada)
A. N. Meshcheryakov, Doctor of History, Prof. (Russian State Humanitarian University – Professor, Institute of Oriental Cultures and Antiquity; Russia)
O. A. Mit'ko, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Archaeology Section at the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. R. Mochnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Professor, Faculty of Philosophy; Slovenia)
A. Nagler, Doctor of Sc. (German Archaeological Institute – Researcher; Germany)
Oka Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Director of the Northeast Asian Studies Center; Japan)
H. Parzinger, Doctor of Sc., Prof. (Prussian Cultural Heritage Foundation – President; Berlin State Museum – President; Germany)
V. N. Plastun, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
H. Plisson, Doctor of Sc., Prof. (Université Bordeaux-I – Leading Researcher, PACEA Laboratory; France)
P. E. Podalko, Doctor of Sc., Prof. (Aoyama Gakuin University – Professor, Department of International Politics, Economics and Communication; Tokyo, Japan)
Bae Kidong, Doctor of Sc., Prof. (Hanyang University – Professor of Anthropology; Cultural Heritage Institute – Director; Institute of Archaeology of East Asia – Director; Republic of Korea)
P. Rutland, Doctor of Sc., Prof. (Wesleyan University – Professor, Department of Public Administration; USA)
N. N. Rodigina, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian History; Russia)
Z. S. Samashev, Doctor of History, Prof. (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology – Chief Researcher; Kazakhstan)
S. Yu. Saprykin, Doctor of History, Prof. (Moscow State University – Head of the Department of Ancient World History; Institute of World History of RAS – Leading Researcher; Russia)
L. N. Sinyakova, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Contemporary Literature (19th–20th centuries); Russia)
S. G. Skobelev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. Smele, Doctor of Sc., Prof. (University of London – Professor, Historical School of Queen Mary College; United Kingdom)
E. Stergiopoulou, Doctor of Sc., Prof. (Athens National University of Capodistria – Head of the Department of Slavonic Studies; Greece)
K. Sh. Tabaldiev, Cand. of Historical Sc., Prof. (Kyrgyz-Turkish Manas University – Professor; Kyrgyzstan)
Zh. K. Taimagambetov, Corresponding Member of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Al-Farabi Kazakh National University – Professor; Kazakhstan National Museum – Deputy Director for Science; Kazakhstan)
Takakura Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Researcher, Northeast Asia Research Center; Japan)
Takeda Masanao, Doctor of Sc., Prof. (Hokkai Gakuin University – Head of the Pedagogy Department; Japan)
Tang Chung, Doctor of Sc., Prof. (University of Hong Kong – Director of the Chinese Art and Archaeology Center; Tokyo University – Professor; China, Japan)

L. von Falkenhausen, Doctor of Sc., Prof. (University of California – Professor, Department of Archaeology and History of Chinese Art; Cotsen Institute of Archaeology UCLA – Director; USA)

E. L. Frolova, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)

E. F. Fursova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

T. Higham, Doctor of Sc. (Oxford University – Deputy Director of the Radiocarbon Dating Laboratory; United Kingdom)

I. Halfin, Doctor of Sc., Prof. (Tel Aviv University – Professor, Department of History, Faculty of Humanities; Israel)

S. Hansen, Doctor of Sc., Prof. (German Archaeological Institute – Director of the Eurasian Section; Germany)

J. Chochorowski, Doctor of Sc., Prof. (Jagiellonian University – Professor; Poland)

Yu. S. Khudiyakov, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Chief Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

V. P. Chabai, Corresponding Member of NAS Ukraine, Doctor of History (Ukraine Institute of Archaeology of NAS – Chief Researcher; Kiev)

Jung Sukbae, Doctor of Sc., Prof. (Korean National University of Cultural Heritage – Professor, Chief of Graduate Studies; Republic of Korea)

Yu. V. Shatin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian Literature and Literary Theory; Novosibirsk State University – Professor, Department of Theory and History of Journalism; Institute of Philology of SB RAS – Researcher, Literary Section; Russia)

V. I. Shishkin, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Head of History of Social and Political Development Section; Novosibirsk State University – Professor, Department of Russian History; Russia)

A. S. Shmakova, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Senior Lecturer, Department of Oriental Studies; Russia)

A. Kh. Elert, Doctor of History (Institute of History of SB RAS – Deputy Director for Science, Head of the Department of Ancient Writing Source; Russia)

P. Engel, Doctor of Sc. (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration – Head of the Restoration Department; Austria)

M. Junge, Doctor of Sc. (Ruhr University – Assistant Professor, Department of Eastern European History, Faculty of History; Germany)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE «ORIENTAL STUDIES»

Editor in Chief

Elena E. Voytishek, Doctor of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

Deputy Editors

Sergei A. Komissarov, Cand. Sc. of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

Wang Lin, Prof. (Xinjiang University, Wulumuqi, China)

Executive Secretary

Andrey V. Varenov, Cand. Sc. of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

Board Members

S. A. Arutyunov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History (Institute of Anthropology and Ethnography RAS, Moscow, Russian Federation)

A. E. Demidchik, Doctor of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

N. I. Zhukovskaya, Doctor of History (Center for Asian and Pacific Studies at the Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russian Federation)

A. I. Kobzev, Doctor of History (Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation)

M. E. Kravtsova, Doctor of Philology (Institute of Oriental Manuscripts, St. Petersburg, Russia)

N. V. Kutafyeva, Cand. Sc. of Philology (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

A. N. Mescheryakov, Doctor of History (Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation)

V. N. Plastun, Doctor of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

E. L. Frolova, Cand. Sc. of History (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

Bae Ki Dong, Prof. (Hanyang University, Ansan, Republic of Korea)

Lothar von Falkenhausen, Prof. (University of California, Los Angeles, USA)

Kang In Uk, Prof. (Kyunghee University, Seoul, Republic of Korea)

Lee Heon Jong, Prof. (Mokpo National University, Jeonnam, Republic of Korea)

Oka Hiroki, Prof. (Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger, Prof. (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

P. E. Podalko, Prof. (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)

Zh. K. Taimagambetov, Prof. (National Museum of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan)

Takakura Hiroki, Prof. (Tohoku University, Sendai, Japan)

Takeda Masanao, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)

Tang Chung, Prof. (Chinese University of Hong Kong, Hong Kong, China)

N. Vampelj Sukhadolnik, Prof. (University of Ljubljana, Slovenia)

Wang Wei, Prof. (Institute of Archaeology, Beijing, China)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 4:
Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Китая

- Гирченко Е. А.* Керамика стоянки Байцзиньбао – опорного памятника эпохи бронзы в провинции Хэйлунцзян 9
- Ван Пэн.* Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая 16
- Варенов А. В.* О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» 30
- Шульга П. И., Шульга Д. П.* К вопросу о вооружении кочевников Монголии и сопредельных территорий Китая в VII–VI вв. до н. э. 40
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Кудинова М. А.* К изучению Шисаньлина – погребально-поминального комплекса эпохи позднего средневековья в Китае 46

Культура и история Китая

- Маслов А. А.* Метафора мистического преображения в даосском тексте «Древо без корней» 59
- Войтишек Е. Э., Осипов Г. В.* Китайская рукопись X века «Спор Чая и Вина» как одно из открытий «Дуньхуанской библиотеки» 75
- Панова О. С.* Положение художников при императорском дворе в первой половине эпохи Сун 93
- Врадий С. Ю.* Цинская историография о Линь Цзэсюе (1785–1850): традиции биографического жанра 100
- Глазунов Д. А.* Феномен реформаторов в провинции Ляонин (вторая половина 1980-х годов) 108

Дискуссии

- Тан Чун (Дэн Цун).* Зубчатые скипетры *ячжан* и начальный этап формирования мирового порядка «Срединного государства» 114
- Пластун В. Н.* Наркобизнес как одна из угроз на Новом шелковом пути 121

Класс Конфуция

- 王琳, 单秋燕, 赵媛.* 西伯利亚地区的中国语言文化窗口
“新西伯利亚国立大学人文学院孔子课堂” (*Ван Линь, Шань Цюянь, Чжао Юань.*
Класс Конфуция гуманитарного института НГУ – окно китайского языка и культуры в Сибири) 128

王中俊. 外汉语初级阶段语法教学微技能 (Ван Чжунцзюнь. Микрометоды в обучении грамматике китайского языка как иностранного на начальном этапе)	132
Азаренко Ю. А. Преподавание китайского языка: опыт московских специалистов представлен в Новосибирском государственном университете	139

Рецензии

Комиссаров С. А., Шульга Д. П. Порядок, нужный миру (рец. на кн.: М. Л. Титаренко, В. Е. Петровский. Россия, Китай и новый мировой порядок: Теория и практика. М.: Весь Мир, 2016. 304 с.)	144
--	-----

Научная жизнь

Кудинова М. А., Рассолова Д. В. Лекции С. В. Дмитриева в НГУ	146
Сведения об авторах	148
Информация для авторов	150

VESTNIK of NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, issue 4:
Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology of China

- Girchenko E. A.* Ceramics of Baijimbao – the Basic Site of the Bronze Age in the Heilongjiang Province 9
- Wang Peng.* Interaction of Bronze and Early Iron Age Cultures in South Siberia, Xinjiang and Northern China 16
- Varenov A. V.* On the Exact Dating of Tiger Images in the Helan Mountains and the “Stag Stone Style” Deer 30
- Shulga P. I., Shulga D. P.* The Question of Weapons of Mongolian Nomads and Adjacent Regions of China in VII–VI Centuries BC 40
- Komissarov S. A., Soloviev A. I., Kudinova M. A.* On Studies of Shisanling – Funeral–memorial Complex of the Late Medieval Epoch in China 46

Culture and History of China

- Maslov A. A.* The Metaphor of Transformation in Taoist Text “Rootless Tree” 59
- Voytishchek E. E., Osipov G. V.* Chinese Manuscript of the 10th Century “Dispute of Tea and Wine” Discovered in “Dunhuang Library” 75
- Panova O. S.* Status of Artists at the Imperial Court in the Early Song Dynasty 93
- Vradiy S. Yu.* Qing Historiography about Lin Zexu (1785–1850): Traditions of Biography Genre 100
- Glazunov D. A.* The Phenomenon of Reformers in the Liaoning Province (Second Half of the 1980s) 108

Discussions

- Tang Chung (Deng Cong).* Yazhang and the Origin of Political World Order in Ancient China 114
- Plastun V. N.* Drug Trafficking as one of the Threats on the New Silk Road 121

Confucius Classroom

- Wang Lin, Shan Qiuyan, Zhao Yuan.* Confucius Classroom of Humanitarian Institute of Novosibirsk State University as a Window for Chinese Language and Culture in Siberia 128

<i>Wang Zhongjun. On the Micro Skills of the Elementary Chinese Grammar Teaching in the Course of Chinese as Foreign Language</i>	132
<i>Azarenko Yu. A. Teaching of Chinese: the Experience of the Moscow Colleague Introduced in Novosibirsk State University</i>	139

Reviews

<i>Komissarov S. A., Shulga D. P. Order, that World needs (Review of book: Titarenko M. L., Petrovskii V.E. Russia, China and new world order: Theory and practice. Moscow: «Ves' Mir» Publishing House, 2016. 340 p.)</i>	144
--	-----

Scientific Life

<i>Kudinova M. A., Rassolova D. V. Lectures by S. V. Dmitriev at Novosibirsk State University</i>	146
Our Contributors	148
Instructions to Contributors	150

УДК 903.02
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-9-15

Е. А. Гирченко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ekaterina.girchenko@gmail.com

КЕРАМИКА СТОЯНКИ БАЙЦЗИНЬБАО – ОПОРНОГО ПАМЯТНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН *

Опорным памятником в изучении бронзового века Северо-Восточного Китая является поселение Байцзиньбао на северном берегу р. Сунгари. В хозяйстве носителей культуры байцзиньбао значительную роль играли охота и рыболовство, многочисленны находки рыболовных и охотничьих орудий. Бронзовые предметы, как правило, небольшие. Насчитывается более 400 археологически целых сосудов. Стратиграфия памятника насчитывает пять слоев, самый нижний из которых соотносится с первым периодом культуры. Первый период датируется поздним неолитом – началом эпохи Шан. В первом периоде керамика орнаментирована слабо. Своеобразный маркер того времени – использование жемчужных наклепов. Второй период относится к эпохе Шан – времени развитой-поздней бронзы. Типология сосудов этого периода указывает на то, что на сложение культуры байцзиньбао оказали влияние сразу две традиции – культуры нижнего слоя Сяцзядянь запада Ляонина и территорий современного Хэбэя. Третий период представляет собой культуру байцзиньбао в ее «классическом» виде. Датируется поздним бронзовым веком – периодом Западного Чжоу. Появляется типичный для байцзиньбао сложный геометрический орнамент или изображения животных. Четвертый период датируется не ранее начала эпохи Чжаньго и характеризуется упадком классических форм.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай (Дунбэй), пров. Хэйлунцзян, бронзовый век, период Шан-Чжоу, культура байцзиньбао, керамика, периодизация.

Раскопки поселения Байцзиньбао на левом берегу р. Нэньцзян (Нонни) близ деревни, по которой новая культура получила свое название, начались в 1974 г. [Линь Сючжэнь, Хао Сыдэ, 1980. С. 311], продолжались в 1980 и 1986 гг. Общая площадь раскопок составила 180 тыс. м². Толщина культурных отложений составляет от 1,5 до 2 м, в некоторых местах до 3 м. Верхние два слоя содержат фрагменты современной керамики, кирпича, сосудов средних веков. Керамика культуры байцзиньбао относится к третьему и четвертому слоям памятника, общая толщина двух культурных горизонтов составляет от 0,4 до 1,2 м. Пятый слой наименее информативен, в нем не встречаются фрагменты сосудов, а только крупницы угля. Обширная площадь, хорошая сохранность и значительная хронологическая протяженность сделали Байцзиньбао опорным памятником эпохи бронзы для северной части Дунбэя.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-01-00203).

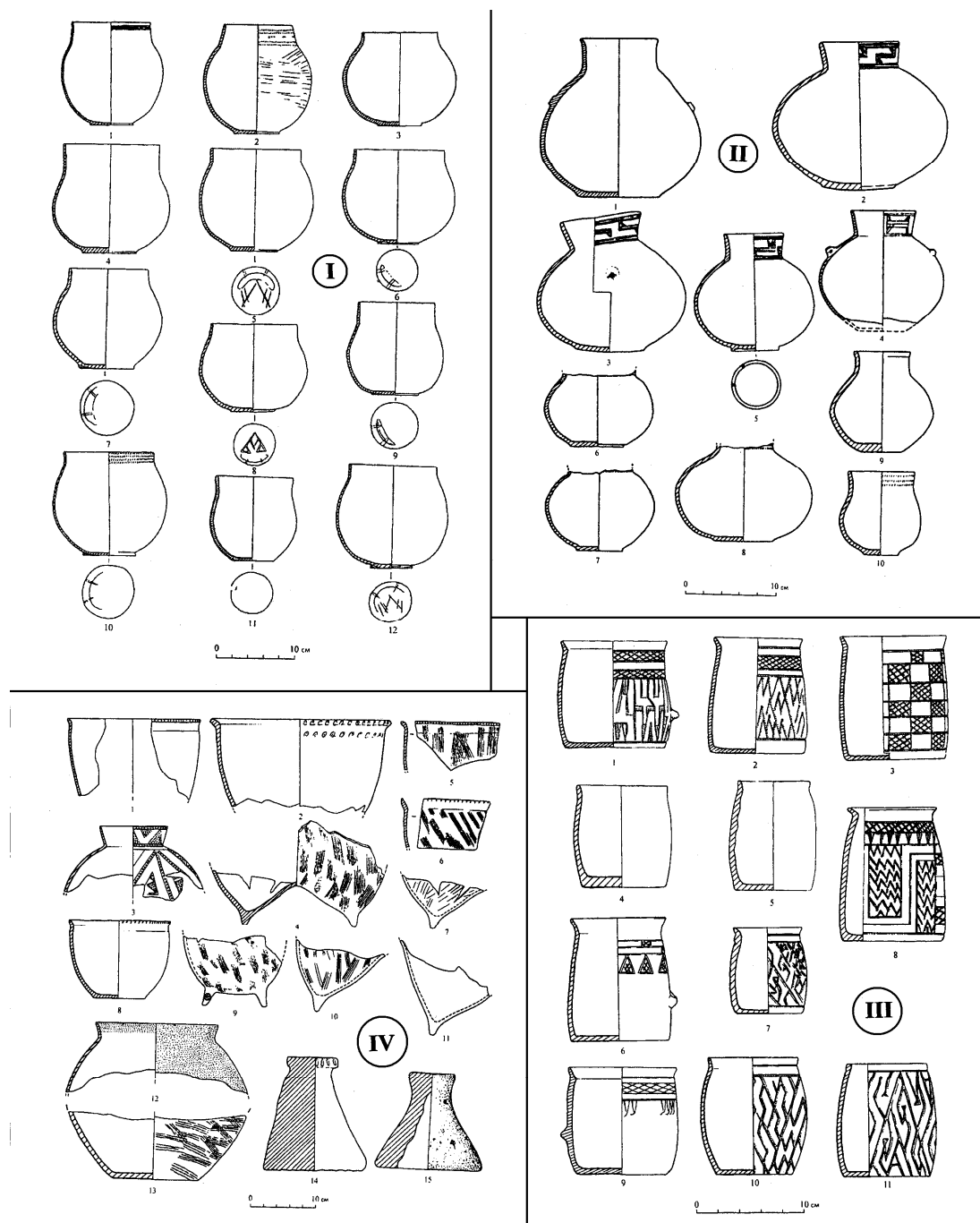
Насчитывается более 400 археологически целых сосудов, поэтому керамика легла в основу разделения культуры памятника на четыре периода [Чжу Юнган, 1998. С. 77].

Первый период датируется поздним неолитом – ранним периодом Шан. Толщина культурного слоя составляет от 0,3 до 0,7 м, распространен по всему памятнику, наиболее мощные отложения наблюдаются в восточной части памятника. К данному периоду относятся 23 жилища и 116 зольников различных форм. При технико-типологическом анализе керамики очевидны искусственные примеси песка в тесте, исходное сырье хорошо отмученное, высокопластичное, гранулометрический анализ показал, что размер песчинок одинаковый, в сломе нет пустот или больших песчаных включений, что позволяло создавать сравнительно тонкостенную хорошо формованную керамику. Тесто без искусственных включений также встречается, но его крайне мало. Визуально подобная посуда отличается более грубым формованием и толщиной стенок. Все сосуды, выполненные из глины без примесей, имеют горшковидную форму. Керамика формовалась методом лоскутного налёпа, при этом обжиг неравномерный, середина черепка оставалась желто-бурой при черной или серой внешней поверхности. Подобная структура черепка говорит о том, что имел место быстрый подъем температур, но выдержка была короткой, что, соответственно, приводило к быстрому остыванию изделия. Некоторые большие сосуды демонстрируют хаотичные следы заглаживания твердым предметом.

Наиболее распространенные широкие горшки (*гуань* – 44 экз.), бокалы (*бэй* – 42 экз.), плоскодонные сосуды *юй* с широким раструбом и горшковидным туловом (25 экз.) являются характерными не только для байцзиньбао, но и знаковыми для всех других культур региона переходного периода. Реже встречаются кувшины (*ху* – 9 экз.), миски (*бо* – 17 экз.), блюда (*пань* – 1 экз.), чаши (*вань* – 8 экз.), небольшие чаши (*чжун* – 3 экз.). В первом периоде керамика орнаментирована слабо. Использование жемчужных или вытянутых налёпов – своеобразный маркер того времени. Их, как правило, от двух до четырех, симметрично расположенных попарно либо у устья, либо в придонной части. Встречаются на корчагах, горшках, мисках. Ряды налёпов характерны и для других культур среднего-позднего неолита, например, Яншао, Лаогуаньтай, Хуншань. Функциональное назначение не очевидно, но, возможно, они имели не декоративную, а технологическую функцию. Судя по следам заглаживания, налёпы прикреплялись на сосуд сразу после формования, в противном случае после малейшего высыхания поверхности их крепление уже не было бы прочным и налёпные элементы отпали бы при сушке. Такие детали, вероятно, служили для того, чтобы сосуды при обжиге не соприкасались друг с другом. Встречаются сосуды (преимущественно *бэй*) с круглыми ушками-ручками (одним или двумя), начинающимися сразу у венчика, а также сквозными отверстиями по устью и плечикам, предназначенными, вероятно, для подвешивания.

Определенная часть сосудов покрыта по дну прочерченными линиями, линиями, образующими сетку, треугольники и другие символы (рис. 1, 1). Подобные знаки на днищах сосудов, общим числом свыше 40, обнаружены на памятнике Сяолаха в уезде Чжаоюань. Исследователи классифицировали их с точки зрения эволюции изображения и его расположения на дне того или иного типа сосуда [Чжан Чжунпэй, 2009. С. 206]. Кувшин-трипод (типа *ли* – на эпонимном памятнике найден всего 1 экз.) украшен отпечатками шнура по венчику в виде горизонтальных полос и в виде зигзагообразного орнамента из заштрихованных и пустых треугольников, а также крестообразным штампом при переходе от плечиков к тулову. Орнамент расположен только по устью, тулову и дну не орнаментированы. Наиболее вариативна орнаментация кувшинов (*ху*) – из девяти найденных предметов горлышко украшено у пяти. Узор разнообразен, это ряды ногтевых вдавлений, отпечатки гребенчатого штампа, образующие ряды треугольников или горизонтальных полос. В среднем у керамики первого периода орнаментировано не более $\frac{1}{5}$ общей поверхности сосуда. Орудия труда представлены 21 глиняными грузилами и пряслицами, а также 28 изделиями из кости и раковинами.

Этот наиболее ранний слой демонстрирует очевидные связи с упоминавшимся выше памятником Сяолаха, раскопанном в том же уезде в 1992 г. Сяолаха – памятник разновременный и делится на три или четыре этапа [Чжао Биньфу, 2003. С. 343]. Керамика второго слоя памятника Сяолаха очень похожа на встреченную в Байцзиньбао, кроме того, многие вещи находят аналогии на памятнике Дадяньцзы культуры нижнего слоя Сяцзянянь, для которого

Керамика стоянки Байцзиньбао:

I – сосуды юй с орнаментом по дну и без первого периода; *II* – кувшины (ху) второго периода; *III* – бадейкообразные горшки третьего периода; *IV* – фрагментарные находки керамики четвертого периода: 1, 2, 4–7, 10, 11 – трипод (ли); 3, 8, 12, 13 – трипод (дин); 14, 15 – подставки (по: [Чжан Чжунпэй, 2009. С. 32, 76, 143, 197])

радиоуглеродным методом получены датировки – 3260 ± 70 и 3405 ± 55 л. н. С другой стороны, результаты анализа нагара с керамики Сяолаха дали более ранние даты – 3830 ± 340 л. н., что делает ее самой ранней на равнине Суннэнь эпохи бронзы. Таким образом, первый слой Байцзиньбао можно датировать по китайской шкале концом Эрлитоу – ранним Шан.

Второй период относится ко времени развитой и поздней бронзы. Мощность культурного слоя от 0,15 до 0,4 м, площадь распространения по памятнику неравномерна. К данному

слою относятся 12 жилищ и 45 зольников. Формование сосуда происходит методом лоскутного налёпа, сосуды подправлялись на гончарном круге. Часто встречаются отверстия в стенках. Появляются треножники с высоким горлышком, широкие блюда и миски с ушками. Керамика в основном неорнаментированная, визуально различимы следы заглаживаний. Во втором периоде наиболее распространенными являются горшки с широким устьем (38 экз.), характерные и для первого периода, с ушками (1 экз.) и без, также встречаются вытянутые бокалы (*бэй* – 26 экз.) с ручками, кувшины (*ху* – 10 экз.) (рис. 1, II), миски (*бо* – 8 экз.), чаши (*вань* – 3 экз.), урны (*вэн* – 4 экз.), блюда (*пань* – 1 экз.). Появляются триподы *ли* (3 экз.) и горшки с высоким горлышком (1 экз.), а также миски с ручками. Наибольшие изменения происходят в технике декорирования. Сосуды со знаками на дне, характерные для первого периода, исчезают. Орнаментация прочесами разнообразной конфигурации и технических приемов, гребенчатым штампом, отпечатками ногтей встречаются как по горлышку, так и по тулову. Технологические налёпы сохраняются. В основном украшались венчик и горлышко. Заполнение орнаментом тулова и придонной части редки. Орудия труда представлены глиняными пряслицами, грузилами, 6 каменными и 7 костяными предметами.

Для данного этапа известно более 10 памятников культуры (уезд Чжаоюань – Байцзиньбао, Гучэн, Волун, уезд Даань – Ханьшу, Чжэньлай) с находками триподов. По стилю декорирования они достаточно сильно отличаются от редко орнаментированных других категорий сосудов. Полностью отсутствует какая-либо преемственность в сравнении с единственным триподом первого периода. Триподы второго периода имеют широкое распространение на территории Северного Китая вплоть до эпохи Чжоу. Похожие изделия встречаются в пров. Ганьсу (культуры Синьдянь, Сыва), пров. Шэньси (культуры Люцзя, предчжоуская), Внутренней Монголии (культуры Лицзя, Чжукайгоу), Ляонине (культуры Вэйинцзы, Шуньшаньтунь). Для байцзиньбао характерны два типа подобных триподов: одни – с узким горлышком и дугообразным туловом, что является точной копией сосудов типа В культуры нижнего слоя Сяцзянь запада Ляонина, другие, с широким венчиком, украшенным налёпами, и барабанообразным туловом – наиболее специфичная форма шанского времени для территории современного Хэбэя. Таким образом, на сложение культуры байцзиньбао оказали влияние сразу две традиции. По аналогиям триподов *ли* с памятником Вэйинцзы, для которого есть радиоуглеродная дата (3090 ± 60 л. н.), второй период байцзиньбао может быть отнесен к позднему периоду эпохи Шан (не позднее начала Западной Чжоу). Между вторым и третьим периодами существует определенный разрыв в эволюции традиции.

Третий период представляет культуру байцзиньбао в ее «классическом» виде с наиболее богатой коллекцией керамики (рис. 1, III). Датируется он поздним бронзовым веком – периодом Западной Чжоу. К третьему периоду относятся 19 жилищ, 141 зольник с костями рыб и животных, раковинами, фрагментами керамики. Археологически целых сосудов насчитывается 297 экземпляров. Мощность культурного слоя достигает 0,5 м, максимальная толщина слоя наблюдается на юго-восточном и северо-восточном участниках памятника. Керамика встречается как с примесью песка, так и без очевидных искусственных примесей. Наблюдается некоторая дифференциация типов сосудов по выбору теста: из глины без добавления отощителей делались маленькие тонкостенные сосуды, из глины с добавлением песка изготавливались сосуды больших размеров с толстыми стенками. Керамика в основном желто-бурого цвета, но цвет неравномерный. Типы сосудов включают в себя триподы (*ли* – 50 экз.), горшки (*гуань* – 59 экз.), миски (*бо* – 71 экз.), бокалы (*бэй* – 72 экз.), кувшины (*ху* – 25 экз.), блюда (*пань* – 5 экз.), чаши (*вань* – 12 экз.), треножники (*янь* – 1 экз.), корчаги (*вэн* – 2 экз.), чаши (*чжань* – 1 экз.) и подставки под сосуды (50 экз.). *Ли* и *гуань*, а также миски с резко очерченным туловом и бокалы с одним ушком составляют более 60 % общего количества всех сосудов. В третьем периоде налёпы исчезают. Появляется типичный для байцзиньбао как культуры сложный геометрический орнамент или изображения животных, таких как лягушки, овцы и олени. Кроме того, встречаются сетчатые пересечения горизонтальных линий, отпечатки ногтя, гребенчатого штампа, дополнительные налёпные элементы. Отпечатки шнура образуют концентрированно расположенные глубокие линии. Орнамент занимает большую часть сосуда. Отложения третьего периода наиболее мощные, что позволяет делить его керамику еще на пять этапов внутри самого периода.

Современные исследования свидетельствуют, что центр распространения культуры байцзиньбао приходился на нижнее течение р. Нэньцзян и участок р. Сунгари в районе Харбина, на западе она граничила с культурой нижнего слоя Сяцзядянь. Находки типичных для байцзиньбао горшков *гуань* на других территориях, например, в культуре верхнего слоя Сяцзядянь на юго-востоке Внутренней Монголии, указывают на тесные контакты между этими двумя областями в ранний период Западного Чжоу.

Для третьего периода характерно большое количество орудий труда из кости, рога, раковин, каменных вещей предельно мало. В основном это костяные наконечники копий, стрел, грузила, каменные наконечники стрел и ножички из раковин. Земледельческих орудий немного. Многочисленны находки раковинных куч и рыбьих костей, вокруг жилых построек встречаются кости животных. На керамике выделяются орнаменты, связанные с рыболовством, – волнообразные, сетчатые рисунки, «рыбьи скелеты». Охота и рыболовство, основа присваивающего хозяйства, характерны для всего северо-востока Китая. На третьем этапе появляются и металлические предметы, все они небольшие, это либо орудия, либо украшения. Открыто более десятка глиняных литейных форм с очертаниями лезвий топориков, ножей, игл, колец, соединенных бусин. Для третьего периода Байцзиньбао известны несколько дат, полученных методом радиоуглеродного анализа – 2900 ± 100 ; 3370 ± 320 ; 3010 ± 130 ; 3080 ± 160 ; 2880 ± 95 ; 3375 ± 490 л. н., разница показателей между крайними датами довольно велика, но в среднем укладывается в период Западной Чжоу. Очевидной преемственности между третьим и четвертым периодами не наблюдается.

Четвертый период в силу своей непохожести на керамику предыдущего этапа в исследовательской литературе часто носит название «Ханьшу II» по хорошо исследованному памятнику Ханьшу в уезде Даань пров. Цилинь. По аналогиям он датируется не ранее начала эпохи Чжаньго и не позднее Западной Хань и характеризуется упадком классических форм. К данному периоду относятся 20 зольников различных форм. Мощность слоя составляет от 0,1 до 0,3 м, распространен по всему памятнику. Археологически целых форм керамики найдено мало, можно реконструировать триподы (*ли* – 8 экз., *дин* – 1 экз.), горшки (*гуань* – 2 плоскодонных сосуда и 1 – на ножках), кувшины (*ху* – 2 экз.), блюда (*пань* – 1 экз.), миски (*бо* – 1 экз.), чаши (*вань* – 5 экз.), бокалы (*бэй*), подставки под керамику (4 экз.), ладьеобразные сосуды (2 экз.) и их вотивные копии (1 экз.) (рис. 1, IV). Триподы *ли* с довольно низко расположенным туловом, триподы *дин* с округлым днищем, горшки *гуань* с широким устьем, раскрашенные кувшины, ладьеобразные сосуды или конусообразные подставки не характерны для предыдущего этапа. Керамика с примесью песка, желто-бурого цвета, иногда серого или красного цвета. Орнаментация оттисками шнура, а также встречается раскрашенная керамика. Орудия труда представлены рыболовными грузилами (5 экз.), пряслицами (4 экз.), колесиком (1 экз.), костяными орудиями. Жилища не найдены.

Рассмотренные керамические комплексы четырех периодов стоянки Байцзиньбао могут служить хронологическими маркерами для памятников эпохи бронзы в северной части Дунбэя от ранних этапов Шан до эпохи Чжаньго, хотя столь большая хронологическая протяженность одной-единственной выделенной культуры остается дискуссионной. Возможность выделения двух первых периодов памятника в самостоятельную археологическую культуру (или культуры) требует дополнительного обоснования и новых исследований. Во всяком случае, два первых периода демонстрируют материалы переходного времени от неолита к эпохе бронзы, ранее неизвестные для территории между реками Сунгари и Нэньцзян.

Список литературы

Линь Сючжэнь, Хао Сыдэ. Хэйлунцзян Чжаоюань Байцзиньбао ичжи ди и сы фацзюэ [林秀贞、郝思德. 黑龙江肇源白宝石遗址第一次发掘]. Первый сезон раскопок на памятнике Байцзиньбао в уезде Чжаоюань пров. Хэйлунцзян // Каогу. 1980. № 4. С. 311–324. (на кит. яз.)

Чжан Чжунпэй. Чжаоюань Байцзиньбао – Нэньцзян сяю ичу цинтун шидай ичжи дэ цзеши [张忠培. 肇源白宝石 - 嫩江下游一处青铜时代的揭示]. Байцзиньбао в уезде Чжаоюань –

памятник эпохи бронзы в нижнем течении р. Нэньцзян. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 282 с. (на кит. яз.)

Чжао Биньфу. Дунбэй шици шидай каогу [赵宾福。东北石器时代考古]. Археология каменного века северо-востока Китая. Чанчунь: Цзилинь дасюэ чубаньшэ, 2003. 461 с. (на кит. яз.)

Чжу Юнган. Чжаоюань Байцзиньбао ичжи ди саньсы фацзюэ юй Суннэнь пинъюань Ханьдай ицянь гу вэньхуа ицунь дэ няньдай сюйле [朱永刚。肇源白金宝遗址第三次发掘与松嫩平原汉代以前古文化遗存的年代序列]. Третий сезон раскопок на памятнике Байцзиньбао в уезде Чжаоюань и хронология памятников древних культур доханьского времени на равнине Суннэнь // Цзилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао [Вестник социальных наук Цзилиньского университета]. 1998. № 2. С. 75–80. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 28.01.2018

Ekaterina A. Girchenko

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ekaterina.girchenko@gmail.com

CERAMICS OF BAIJINBAO – THE BASIC SITE OF THE BRONZE AGE IN THE HEILONGJIANG PROVINCE

The most significant event for investigations of the Bronze Age of the Heilongjiang province was the excavation of the Baijinbao settlement on the north bank of Songhua river. The tribes of Baijinbao barely had any agriculture, a fact confirmed by an extremely small number of agricultural tools found. Hunting and fishing played a significant role. Numerous fishing and hunting tools, such as harpoons, spears, arrow-heads, knives and scrapers were found. As a general rule, bronze items, such as knives, needles, axes, buttons, rings and earrings, were usually quite small.

There are more than 400 vessels found, therefore ceramics was the basis for dividing the culture into four periods. The first period is an early phase, which is dated from the late Neolithic – to the early period of Shang. The most widely spread vessels are with a wide mouth and straight walls, they are common not only for Baijinbao, but also for all the other cultures of this period. In the first period, ceramics were poorly ornamented. Part of a collection was covered by drawn lines on the bottom. The only tripod (of the *li* type) was decorated with cord impressions in the form of horizontal stripes or a zigzag pattern on the rim.

The second period belongs to the middle-late Bronze Age. In the second period, the most common pottery forms are wide pots, tripods with a high neck, wide dishes and bowls with handles. Vessels with signs on the bottom common in the first period, disappear. Nail prints are found both on the neck and along the body of vessels. Tripods on hollow legs wide spread in the Bronze Age first appear. There are two types of such tripods typical for Baijinbao culture: the first – with a narrow neck and bent body, which is the exact copy of B type vessels of Lower Xiajiadian culture in western Liaoning, and the second, with a broad rim decorated with clay pearls and a cylindrical body, which is the most typical form of Shang time on the territories of modern Hebei. Thus, there was an influence of two traditions concurrently in Baijinbao culture.

The third period is a period of “classical” forms. It dates to the late Bronze Age – the period of Western Zhou. A complex geometric pattern typical for Baijinbao culture or the images of animals such as frogs, sheep and deer appear. The finds of typical pots (*guan*) in the Upper Xiajiadian culture in the southeast of Inner Mongolia indicate close contacts between these two regions in the early period of Western Zhou.

The fourth period in scientific literature is called "Hanshu II", dated back to the Zhanguo period and is characterized by the decline of classical forms.

Keywords: North-East China (Dongbei), Heilongjiang province, Bronze Age, Shang-Zhou period, Baijinbao culture, ceramics, periodization

References

Lin Xiuzhen, Hao Side. Heilongjiang Zhaoyuan Baijinbao yizhi diyi ci fajue [林秀贞·郝思德。黑龙江肇源白金宝遗址第一次发掘 // 考古]. First Excavations on Baijinbao site in Zhaoyuan County Heilongjiang Province. *Kaogu*, 1980, no. 4, p. 311–324. (in Chin.)

Zhang Zhongpei. Zhaoyuan Baijinbao – Nenjiang xiayou yichu qingtong shidai yizhi de jieshi [张忠培。肇源白金宝 – 嫩江下游一处青铜时代的揭示。北京: 科学出版社, 2009]. Baijinbao site in Zhaoyuan county – The Revelation of one Bronze Age Site in the lower reaches of Nenjiang River. Beijing, Kexue chubanshe, 2009, 282 p. (in Chin.)

Zhao Binfu. Dongbei shiqi shidai kaogu [赵宾福。东北石器时代考古。长春: 吉林大学出版社, 2003]. The Archaeology of Stone Age of the North-East of China. Changchun, Jilin daxue Publishers, 2003, 461 p. (in Chin.)

Zhu Yonggang. Zhaoyuan Baijinbao yizhi di sanci fajue yu Songnen pingyuan Handai yiqian gu wenhua yicun de niandai xulie [朱永刚。肇源白金宝遗址第三次发掘与松嫩平原汉代以前古文化遗存的年代序列 // 吉林大学社会科学学报]. The Third Excavation Season on Baijinbao Site in Zhaoyuan County and the Chronological Series of Pre-Han Ancient Cultures Remains on the Songnen Plain. *Jilin daxue shehui kexue xuebao* [The Bulletin of Social Sciences of Jinlin University], 1998, no. 2, p. 75–80. (in Chin.)

УДК 930/902(510)
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-16-29

Ван Пэн

*Институт археологии АОН КНР
ул. Ванфуцзин, 23, Пекин, Китай*

kaoguiwangpeng@163.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОЙ СИБИРИ, СИНЬЦЗЯНА И СЕВЕРНОГО КИТАЯ *

Около 2000 г. до н. э. одна из ветвей европеоидного населения достигла территории современного Синьцзяна, где оставила наиболее ранние свидетельства культуры бронзового века в виде могильника Кэрмуци (Чемурчек). Элементы андроновской культуры широко распространились в западной и центральной части Синьцзяна. Начиная с 1300 г. до н. э. в узорах на керамических и бронзовых изделиях Иньского городища (Иньсуй) возникают формы, которые демонстрируют сходство с карасукской, ирменской, еловской, бегазы-дандыбаевской культурами. Однако сами эти культуры до сих пор не обнаружены на территории Северного Китая. Ситуация, вероятно, объясняется тем, что группа людей за короткий период времени переселилась из Южной Сибири и Северного Казахстана в регион китайской Центральной равнины; очевидно, с этим связано внезапное появление колесниц и лошадей в Иньсуй. Изображения свернувшихся животных, парных и одиночных птиц в нефритовых изделиях культуры Хуншань обнаруживают прямую линию преемственности с культурами Шан и Чжоу, а также с мотивами скифского искусства последующей эпохи.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Северный Китай, Синьцзян, бронзовый век, ранний железный век, культурный обмен.

Исследования советских археологов, посвященные культурному обмену между Южной Сибирью и территориями Северного Китая и Синьцзяна в бронзовом и раннем железном веках, восходят к 1920-м гг., когда С. А. Теплоухов [1927; 1929] осуществлял комплексное исследование древних культур Минусинской котловины. В 1950-е гг., после визита в Китай С. В. Киселева, в советском археологическом сообществе появился интерес к культурному взаимодействию между двумя регионами. С тех пор число публикаций советских (а затем российских) археологов, обратившихся к данной проблеме, постоянно увеличивалось. Однако их китайские коллеги вследствие малого знакомства с южно-сибирскими материалами и ряда других причин приступили к аналогичным исследованиям только с периода 1980-х гг. (см.: [Ван Пэн, Кэмисалофу, 2013]).

За последние десятилетия российским и китайским археологам удалось прояснить общие контуры решения этих научных проблем. Приведем ряд примеров. Около 2000 г. до н. э. одна из ветвей европеоидного населения проникла в Синьцзян, оставив там археологические па-

* Перевод с китайского выполнен С. А. Комиссаровым по авторской рукописи, работа осуществлена в рамках Плана НИР СО РАН на 2018 г., проект № 0329-2018-004.

мятники, имеющие сходство с афанасьевской культурой, но также явно от нее отличающиеся. Памятники андроновской культуры (андроновской культурно-исторической общности) обнаружены как на севере, так и на юге Синьцзяна, что указывает на ее проникновение из районов Центральной Азии по нескольким основным маршрутам. Бронзовые изделия сейминско-турбинского и карасукского облика широко представлены в регионах Северного Китая и Центральной равнины (на Иньском городище). Культура верхнего слоя Сяцзядянь, распространенная на Северо-Востоке Китая, образует единое культурно-историческое пространство с культурой плиточных могил Северной Монголии и Забайкалья. Относящиеся к раннему железному веку предметы скифо-сибирского звериного стиля также широко распространены в Синьцзяне и на Севере Китая.

Однако целый ряд проблем остается нерешенным. Во-первых, погребения раннего периода могильника Чемурчек считаются самыми ранними памятниками бронзового века в Синьцзяне. О происхождении и сибирских связях этой культуры существуют различные мнения. Ряд ученых считает, что она восприняла влияние со стороны афанасьевской или окуневской культур Южной Сибири [Молодин, Алкин, 2012; Цун Дэсинь, Цзя Вэймин, 2014]. Не приходится отрицать, что по ряду признаков между ними имеется сходство, но также очевидны и существенные различия. Поэтому можно согласиться с выделением Чемурчека в особую археологическую культуру. На основе сопоставления имеющихся материалов выдвинута концепция о том, что некая группа европеоидов, двигаясь с запада на восток, одной своей ветвью достигла Минусинской котловины, где образовала афанасьевскую культуру, тогда как другая ветвь в южных отрогах Алтая дала начало чемурчекской культуре [Линь Юнь, 2011]. Что касается гипотезы А. А. Ковалева [2011] о том, что носители культуры Чемурчек пришли из западных районов Европы, то ее можно будет оценить только после привлечения гораздо большего числа доказательств.

С чемурчекской культурой тесно связаны проблемы могильников Гумугоу и Сяохэ. Поскольку они близки по географическому положению, то китайские ученые называют их памятниками культуры Сяохэ–Гумугоу и считают, что она создана чемурчекцами, которые с Алтая ушли на юг, в район оз. Лобнор. Однако поскольку на обоих могильниках не найдено керамики, то вряд ли можно однозначно утверждать, что культура Сяохэ–Гумугоу связана с чемурчекской. Мнение, что остродонные плетеные корзинки Сяохэ и остродонные керамические сосуды Чемурчека относятся к единой культурной традиции [Линь Юнь, 2011], носит предварительный характер.

Во-вторых, установлено, что андроновская культура проникла на территорию Синьцзяна из Центральной Азии по нескольким маршрутам [Шао Хуйцю, 2009]. Китайские археологи выражают сомнение в датировках, полученных российскими учеными благодаря радиоуглеродному анализу; они считают, что радиоуглерод дает более раннюю дату по сравнению с реальной, и в целом склоняются к хронологической шкале, предложенной Е. Е. Кузьминой. Они считают, что памятники андроновской культуры в Синьцзяне в основном относятся к эпохе упадка и датируются XII–IX вв. до н. э., тогда как памятников, относящихся к алакульской и федоровской культурам с датой XV–XII вв. до н. э., очень мало [Там же]. На практике серьги с раструбом андроновского облика на территории Северного Китая встречаются среди находок культуры Сыба, культуры верхнего слоя Сяцзядянь, культуры Дашэтоу (рис. 1, 1–3). Большинство ученых считает, что серьги такого вида попали на Север Китая через Синьцзян из андроновской культуры Казахстана [Линь Юнь, 2002; Шао Хуйцю, 2009]. Дата трех вышеназванных культур не позднее XVII в. до н. э., поэтому памятники андроновской культуры Синьцзяна можно удревать до этого периода или до еще более раннего; соответственно, нет оснований сомневаться в новых радиоуглеродных датах.

Датирование андроновской культуры первой половиной II тыс. до н. э. исключает возможность ее прямого влияния на культуру Иньсуй (позднешанский период). Поэтому маловероятна гипотеза Е. Е. Кузьминой [1994; 2008; 2010], что колесницы с лошадиной запряжкой заимствованы населением Центральной равнины от одной из групп андроновцев через посредничество некой культурной общности на территории Северного Китая. Однако это не означает, что влияния андроновской культуры на шанскую не было вообще. Линь Юнь [1998] подтвердил точку зрения, высказанную А. П. Окладниковым, который считал, что бронзовые кельты енисейско-ангарского типа в зоне восточносибирской тайги представляют собой из-

мененную форму кельтов Иньского городища. Линь Юнь сделал следующий шаг, показав, что кельты из Иньсуй, украшенные маской *tao-te*, являются продолжением кельтов с крестовидным узором, найденных на раннешанских памятниках в районе Чжэнчжоу (рис. 1, 4). Как считал С. В. Киселев [1960], данный вид кельтов принадлежал к андроновской культуре и отличался от бронзовых кельтов «сейминской культуры». Кельты с крестовидным узором, практически полностью аналогичные находкам из Чжэнчжоу, встречены на памятнике Наньшань в уезде Манас, Синьцзян (вместе с андроновской керамикой; материалы раскопок не опубликованы). Кроме того, ученые до сих пор не обращали внимание на то, что на некоторых памятниках Северного Китая раннешанского времени (XVI–XIV вв. до н. э.) находят керамику, украшенную узором соединенных между собой малых треугольников. Этот орнамент совершенно не похож на узор больших треугольников на керамике из Иньского городища и, вероятно, сформировался под влиянием андроновской культуры (рис. 1, 5–6). Таким образом, на основе имеющихся археологических материалов можно констатировать, что андроновская культура не только существовала на территории Синьцзяна, но и проникла дальше на восток, оказав определенное влияние на археологические культуры Северного Китая, включая культуру Шан. Однако эти влияния имели место в период, предшествующий Иньсуй (до XIV в. до н. э.).

Здесь следует рассмотреть проблему сейминско-турбинских бронз, которая пока не получила однозначного решения в российской археологии [Молодин, 2017]. Например, до конца не ясно, какие виды изделий включают сейминско-турбинские бронзы, принадлежат ли они к единой археологической культуре, какая группа или группы населения были их носителями, как они датируются, а также какие связи у них с андроновской культурой. За последние годы в Китае опубликована целая серия бронзовых копий с повернутым книзу крюком на втулке из числа новых находок или найденных ранее, но не публиковавшихся материалов. На сегодняшний день известно не менее 15 экз. таких копий (см.: [Линь Мэйцунь, 2016; Молодин, Комиссаров, Ван Пэн, 2017]). Но большая часть этих копий происходит не из археологических раскопок, поэтому нельзя определить их конкретную дату. Впрочем, и для археологических находок точную дату тоже установить трудно. Для решения проблемы проникновения сейминско-турбинских бронзовых изделий на территорию Китая необходимы дополнительные материалы из научных раскопок.

В-третьих, существует проблема взаимосвязей между карасукской и позднешанской (Иньского городища) культурами. В настоящее время многие российские и китайские археологи придерживаются мнения о том, что бронзовые изделия, сходные с иньскими, в составе карасукской культуры, большей частью относятся к каменноложскому этапу, с датой более поздней по сравнению с Иньсуй. Это исключает влияние на Шан со стороны карасукской культуры. К тому же бронзы карасукского облика в составе находок периода Иньсуй выполнены в специфическом степном стиле. Поэтому ученые КНР полагают, что некоторый набор бронзовых изделий сначала появился в регионе Северного Китая, оказал влияние на культуру Иньского городища, а затем – и на карасукскую культуру. Этим и объясняется сходство между ними [Линь Юнь, 1998]. Однако следует обратить внимание на два явления: 1) большая часть карасукских бронз Южной Сибири является случайными находками, поэтому нельзя исключить возможность того, что они происходят из карасукских могильников более раннего периода; 2) и в Шан, и в карасуке найдены так называемые модели ярма, связанные со снаряжением колесниц и лошадей [Линь Юнь, 1980; Варенов, 1984; Ван Пэн, 2015], которые внезапно появляются в рамках второго периода Иньсуй [Гао Сянпин, 2007]. Примерно в то же время столь же внезапно появляются бронзовые и керамические изделия с узорами в виде больших треугольников [Чжунго каогусюэ, 2003. С. 291] (рис. 2, 1–2). Такой орнамент также часто встречается на керамике карасукской культуры (рис. 2, 7), но очень редко – в регионе Северного Китая¹. С учетом этих двух положений мы можем констатировать гораздо более тесную связь между карасукской и иньской культурами, чем это считалось ранее.

¹ Вопрос об орнаменте из больших и малых треугольников, зафиксированном в регионах Северного Китая и Центральной равнины, чрезвычайно сложен; мы предполагаем обсудить его в специальной статье.

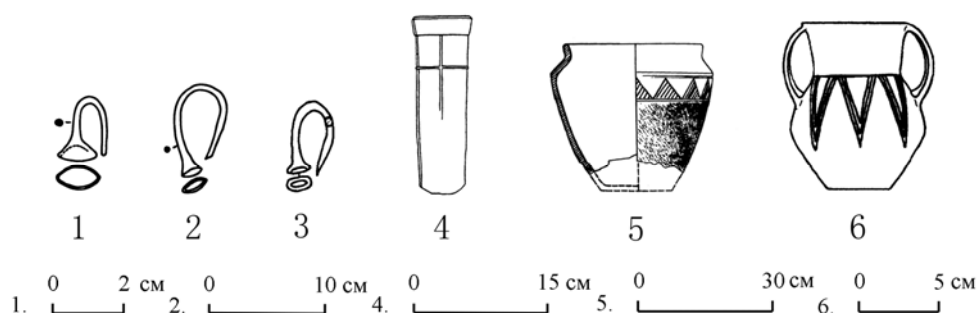

Рис. 1. Материалы, связанные с андроновской культурой, в северных районах Китая:

1, 5 – культура Дашэтоу; 2 – культура нижнего слоя Сяцзядянь; 3 – культура Сыба; 4 – культура раннего Шан; 6 – культура Цицзя. По: [Линь Юнь, 2002. С. 8, рис. 1; С. 11, рис. 5; Ян Цзяньхуа, Цзян Ган, 2008. С. 116, рис. 4; Чжунго каогусюэ., 2003. С. 543, рис. 8–27]

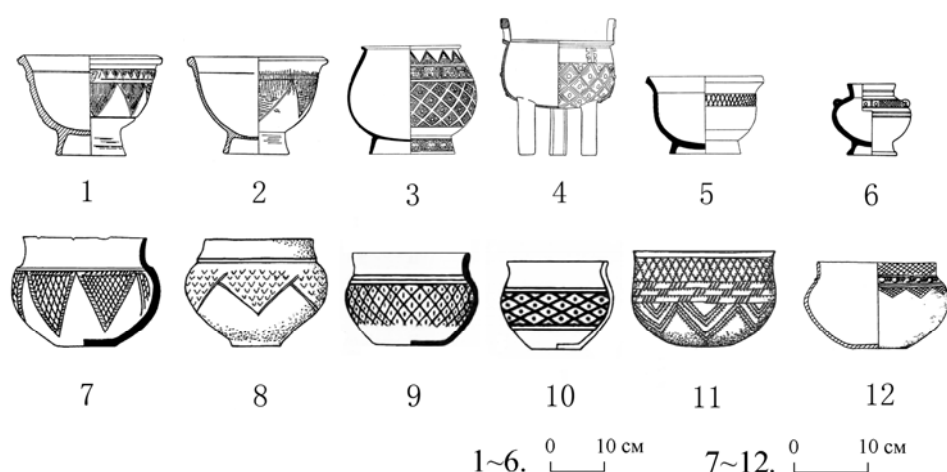

Рис. 2. Керамика и бронзовые украшения культуры Иньского городища и культур эпохи поздней бронзы Южной Сибири и Казахстана:

1–6 – культура Иньского городища; 7, 9 – карасукская культура; 8, 11 – бегазы-дандыбаевская культура; 10 – еловская культура; 12 – ирменская культура. По: [Иньской дэ фасянь..., 1994. С. 215, рис. 99; С. 221, рис. 103; С. 296, рис. 159; Чжунго каогусюэ., 2003. С. 407, рис. 7–9; С. 307, рис. 6–9; Поляков, 2013. С. 404, рис. 1; Варфоломеев, 2013. С. 179, рис. 6; С. 185, рис. 12; Троицкая, Новиков, 2004. С. 54, рис. 18]

На наш взгляд, орнамент на сосудах карасукской культуры (например, из соединенных вместе маленьких треугольников и т. д.) является продолжением андроновской традиции, только в первой он дополняется орнаментом из больших треугольников. Одновременно этот орнамент появляется в близких карасуку по дате и области распространения культурах: ирменской, еловской и бегазы-дандыбаевской (рис. 2, 8–11). Кроме того, следует отметить, что орнамент сетки с выступами на керамике карасукской и еловской культур (рис. 2, 9–10), а также обычный во многих археологических культурах Южной Сибири начиная с периода поздней бронзы орнамент с пересекающейся сеткой (рис. 2, 11–12) проявляется на бронзовых и керамических изделиях Иньского городища (рис. 2, 3–6). Это в основном совпадает по времени с появлением в Иньской узора больших треугольников и также не встречается в областях Северного Китая. Мы уверены, что эти аналогии не являются случайными. Прежде считали, что карасукская культура позднее иньской, однако результаты последних исследований показали, что хронологию карасукской и ирменской культур можно удревнить до XIV в. до н. э. [Молодин, 2008; Святко, Поляков 2009]. Поэтому возможно проводить синхронные сопоставления между южно-сибирскими культурами поздней бронзы и Иньского городища. Мы полагаем, что появление колесниц с лошадинойпряжкой, узора больших

треугольников, орнаментов в виде сетки с выступами и пересекающихся сеток в Иньсуй связано с карасукской, ирменской, еловской и даже бегазы-дандыбаевской культурами. Эти признаки появляются в Иньсуй внезапно, а их следы в областях Северного Китая обнаруживают редко. Поэтому можно предположить, что какая-то группа людей в течение очень короткого периода времени мигрировала из Южной Сибири или Северного и Центрального Казахстана в район Иньского городища².

В-четвертых, проблема культурного обмена в раннем железном веке, связанная с тем, что в начале I тыс. до н. э. из-за климатических изменений и ряда других причин экономика населения степной зоны Евразии стала меняться от скотоводческо-земледельческого типа к кочевому скотоводству. Усилилась подвижность населения, что привело к культурному сродству внутри больших регионов. Большинство ученых сейчас считает, что скифское искусство берет начало в разных регионах. Как указал У Эн [2002], памятники культуры верхнего слоя Сяцзядянь на Северо-Востоке Китая и Аржан-1 в Саяно-Алтайском регионе представляют собой два важных центра скифского искусства раннего периода, однако у него не было четкого мнения о характере связей между ними. Некоторые основные мотивы зафиксированного там искусства имеют удивительное сходство, например, изображения свернувшегося кольцом хищника.

Линь Юнь [2009] полагал, что этот тип украшения имеет три очага распространения (Монголия – для восточных регионов, Саяно-Алтайская область – для Центральной Азии, Причерноморье с сопредельными территориями – для западных регионов). Однако мы считаем, что формирование этого мотива в искусстве обладает значительной спецификой, поэтому, вероятно, он происходит из единого центра. Наиболее ранние изображения свернувшихся кольцом животных встречаются среди нефритовых изделий неолитической культуры Хуншань («нефритовый свино-дракон») (рис. 3, 1, 3), после чего его можно наблюдать в составе нефритовых украшений эпохи Шан-Чжоу (рис. 3, 2). Классические хуншаньские нефритовые изделия найдены в могильнике Дадяньцзы культуры нижнего слоя Сяцзядянь [Дадяньцзы..., 1996], в могиле Фу-хао на Иньском городище [Иньсуй фухао му, 1980] и в могильнике Ляндайцунь государства Жуй периода Западное Чжоу [Сунь Биньцзюнь и др., 2008] (рис. 4, 10; 3, 3). Это объясняется тем, что религиозные представления, воплотившиеся в нефритовые фигуры культуры Хуншань, были сходными и у носителей более поздних культур. Поэтому изображения свернувшихся животных в культуре Хуншань и культуре эпохи Шан-Чжоу представляют единую линию, которая, возможно, продолжалась до периода культуры верхнего слоя Сяцзядянь.

Кроме того, мы считаем, что еще одно самое сакральное и ключевое изображение в составе хуншаньских нефритов – изделие «в форме изогнутого облака» – также связано со скифским искусством. Ранее ученые полагали, что отверстия в этом изделии использовались для подвешивания, поэтому рассматривали его отверстиями кверху. Мы же считаем, что отверстия служили для того, чтобы закрепить его на навершии жезла (часть предметов имеет по два отверстия, что подтверждает нашу точку зрения). Следует рассматривать эти изделия отверстиями книзу, что позволяет показать их сходство с соответствующими предметами скифского искусства.

Все изделия «в форме изогнутого облака», обнаруженные к настоящему времени³, на основании особенностей внешнего облика можно разделить на три типа: тип А, где правая и левая стороны симметричны относительно оси (рис. 4, 1–4); тип В – правая и левая часть симметричны относительно центра (рис. 4, 6–8); тип С – упрощенный вариант первых двух типов (рис. 4, 9–14). Мы обнаружили, что их облик соответствует изображениям птицы в скифском искусстве, распространенным в Южной Сибири и Северном Китае (рис. 5),

² Эта группа не обязательно представляла носителей карасукской, ирменской, еловской или бегазы-дандыбаевской культур, это также могли быть представители какой-либо иной, еще не известной сегодня археологической культуры. Но такая гипотетическая культура (очень вероятно, продолжение андроновской) одновременно оказала влияние на все известные культуры поздней бронзы на территории Южной Сибири и Казахстана (карасукскую, ирменскую, еловскую и бегазы-дандыбаевскую культуры).

³ Согласно неполным подсчетам, опубликовано свыше 60 экз., полученных в ходе научных раскопок либо хранившихся в общественных и частных коллекциях [Люй Цзюнь, Луань Чжаопэн, 2001].

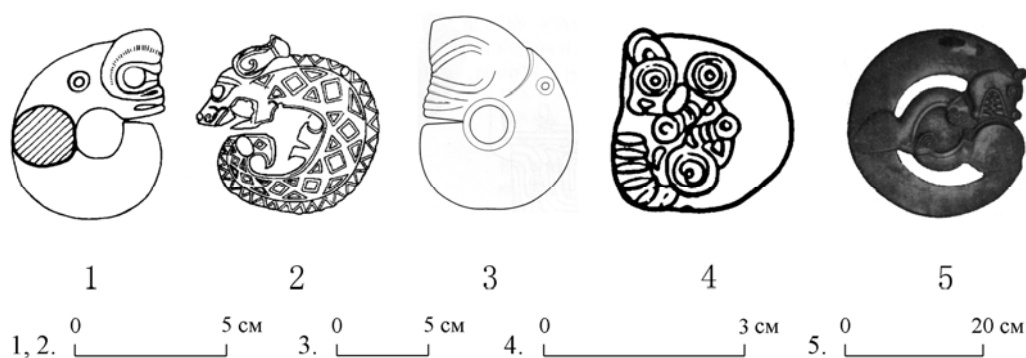

Рис. 3. Формовка фигуры свернувшегося зверя в культуре Хуншань, культуре Шан и Чжоу, культуре верхнего слоя Сяцзяня и на памятнике Аржан-1:

1 – Насытай; 2 – могила Фу-хао; 3 – Ляндайцунь; 4 – Хэйшигоу; 5 – Аржан-1. По: [Чжу Найчэн, 2008. С. 18, рис. 3; Иньсюй дэ фасянь..., 1994. С. 346, рис. 206; Линь Юнь..., 2009. С. 130, рис. 1; Грязнов, 1980. С. 28, рис. 15]

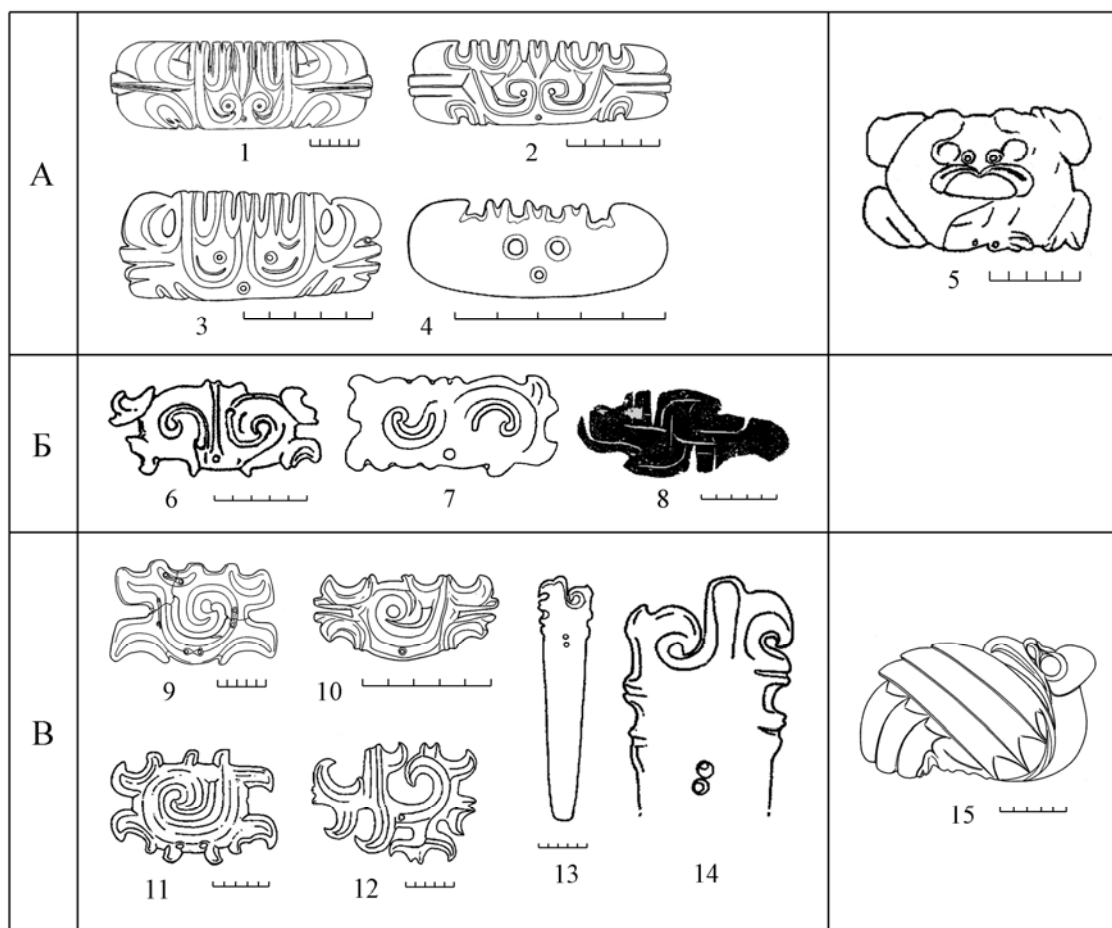

Рис. 4. Нефритовые изделия культуры Хуншань «в форме изогнутого облака» и в форме птицы:

1–4, 9, 15 – Нюхэлян; 5 – из частной коллекции в США; 6 – из Музея Гугун в Пекине; 7 – из собрания компании «Дали», Гонконг; 8 – из Музея искусств г. Тяньцзинь; 10 – Дадяньцзы; 11 – из Музея правого хошуна Балинь, Внутренняя Монголия; 12 – из Музея Гугун в Тайбэе; 13, 14 – из коллекции компании «Яндэтан». По: [Сунь Шоудао и др., 2008. С. 28, рис. 32; С. 30, рис. 34; Нюхэлян..., 2012. С. 404, рис. 71; Ду Цзиньпэн, 1998. С. 51, рис. 1; С. 53, рис. 2; С. 54, рис. 3; Дадяньцзы..., 1996. С. 174, рис. 83; Сунь Шоудао, Го Дашунь, 1984. С. 14, рис. 5; Дэн Шупин, 2002. С. 118, рис. 7]

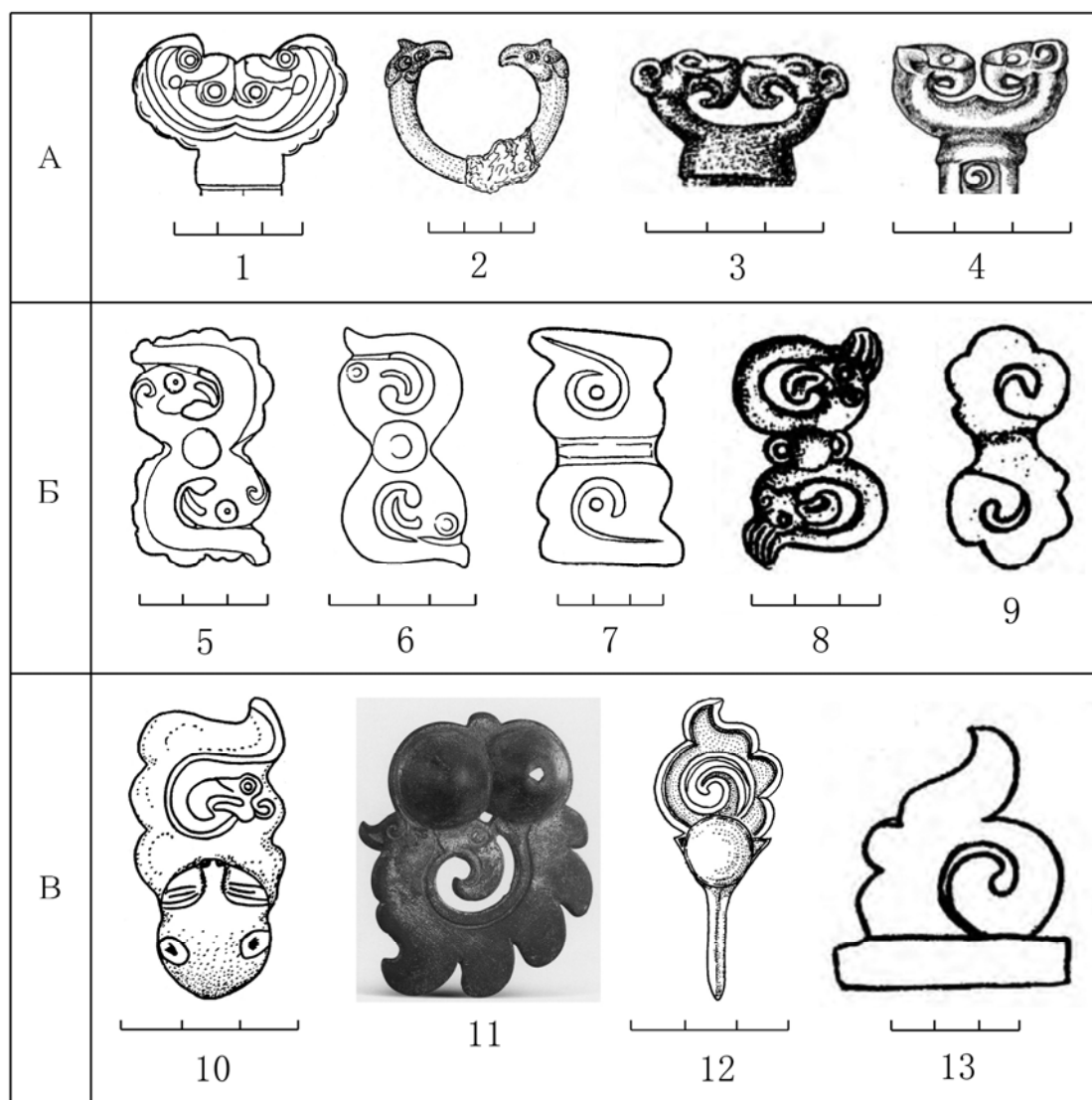

Рис. 5. Изделия в форме птицы, найденные на памятниках раннего железного века в северных районах Китая, в Южной Сибири и Казахстане:

1, 5–7, 10–12 – находки на территории Северного Китая; 2–4, 8, 9, 13 – находки на территории Южной Сибири и Казахстана. По: [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 5, рис. 1; С. 115, рис. 81; С. 155, рис. 110; С. 345, рис. 2; Оэрдосы цинтунци, 2006. С. 220, рис. 2; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005. С. 177, рис. 56; С. 179, рис. 58; С. 182, рис. 61; Бейсенов, 2014. С. 103, рис. 1]

а также на бронзовых и нефритовых изделиях культур эпохи Шан-Чжоу. Поэтому можно утверждать, что хуншаньские нефриты «в форме изогнутого облака» являются ключевым элементом в построении изображений парных или одиночных птиц⁴. Возможно, они использовались до чжоуской эпохи (подобно нефритовому «свино-дракону»), а затем были поглощены скифским искусством. В целом можно утверждать, что области Северного Китая играли ключевую роль в происхождении скифо-сибирского звериного стиля; именно там берут начало некоторые его важные мотивы.

⁴ Мотив парных птиц, сходных с хуншаньскими находками, очень рано появляется на территории Китая. Он распространен как в бассейне Янцзы, так и бассейне Хуанхэ.

За последние годы благодаря применению научно-технических методов установлено, что обмен между культурами Востока и Запада начался не позднее, чем 4 500 лет назад. Например, зооархеологи доказали, что в период от 5 000 до 4 000 лет назад в бассейне Хуанхэ уже появился крупный рогатый скот и мериносные овцы. Генетический анализ, выполненный по костям этих животных, показал, что у них гены коров и овец, происходивших из Западной Азии. Исследования по палеоботанике (в том числе с применением методов палеогенетики) показали, что просо и чумиза происходят из областей Северного Китая; 4 500 лет назад выращивание проса уже проникает на западе в Центральную Азию, а примерно 3 500 лет назад достигает Восточной Европы [Ван Вэй, 2016]. Однако объяснить возникновение подобных связей в рамках археологии пока не удалось. Столь же сложными проблемами, стоящими перед исследователями, представляется датировка и определение способа проникновения в Китай литья металлов и domestikации пшеницы. История культурных обменов между Востоком и Западом намного сложнее, чем это представляется на основе уже обнаруженных археологических материалов, но реконструкция этой истории является задачей, имманентно присущей археологии.

Список литературы

- Бейсенов А. З. Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: История. 2014. № 5. С. 103–107.
- Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.
- Варфоломеев В. В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 167–197.
- Грязнов М. П. Аржан. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая // Сов. археология. 1960. № 4. С. 224–266.
- Ковалев А. А. Великая чумчакская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // Рос. археол. ежегодник. 2011. № 1. С. 183–244.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М.: Вост. лит., 1994. 464 с.
- Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути. М.: КомКнига, 2010. 236 с.
- Молодин В. И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 155–163.
- Молодин В. И. Сейминско-турбинские проявления в Центральной Азии и Китае // Дибацизе мэнгү бэйцзяэр сиболія юй чжунго бэйфан гудай вэньхуа гоцзи сюэшу яньтаохуй: Лунь-вэнь тияо хуйбянь [第八届蒙古、贝加尔西伯利亚与中国北方古代文化国际学术研讨会]. Чанчунь: Цилинь дасюэ бяньцзян каогу яньцзю чжунсинь, 2017. С. 337–347.
- Молодин В. И., Алкин С. В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сб. 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 149–154.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Ван Пэн. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая // Тр. V (XXXI) Всерос. археологич. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. 1. С. 297–299.
- Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 401–416.
- Святко С. В., Поляков А. В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 146–149.
- Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учеб. пособие. Новосибирск: НГПУ, 2004. 136 с.

Уманский А. П., Шагин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2005. 204 с.

Ван Вэй. Вэньхуа цзяолю юй чжунхуа вэньминдэ синчэн // Гуанмин жибао [王巍. 文化交流与中华文明的形成 // 光明日报]. Культурный обмен и формирование китайской цивилизации // Гуанмин жибао. 17.09.2016. С. 7. (на кит. яз.)

Ван Пэн. Цзай лунь иньчжоу гунсинцидэ юнту [王鹏. 再论殷周弓形器的用途]. Еще раз об использовании инь-чжоуских изделий в форме лука // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 24–36. (на кит. яз.)

Ван Пэн, Кэмисалофу С. А. Чжунго иньцзе сулянь цзи элосы каогусюэ шупин [王鹏, S.A. 科米萨罗夫. 中国引介苏联及俄罗斯考古学述评]. Распространение в Китае советской и российской археологической литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 45–51. (на кит. яз.)

Гао Сянпин. Люэ лунь шан-чжоу цинтун гунсинцидэ синчжи яньбянь [郜向平. 略论商周青铜弓形器的形制演变 // 华夏考古]. Обсуждение изменений формы шан-чжоуских бронзовых изделий в форме лука // Хуася каогу. 2007. № 1. С. 94–101. (на кит. яз.)

Дадяньцзы – сяцзядянь сяцэн вэньхуа ичжи юй муди фацзюэ баогао [大甸子--夏家店下层文化遗址与墓地发掘报告]. Дадяньцзы – Отчет о раскопках поселения и могильника культуры нижнего слоя Сяцзядянь. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1996. 411 с. (на кит. яз.)

Ду Цзиньпэн. Хуншань вэньхуа «гоюньсин» лэй юйци таньтао [杜金鹏. 红山文化“勾云形”类玉器探讨 // 考古]. Исследование и обсуждение нефритовых украшений в «форме изогнутого облака» // Каогу. 1998. № 5. С. 50–64. (на кит. яз.)

Дэн Шупин. Хуншань вэньхуа гоюнь юй дайчи лэй юйшидэ яньцзю // Юй хунь го по – чжунго гудай юйци юй чуаньтун вэньхуа сюэшу таолунхуй вэньцзи [邓淑萍. 红山文化勾云与带齿类玉饰的研究 // 玉魂国魄—中国古代玉器与传统文化学术讨论会文集]. Изучение нефритовых украшений в форме изогнутого облака и с зубцами в культуре Хуншань // Дух нефрита, душа страны: Сб. работ конф. по древним нефритовым изделиям Китая в традиционной культуре. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2002. С. 109–127. (на кит. яз.)

Иньсюйдэ фасянь юй яньцзю [殷墟的发现与研究]. Открытия и исследования на Иньском городище. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1994. 486 с. (на кит. яз.)

Иньсюй фухао му [殷墟妇好墓]. Могила Фу-хао на Иньском городище. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 1980. 470 с. (на кит. яз.)

Линь Мэйцунь. Сайма – туэрбинно вэньхуа цзай чжунго [林梅村. 塞伊玛--图尔宾诺文化在中国 // 考古与文物]. Сейминско-турбинская культура в Китае // Каогу юй вэньбу. 2016. № 2. С. 94–101. (на кит. яз.)

Линь Юнь. Гуаньйюй цинтун гунсинцидэ жогань вэньти [林沅. 关于青铜弓形器的若干问题 // 吉林大学社会科学论丛 (2)]. О некоторых вопросах бронзовых изделий в форме лука // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ луныцун. 1980. Вып. 2. С. 156–174. (на кит. яз.)

Линь Юнь. Шан вэньхуа цинтунци юй бэйфан дицзюй цинтунци гуаньсичжи цзай яньцзю [林沅. 商文化青铜器与北方地区青铜器关系之再研究 // 林沅学术文集]. Еще раз об исследовании связей между бронзовыми изделиями культуры Шан и бронзовыми изделиями северного региона // Сб. науч. статей Линь Юня. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 262–288. (на кит. яз.)

Линь Юнь. Сядайдэ чжунго бэйфанси цинтунци [林沅. 夏代的中国北方系青铜器 // 边疆考古研究 (1)]. Бронзовые изделия северокитайского облика при династии Ся // Бяньцзян каогу яньцзю. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2002. Вып. 1. С. 1–12. (на кит. яз.)

Линь Юнь. Лунь оуя цаюаньдэ цзюаньцзюй дуньвэнь [林沅. 论欧亚草原的卷曲动物纹 // 林沅学术文集 (二)]. Об узоре в форме свернувшегося зверя в степях Евразии // Сб. науч. статей Линь Юня. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. С. 129–142. (на кит. яз.)

Линь Юнь. Сычоучжи лу кайтун ицянъ синьцзяндэ цзяотун лусянь [林沅. 丝绸之路开通以前新疆的交通路线 // 草原文物]. Транспортные маршруты Синьцзяна до открытия Великого Шелкового пути // Цаюань вэнь. 2011. № 1. С. 55–64. (на кит. яз.)

Люй Цзюнь, Луань Чжаопэн. Гуаньюй хуншань вэньхуа гоуюнь синлэй юйци яньцзюдэ цзигэ вэньти [吕军、栾兆鹏. 关于红山文化勾云形类玉器研究的几个问题 // 文物春秋]. По поводу нескольких вопросов в изучении категории нефритовых изделий культуры Хуншань «в форме изогнутого облака» // Вэнь чуньцю. 2001. № 1. С. 8–14. (на кит. яз.)

Нюхэлян – хуншань вэньхуа ичжи фацзюэ баогао (1983–2003 няньду) [牛河梁--红山文化遗址发掘报告 (1983–2003 年度)]. Отчет о раскопках (1983–2003 гг.) Нюхэлян, памятника культуры Хуншань. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2012. 591 с. (на кит. яз.)

Оэрдосы цинтунци / Ван Чжихао, Ян Цзэмэн чжубянь [鄂尔多斯青铜器 / 王志浩、杨泽蒙主编]. Ордосские бронзы / Гл. ред. Ван Чжихао, Ян Цзэмэн. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2006. 339 с. (на кит. яз.)

Сунь Бинцзюнь, Чэн Жуйпин, Чжан Вэй, Чэнь Цзяньлин. Шаньси ханьчэн ляндайцунь ичжи М26 фацзюэ цзяньбао [孙秉君、程蕊萍、张伟、陈建凌. 陕西韩城梁带村遗址 M26 发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках могилы М26 на памятнике Ляндайцунь, г. Ханьчэн, пров. Шэньси // Вэнь. 2008. № 1. С. 4–21. (на кит. яз.)

Сунь Шоудао, Го Дашунь. Лунь ляохэ лююйдэ юаньши вэньмин юй лундэ циюань [孙守道、郭大顺. 论辽河流域的原始文明与龙的起源 // 文物]. О первобытной цивилизации бассейна Ляохэ и происхождении [образа] дракона // Вэнь. 1984. № 6. С. 11–17. (на кит. яз.)

Сунь Шоудао, Го Дашунь, Синь Чжаньшань, Фан Дяньчунь, Чжан Кэцзюй. Нюхэлян хуншань вэньхуа диэр дидянь ихао чжун шигуань удэ фацзюэ [孙守道、郭大顺、辛占山、方殿春、张克举. 牛河梁红山文化第二地点一号冢石棺墓的发掘 // 文物]. Раскопки могилы с каменным гробом, относящейся к культуре Хуншань, на кургане № 1 в пункте № 2 Нюхэлян // Вэнь. 2008. № 10. С. 15–33. (на кит. яз.)

Тань Гуанцзинь, Го Сусинь. Оэрдосыши цинтунци [田广金、郭素心. 鄂尔多斯式青铜器]. Бронзовые изделия ордосского типа. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1986. 402 с. (на кит. яз.)

У Энь. Оуя далу цаюань цзаоци юму вэньхуадэ цзидянь сыкао [乌恩. 欧亚大陆草原早期游牧文化的几点思考 // 考古学报]. Некоторые мысли о кочевой культуре раннего этапа степной Евразии // Каогу сюэбао. 2002. № 4. С. 43–470. (на кит. яз.)

Цун Дэсинь, Цзя Вэймин. Цемуэрцекэ муди цзи ци цзаоци ицуньдэ чубу фэньси // Цинчжу чжан чжунпэй сяньшэн баши суй луньвэньцзи [丛德新、贾伟明. 切木尔切克墓地及其早期遗存的初步分析 // 庆祝张忠培先生八十岁论文集]. Могильник Чемурчек: предварительный анализ его ранних памятников // Сб. ст. к 80-летию Чжан Чжунпэя. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2014. С. 275–308. (на кит. яз.)

Чжу Найдэнь. Хуншань вэньхуа шоумянь цзюэсин юйши яньцзю [朱乃诚. 红山文化兽面块形玉饰研究 // 考古学报]. Изучение нефритовых украшений культуры Хуншань в форме подвески цзюэ с личиной зверя // Каогу сюэбао. 2008. № 1. С. 15–38. (на кит. яз.)

Чжунго каогусюэ: Ся шан цзюань [中国考古学: 夏商卷 / 杨锡璋、高伟主编]. Археология Китая: Эпоха Ся и Шан / Гл. ред. Ян Сичжан, Гао Вэй. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2003. 668 с. (на кит. яз.)

Шао Хуйцю. Синьцзян дицзюй аньдэлонуво вэньхуа сянгунань ицунь таньси [邵会秋. 新疆地区安德罗诺沃文化相关遗存探析 // 边疆考古研究 (8)]. Анализ памятников, связанных с андроновской культурой на территории Синьцзяна // Бяньцзян каогу яньцзю. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. Вып. 8. С. 81–97. (на кит. яз.)

Ян Цзяньхуа, Цян Ган. Гуньюань цянъ 2 цянъ цзидэ цзинь шэнь гаюань юй яньшань наньбэй [杨建华、蒋刚. 公元前 2 千纪的晋陕高原与燕山南北]. Шаньси–Шэньсийское плато и территории к северу и к югу от хребта Яньшань во 2-м тыс. до н. э. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2008. 285 с. (на кит. яз.)

Wang Peng

*Institute of Archaeology of CASS
23 Wangfujing, Beijing, China*

kaoguwangpeng@163.com

INTERACTION OF BRONZE AND EARLY IRON AGE CULTURES IN SOUTH SIBERIA, XINJIANG AND NORTHERN CHINA

After decades of efforts by archaeologists, the general outline of the cultural exchange between South Siberia, Northern China and Xinjiang during the Bronze and early Iron Age has been clarified. There are several examples. A branch of the Europeoid population entered Xinjiang, leaving their archaeological relicts which held both some similarities to the Afanasievo culture, as well as some distinct differences. Sites of the Andronovo culture (Andronovo historical-cultural community) have been found both in the northern and the southern parts of Xinjiang, thus indicating several main routes of its penetration. Bronze items of Seima-Turbino and Karasuk appearance are wide spread in Northern China and the Central Plain (at Yinxu). The Xiajiadian upper layer culture spread in North-Eastern China (Dongbei) forms the common historical-cultural space with Slab-grave culture of Northern Mongolia and the Transbaikal region. Bronze weapons and ornaments, made in Scythian-Siberian animal style belonging to the Early Iron Age are also widespread in Xinjiang and Northern China. However, at the same time, a series of unsettled archeological issues are also gradually emerging. This article not only gives a brief summary of what has been achieved, but also puts forward our views regarding some problems. Around 2000 BC a European population of ethnic migrants came from the West to Xinjiang and left archaeological remains there, which are represented by early burials in the Chemurchek cemetery. Andronovo culture monuments were widespread in western and central Xinjiang, and possibly further eastward, which may be reflected in relicts of cultures of the period prior to the Yin dynasty in northern China. From around 1300 BC, some ornamentations on pottery and bronze from Yinxu changed dramatically, and have great similarities with the cultures of the late Bronze Age in South Siberia and Kazakhstan. On the other hand, these factors were not found in Northern China, which shows there could be a population migration from South Siberia or northern Kazakhstan to the Central Plain in a short period of time. The fact that chariots suddenly appeared in Yinxu may be related to this. The curled animals and the shape of double and single birds on the Hongshan jades “in the form of a bent cloud” are very similar to the motifs of the Shang-Zhou culture and the art of the Scythians, their common origin shows that Northern China played an important role in the formation of the «Scythian-Siberian animal style».

Keywords: South Siberia, Northern China, Xinjiang, Bronze Age, Early Iron Age, cultural exchange.

References

- Beisenov A. Z. Kinzhals zoomorfnym dekorom saksogo vremeni iz Tsentral'nogo Kazakhstana [A dagger of Saka period from Central Kazakhstan with zoomorphic decoration]. *Vestnik of Tomsk State Univ. Series: History*, 2014, no. 5, p. 103–107. (in Russ.)
- Gryaznov M. P. Arzhan. Leningrad: Nauka, 1980, 64 p. (in Russ.)
- Kiselev S. V. Neolit i bronzovyi vek Kitaya [Neolith and Bronze Age of China]. *Sov. arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1960, no. 4, p. 224–266. (in Russ.)
- Kovalev A. A. Velikaya chemurcheskaya migratsiya iz Frantsii na Altai v nachale tret'ego tysyacheletiya do n. e [The great Chemurchek migration from France to Altai at the beginning of third millennium BC]. *Ros. arkheologich. ezhegodnik [Russ. archaeological yearbook]*, 2011, no. 1, p. 183–244. (in Russ.)
- Kuzmina E. E. Otkuda prishli indoarii? [Where Indo-Arians came from?]. Moscow, Vost. lit., 1994, 464 p. (in Russ.)

Kuzmina E. E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti [Classification and periodization of Andronovo cultural community' sites]. Aktobe, PrintA, 2008, 358 p. (in Russ.)

Kuzmina E. E. Predystoriya Velikogo shelkovogo puti [Prehistory of the Great Silk road]. Moscow: KomKniga, 2010, 236 p. (in Russ.)

Molodin V. I. Periodizatsiya, khronologiya i kul'turnaya identifikatsiya pamyatnika Chicha (Barabinskaya lesostep') [Periodization, chronology and cultural identification of Chicha site (Barabinsk forest-steppe)]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and Culture in archaeology-ethnographical studies of ancient and modern societies of West Siberia and nearby territories: interpretation and reconstruction]. Tomsk, Agraf-Press, 2008, p. 155–163. (in Russ.)

Molodin V. I. Seiminsko-turbinskie proyavleniya v Tsentral'noi Azii i Kitae [The appearance of Seima-turbino phenomenon in Center Asia and China]. *Diba jie menggu beijiaer xiboliya yu zhongguo beifang gudai wenhua guoji xueshu yantaohui: Lunwen tiyao huibian* [The VIII Int. Academic conf. on «Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China»: Theses and synopsis compilation]. Changchun, Jilin daxue bianjiang kaogu yanjiu zhongxin, 2017, p. 337–447. (in Russ.)

Molodin V. I., Alkin S. V. Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'tszyan) [Afanasiovo Epoch sites in North-East China (Xinjiang)]. *Afanas'evskii sb. 2* [On Afanasievo {epoch} collection–2]. Barnaul, Azbuka, 2012, p. 149–154. (in Russ.)

Molodin V. I., Komissarov S. A., Wang Peng. Bronzovye nakonechniki kopii seiminsko-turbinskogo tipa iz Kitaya [Bronze spears of Seima-Turbino type from China]. *Tr. V (XXXI) Vseros. arkheologich. s"ezda v Barnaule – Belokurikhe* [Proceedings of V (XXXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul, Alt. Univ. Publ., 2017, vol. 1, p. 297–299. (in Russ.)

Polyakov A. V. Rannie etapy razvitiya epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseya [Early stages in development of the Late Bronze age at Middle of Enisey]. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoi Evrazii* [Begazi-Dandybaevo Culture of steppe Eurasia]. Almaty, Begazy-Tasmola, 2013, p. 401–416. (in Russ.)

Svyatko S. V., Polyakov A. V. Novye radiouglerodnye daty pamyatnikov epokhi bronzy – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseya [New radiocarbon data on the sites of Bronze Age and of the beginning of Iron Age at Middle Enisey]. *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [A role of natural-science methods in archaeological investigations]. Barnaul, Alt. Univ. Publ., 2009, p. 146–149. (in Russ.)

Teploukhov S. A. Drevnie pogrebeniya v Minusinskom krae [Ancient burials in Minusinsk Region]. *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography]. Leningrad, 1927, vol. 3, iss. 2, p. 57–112. (in Russ.)

Teploukhov S. A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskh kul'tur Minusinskogo kraia [An attempt of classification of ancient metal cultures at Minusinsk Region]. *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography]. Leningrad, 1929, vol. 4, iss. 2, p. 41–62. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoi ravniny [Archaeology of West Siberian Plain]. Novosibirsk, NGPU Press, 2004, 136 p. (in Russ.)

Umanskii A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi [Rogozikha-1 – grave-yard of Scythian epoch at left-bank territory of Ob' River]. Barnaul, Alt. Univ. Publisher, 2005, 204 p. (in Russ.)

Varenov A. V. O funktsional'nom prednaznachenii «modelei yarma» epokhi In' i Chzhou [About functional assignment of «yoke model» of Yin and Zhou epoch]. *Novoe v arkheologii Kitaya* [New data in Chinese archaeology]. Novosibirsk, Nauka, 1984, p. 42–51. (in Russ.)

Varfolomeev V. V. Keramika superstratnogo oblika iz pamyatnikov begazy-dandybaevskoi kul'tury [Ceramics of super-stratum form from the sites of Begazi-Dandybaevo Culture]. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoi Evrazii* [Begazi-Dandybaevo Culture of steppe Eurasia]. Almaty, Begazy-Tasmola, 2013, p. 167–197. (in Russ.)

Cong Dexin, Jia Weiming. Qiemuerqieke mudi ji qi zaoqi yicunde chubu fenxi. Qingzhu zhang zhongpei xiansheng bashi sui lunwenji [丛德新、贾伟明. 切木尔切克墓地及其早期遗存的初步

分析 // 庆祝张忠培先生八十岁论文集]. Qiemuierqieke cemetery and preliminary analysis of its early deposits. *A collection of papers to commemorate the 80th anniversary of Zhang Zhongpei*. Beijing, Kexue chubanshe, 2014, p. 275–308. (in Chin.)

Dadianzi – xiajiadian xiaceng wenhua yizhi yu mudi fajue baogao [大甸子--夏家店下层文化遗址与墓地发掘报告]. Dadianzi – Report on excavations of Xiajiadian lower layer culture's site and grave-yard. Beijing: Kexue chubanshe, 1996, 411 p. (in Chin.)

Deng Shuping. Hongshan wenhua gouyun yu daichi lei yushide yanjiu // Yu hun guo po – zhongguo gudai yuqi yu chuantong wenhua xueshu taolunhui weiji [邓淑萍. 红山文化勾云与带齿类玉饰的研究 // 玉魂国魄—中国古代玉器与传统文化学术讨论会文集]. Investigations of Hongshan culture's nephrite dentical ornaments in form of curved cloud // *Spirit of jade, soul of state: Collection of papers for conf. on ancient jades of China in traditional culture*. Beijing: Yanshan chubanshe, 2002, p. 109–127. (in Chin.)

Du Jinpeng. Hongshan wenhua «gouyunxing» lei yuqi tantao [杜金鹏. 红山文化“勾云形”类玉器探讨 // 考古]. Investigations and considerations about jades in «curved cloud form». *Kaogu*, 1998, no. 5, p. 50–64. (in Chin.)

Gao Xiangping. Lue lun shangzhou qingtong gongxingqide xinzhì yanbian [郜向平. 略论商周青铜弓形器的形制演变 // 华夏考古]. Discussion on the form's changes of Shang–Zhou bow-shaped bronzes // *Huaxia kaogu*, 2007, No. 1, pp. 94–101. (in Chin.)

Lin Meicun. Saiyima–tuerbingnuo wenhua zai zhongguo [林梅村. 塞伊玛--图尔宾诺文化在中国 // 考古与文物]. Seima–Turbino culture in China. *Kaogu yu wenwu*, 2016, no. 2, p. 94–101. (in Chin.)

Lin Yun. Guanyu qingtong gongxingqide ruogan wenti [林沅. 关于青铜弓形器的若干问题 // 吉林大学社会科学论丛 (2)]. Several problems of bow-shaped bronzes. *Jilin daxue shehui kexue luncun*, 1980, iss. 2, p. 156–174. (in Chin.)

Lin Yun. Shang wenhua qingtongqi yu beifang diqu qingtongqi guanxizhi zai yanjiu // Lin yun xueshu wenji [林沅. 商文化青铜器与北方地区青铜器关系之再研究 // 林沅学术文集]. Once again about investigation of connection between bronzes of Shang culture and bronzes of northern region. *Collection of scientific papers by Lin Yun*. Beijing, Zhongguo dabaiké quanshu chubanshe, 1998, p. 262–288. (in Chin.)

Lin Yun. Xiadaide zhongguo beifangxi qingtongqi [林沅. 夏代的中国北方系青铜器 // 边疆考古研究 (1)]. Bronzes of the North China's type under the Xia Dynasty. *Bianjiang kaogu yanjiu*. Beijing, Kexue chubanshe, 2002, iss. 1, p. 1–12. (in Chin.)

Lin Yun. Lun ouya caoyuande juanqu dongwuwen // Lin yun xueshu wenji (2) [林沅. 论欧亚草原的卷曲动物纹 // 林云学术文集 (二)]. On design in form of scrolled animal in Eurasian steppe. *Collection of scientific papers by Lin Yun*. Beijing, Kexue chubanshe, 2009, iss. 2, p. 129–142. (in Chin.)

Lin Yun. Sichouzhì lu kaitong yiqian xinjiande jiaotong luxian [林沅. 丝绸之路开通以前新疆的交通路线 // 草原文物]. Transportation routes through Xinjiang before Silk Road's opening. *Caoyuan wenwu*, 2011, no. 1, p. 55–64. (in Chin.)

Lü Jun, Luan Zhaopeng. Guanyu hongshan wenhua gouyun xinglei yuqi yanjiude jige wenti [吕军、栾兆鹏. 关于红山文化勾云形类玉器研究的几个问题 // 文物春秋]. On some problems in investigation of Hongshan culture's jades «in form of curved cloud». *Wenwu chunqiu*, 2001, no. 1, p. 8–14. (in Chin.)

Niuheliang – hongshan wenhua yizhi fajue baogao (1983–2003 niandu) [牛河梁--红山文化遗址发掘报告 (1983–2003 年度)]. Report on excavations (1983–2003 years) of Niuheliang, Hongshan culture's site. Beijing, Wenwu chubanshe, 2012, 591 p. (in Chin.)

Oerduosi qingtongqi / Wang Zhihao, Yang Zemeng zhubian [鄂尔多斯青铜器 / 王志浩、杨泽蒙主编]. Ordos bronzes / Ed. by Wang Zhihao, Yang Zemeng. Beijing, Wenwu chubanshe, 2006, 339 p. (in Chin.)

Shao Huiqiu. Xinjiang diqu andeluonuoowo wenhua xianguan yicun tanxi [邵会秋. 新疆地区安德罗诺沃文化相关遗存探析 // 边疆考古研究 (8)]. Analysis of the materials connected with

Andronovo Culture in Xinjiang. *Bianjiang kaogu yanjiu*. Beijing, Kexue chubanshe, 2009, iss. 8, p. 81–97. (in Chin.)

Sun Bingjun, Cheng Ruiping, Zhang Wei, Chen Jianling. Shaanxi hancheng liangdaicun yizhi M26 fajue jianbao [孙秉君、程蕊萍、张伟、陈建凌。陕西韩城梁带村遗址 M26 发掘简报 // 文物]. Brief report about excavations of burial M26 at Liangdaicun, Hancheng town, Shaanxi province. *Wenwu*, 2008, no. 1, p. 4–21. (in Chin.)

Sun Shoudao, Guo Dashun. Lun liaohe liuyude yanshi wenming yu longed qiyuan [孙守道、郭大顺。论辽河流域的原始文明与龙的起源 // 文物]. About Liaohe Basin primitive civilization and origin of dragon image. *Wenwu*, 1984, no. 6, p. 11–17. (in Chin.)

Sun Shoudao, Guo Dashun, Xin Zhanshan, Fang Dianchun, Zhang Keju. Niuheliang hongshan wenhua dier didian yihao zhong shiguan mude fajue [孙守道、郭大顺、辛占山、方殿春、张克举。牛河梁红山文化第二地点一号冢石棺墓的发掘 // 文物]. Excavations of Hongshan culture's burial with stone coffin at the mound No. 1 in the point No. 2 in Niuheliang. *Wenwu*, 2008, no. 10, p. 15–33. (in Chin.)

Tian Guangjin, Guo Suxin. Oerduosi qingtongqi [田广金、郭素心。鄂尔多斯式青铜器]. Bronzes of Ordos style. Beijing: Wenwu chubanshe, 1986, 402 p. (in Chin.)

Wang Peng. Zai lun yin Zhou gongxingqide yongtu [王鹏。再论殷周弓形器的用途]. Once again about using of bow-shaped dronzes of Yin and Zhou. *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, philology*, 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies, p. 24–36. (in Chin.)

Wang Peng, S. A. Kemisaluofu. Zhongguo yinjie sulian ji eluosi kaoguxue shuping [王鹏、S.A. 科米萨罗夫。中国引介苏联及俄罗斯考古学述评]. Dissemination of the Soviet and Russian archaeological literature in China. *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, philology*, 2013, vol. 12, iss. 4: Oriental Studies, p. 45–51. (in Chin.)

Wang Wei. Wenhua jiaoliu yu zhonghua wenmingde xincheng [王巍。文化交流与中华文明的形成 // 光明日报]. Cultural exchange and formation of Chinese civilization. *Guangming ribao*, 17.09.2016, p. 7. (in Chin.)

Wu En. Ouya dalu caoyuan zaoqi youmu wenhuade jidian sikao [乌恩。欧亚大陆草原早期游牧文化的几点思考 // 考古学报]. Some ideas about nomadic culture of early stage in steppe Eurasia. *Kaogu xuebao*, 2002, no. 4, p. 43–470. (in Chin.)

Yang Jianghua, Jiang Gang. Guanyu qian erqian jide jin shen gaoyuan yu yanshan nanbei [杨建华、蒋刚。公元前 2 千纪的晋陕高原与燕山南北]. Shanxi–Shenxi Plato and territories on both, northern and southern, sides of Yanshan ridge in 2nd Millennium BC. Beijing, Kexue chubanshe, 2008, 285 p. (in Chin.)

Yinxude faxian yu yanjiu [殷墟的发现与研究]. Discoveries and investigations on Yin xu. Beijing, Kexue chubanshe, 1994, 486 p. (in Chin.)

Yinxu fuhao mu [殷墟妇好墓]. The tomb of Fu-hao at Yin xu. Beijing, Wenwu chubanshe, 1980, 470 p. (in Chin.)

Zhongguo kaoguxue: Xia shang juan [中国考古学：夏商卷 / 杨锡璋、高伟主编]. Archaeology of China: Xia and Shang epoch. Ed. by Yang Xizhang, Gao Wei. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003, 668 p. (in Chin.)

Zhu Naicheng. Hongshan wenhua shoumian juexing yushi yanjiu [朱乃诚。红山文化兽面玦形玉饰研究 // 考古学报]. Investigation of Hongshan culture's nephrite ornaments in form of jue-pendants with animal mask. *Kaogu xuebao*, 2008, no. 1, p. 15–38. (in Chin.)

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

avvarenov@mail.ru

О ТОЧНОМ ДАТИРОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ТИГРОВ В ГОРАХ ХЭЛАНЬШАНЬ И ОЛЕНЯХ В «СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ»*

Рассмотрена проблема точного датирования изображений тигров из гор Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. Предложенные китайскими археологами Сю Чэном и Вэй Чжуном даты (XIII–VIII вв. до н. э.) опираются на параллели с местными хэланьшаньскими петроглифами в «стиле оленных камней». Автор считает рассмотренные китайскими коллегами параллели недостаточно надежными, их даты – слишком широкими, а определение хронологии оленных камней путем сопоставления изображенного на стелах оружия и снаряжения с реальными вещами эпох Шан и Чжоу методически неверным. Кроме того, шанская иконография тигров не имела ничего общего с хэланьшаньской. Вариант датировки автора (IX–VIII вв. до н. э.) базируется на сходстве декорирования тела хэланьшаньских зверей, хищников, отлитых на бронзовом зеркале из Шанцуньлина и на бронзах памятника Сяохэйшигоу (тип Наньшаньгэнь). Рассмотрены специфика иконографии и особенности композиций с изображениями оленей в «стиле оленных камней» из гор Хэланьшань. Намечены возможные пути дальнейшего исследования данной категории петроглифов.

Ключевые слова: Китай, археология, горы Хэланьшань, наскальное искусство, петроглифы с тиграми, олени в «стиле оленных камней», датирование методом аналогий.

У них есть знания на том берегу,
Вот белые олени на черном снегу.
Б. Гребеничиков

Горы Хэланьшань лежат на границе между Нинся-Хуэйским автономным районом и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР), протянувшись примерно на 200 км в длину, со средней высотой около 2000 м над уровнем моря. Местонахождения наскальных рисунков расположены в основном по восточному склону, в пределах Нинся. На начало 90-х гг. XX в. китайскими учеными в горах Хэланьшань выявлено свыше 10000 и научно зафиксировано (описано, сфотографировано и скопировано) около 2000 петроглифов [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993. С. 1, 20]. Наиболее известные сюжеты хэланьшаньских наскальных изображений – это маски-личины и хищные звери, «туловища которых представляют собой подтреугольную фигуру, равномерно расширяющуюся к разверстой пасти без выделения шеи и головы. Тем самым верхняя и нижняя челюсти служат как бы продолжением этого треугольного контура. В зубастой пасти показан язык отчетливо треугольной формы. Хвост жи-

* Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект 18-09-00557.

вотного опущен вниз» [Ковалев, 2000. С. 153]. Далеко не все хищники, изображенные в горах Хэланьшань, подходят под определение «хэланьшаньских». Например, два тигра из местонахождения Дасифэнгоу (Дасифогоу) заметно различаются по пропорциям туловища и положению хвоста, хотя и размещены рядом, практически на одной скальной плоскости (рис. 1, 1, 2). Проблему их датировки и хронологического соотношения мы и попробуем решить.

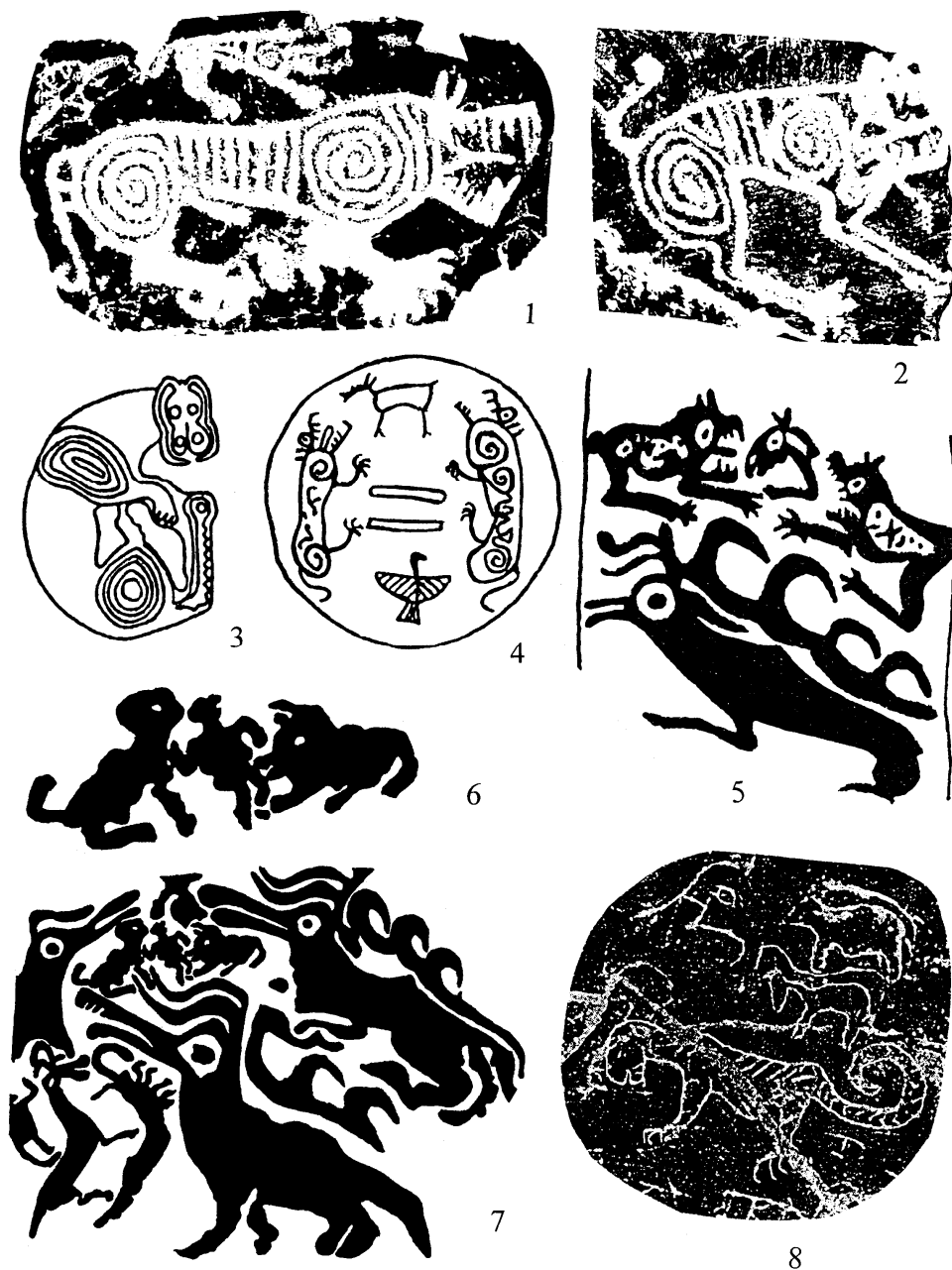

Рис. 1. Рисунки тигров из Хэланьшань и их аналогии:

1, 2 – тигры из Дасифэнгоу (Дасифогоу) в уезде Хэлань пров. Нинся; 3 – бляха из погребения M8501 в Сяохэйшигоу уезда Нинчэн во Внутренней Монголии; 4 – зеркало из погребения № 1612 в Шанцуньлине; 5 – оленный камень № 15 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия) (деталь); 6, 7 – сцена терзания (?) из Суюйкоу в уезде Хэлань пров. Нинся (6 – деталь); 8 – тигр из Сяотуни в уезде Аньян пров. Хэнань. 3, 4 – бронза; 8 – кость; остальные – наскальные изображения (5 – на оленном камне). По: [1, 2 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993. Рис. 27, 42; 3 – Сяохэйшигоу, 2009. С. 279, рис. 223, 9; 4, 5 – Варенов, 1984. С. 47, рис. 13; 6, 7 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 408, рис. 33, 7; 8 – Cheng Te-k'un, 1960. p. 136, fig. 29]. Все – разный масштаб

Рис. 2. Рисунки оленей в «стиле оленных камней» гор Хэланьшань:

1, 2 – из Хэланькоу в уезде Хэлань пров. Нинся; 3 – из Гуйтоугоу в уезде Хэлань пров. Нинся; 4 – из Дасифэнгоу (Дасифогоу) в уезде Хэлань пров. Нинся. По: [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993. Рис. 61, 88, 9, 30]. Все – разный масштаб

Сложность определения точной даты создания наскального искусства заключается в том, что в настоящее время археологи, как правило, уверенно привязывают петроглифы по их стилистическим особенностям только к большим хронологическим периодам: неолиту, бронзовому веку, скифскому, гуннскому, древнетюркскому времени. Лишь в хорошо изученных районах, богатых наскальными рисунками разных эпох, возможно более дробное членение. Например, в Южной Сибири внутри эпохи бронзы выделяются изображения в минусинском

стиле (наиболее ранние), окуневского и карасукского времени. В Северном Китае, за пределами так называемой нуклеарной зоны в бассейне р. Хуанхэ, где зародилась и существовала цивилизация эпох Шан-Инь и Чжоу, этнокультурная хронологическая шкала разработана достаточно слабо. Местные археологические культуры эпохи бронзы и раннего железного века там зачастую еще просто не исследованы и не выделены как таковые. Соответственно, китайские археологи осуществляют привязку уже открытых наскальных изображений Северного Китая к хронологической шкале нуклеарного района, а аналогии им подыскивают среди петроглифов Монголии и Южной Сибири, причем стилистические различия наскальных рисунков разных регионов не всегда принимаются во внимание. Понятно, что серьезные неточности при этом неизбежны. Так, китайские археологи Сю Чэн и Вэй Чжун [1993. С. 8, 32], исследовавшие наскальное искусство гор Хэланьшань, разделили его на следующие хронологические отрезки: «I фаза (период) датируется от времени, предшествующего эпохе Чуньцю (VII–V вв. до н.э.) до конца эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Ее нижняя хронологическая граница соответствует эпохам династий Шан (XIII–XI вв. до н.э.) и Чжоу (X–VIII вв. до н.э.) или чуть более ранняя. II фаза (период) датируется от эпохи династий Цинь и Хань (III в. до н.э.) до конца эпохи Южных и Северных династий (VI в. н.э.). III фаза (период) охватывает время от эпохи династий Суй и Тан (VII в. н.э.) до конца правления династий Западная Ся и Юань (XIII–XIV вв. н.э.)».

Более точная датировка индивидуального петроглифа внутри этих «фаз» встречает большие трудности. Например, Сю Чэн и Вэй Чжун сравнивают образы тигров с телами, орнаментированными спиралями и параллельными поперечными полосами из местонахождения Дасифэнгоу (Дасифогоу) (рис. 1, 1, 2) с аналогично украшенным изображением оленя из ущелья Хэланькоу, оба в Хэланьшань (рис. 2, 1). Последнего они сопоставляют с оленями, выгравированными на оленных камнях в Монголии и Сибири. Оленные камни датируются данными китайскими археологами XIII–VIII вв. до н.э. Обоснованием им служит сравнение оружия и снаряжения, изображенного на этих стелах (конкретно, в китайской публикации речь идет о втульчатых боевых топорах и «моделях ярма» – ПНН) с реальными бронзовыми изделиями, «широко распространенными в эпохи Шан и Чжоу» в нуклеарном районе. В итоге китайские исследователи заключают, что образы тигров «принадлежат к эпохам династий Шан и Чжоу, или времени, предшествующем династиям Шан и Чжоу» [Там же]. Другой китайский археолог Ли Сянши считает, что изображения тех же тигров из Дасифэнгоу (Дасифогоу – данный пункт у него назван именно так. – А. В.) оставлены племенами *сюнну* или *цян*, и датирует их временем 2–3 тысячи лет назад, что ничуть не лучше даты, предложенной Сю Чэном и Вэй Чжуном. Вдобавок он не приводит никаких обоснований для своего варианта этнической атрибуции и датировки наскальных рисунков [Чжунго яньхуа, 1993. С. 130, рис. 79].

Получается, что Сю Чэн и Вэй Чжун отводят изображениям тигров не менее шести столетий (XIII–VIII вв. до н.э.), не говоря уже о том, что возраст оленных камней сам по себе является дискуссионной проблемой, горячо обсуждаемой в советской и российской археологической литературе в течение последних 40–50 лет. Комплексный обзор истории изучения оленных камней и возникающих при этом проблем еще в середине 1990-х гг. дан Д. Г. Савиновым [Савинов, 1994. С. 8–27], краткое изложение развития полемики в последующие годы – М. А. Дэвлет [2001. С. 411–419] и тем же Д. Г. Савиновым [2016. С. 123–143]. Следует заметить, что трактовка рогов, морды, ног оленя из ущелья Хэланькоу не характерна для оленных камней монголо-забайкальского стиля, а именно на таких камнях преимущественно и выбивались «двойные крючки», которые китайские археологи, видимо, отождествляют с ПНН, а также боевые втульчатые топоры. То изображение, о котором пишут Сю Чэн и Вэй Чжун, нетипично и для оленных камней саяно-алтайского стиля. По характеру орнаментации тела и трактовке рогов ему близки, скорее, лоси из Сакачи-Аляна, тоже с четырьмя ногами, как и олень из Хэланькоу [Окладников, 1971. С. 207–211, 302–304, 308]. Дело даже не в том, что на оленных камнях, насколько нам известно, туловища оленей никогда не украшали спиралями в районе бедра и лопатки и/или «тигриными» полосами. Положение ног оленя из Хэланькоу может быть отнесено к варианту позы «на кончиках копыт» (оно же положение «на цыпочках» или «на пуантах»), характеризующей оленей с камней саяно-алтайского стиля, лишь с известной натяжкой. Что реально сближает оленя из ущелья Хэланькоу со стилем

оленных камней, так это острый треугольный горбик на спине в районе лопатки. Впрочем, на фотографии он почему-то не просматривается (рис. 3).

Рис. 3. Олень из ущелья Хэланькоу. По: [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993. Цв. ил. XVII, 2]

Рис. 4. Валун в устье ущелья Хэланькоу с двумя оленями и маской-личиной. Фото А. В. Варенова

Изображения оленей в настоящем монголо-забайкальском стиле в Хэланькоу тоже имеются (рис. 2, 2), причем выбиты они на крупном валуне, отдельно лежащем посреди водотока там, где он выходит на равнину (рис. 4). Изображения других оленей (не в «стиле оленных камней») и тигров размещаются на стенах ущелья Хэланькоу, в его приустьевой части, а маски-личины в основном в глубине гор и довольно высоко на скалах, хотя одна из них есть и на лежащем в устье водотока валуне, чуть выше и правее оленей (рис. 4, 2). В горах

Хэланьшань известно еще несколько композиций с оленями в классическом «монголо-забайкальском стиле». Одна из них нанесена на скалы в том же ущелье Дасифэнгоу (Дасифо-гоу), что и тигры (рис. 2, 4). У оленя из Дасифэнгоу голова развернута назад, так что клювовидная морда оказывается над отчетливо выраженным горбиком, а ветвистые рога идут вдоль нижней части длинной шеи (рис. 5). Правда, обе ноги у него довольно длинные, а у оленей с оленных камней пара ног обычно подогнута под брюхо и/или сильно редуцирована. При этом никаких оленных камней – ни общевразийских, ни саяно-алтайских, ни монголо-забайкальских – в горах Хэланьшань нет.

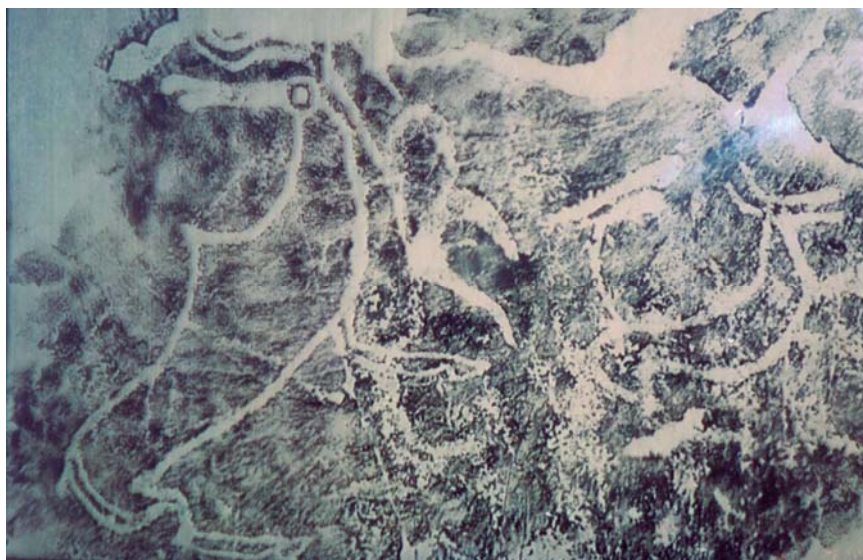

Рис. 5. Олень из ущелья Дасифэнгоу (Дасифо-гоу).
Протирка из Музея наскальных изображений в г. Инчуань.
Фото А. В. Варенова

По мнению автора, чтобы получить дату отдельно взятого петроглифа традиционным методом аналогий, необходимо сравнивать его с другим рисунком, а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще. Иной подход представляется методически неверным и может привести (это не значит, что обязательно приведет) к серьезным хронологическим ошибкам. Конечно, одно из сравниваемых изображений должно иметь более узкую, если не абсолютно точную дату. Что касается тигров из Хэланьшань с их широко открытыми зубастыми пастьми, большими выпущенными когтями, выпученными глазами и телами, украшенными параллельными полосами и спиралями, то близкую аналогию им составляют терзающие копытное животное хищные звери, изображенные на бронзовом зеркале из погребения № 1612 могильника царства Го в Шанцуньлине (рис. 1, 4). Ни одно погребение данного могильника не могло быть совершено позднее 655 г. до н. э., когда Го было поглощено государством Цзинь [Варенов, 1984. С. 48]. Значительная часть могил Шанцуньлина «относится примерно к одному периоду – вторая половина IX – первая половина VIII в. до н. э.» [Комиссаров, 1985. С. 9–10].

Тогда же, в середине 1980-х гг., автором отмечено, что сцена терзания, во многом аналогичная шанцуньлинской по композиции и, вероятно, по семантике, выгравирована на оленном камне № 15 из Ушкийн-Увэра в Монголии (рис. 1, 5) [Варенов, 1985. С. 167]. Обращает на себя внимание, что хищники, отлитые на шанцуньлинском зеркале, максимально близки по пропорциям и стилистическому оформлению к первому тигру из Дасифэнгоу (см. рис. 1, 1), а звери с оленного камня из Ушкийн-Увэра – ко второму (см. рис. 1, 2). Таким образом, зеркало из Шанцуньлина дало более точную дату для хэланьшаньских тигров, а те гораздо надежнее связали его стилистически с монгольскими оленными камнями. Сцена терзания, композиционно близкая к ушкийн-увэрской, обнаружена и в горах Хэланьшань, в ущелье

Суюйкоу [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 408, рис. 33, 7]¹. На ней угадывается человеческая фигурка, справа и слева от которой выбито по животному, скорее всего, хищному (рис. 1, 6). Впрочем, изображения эти недостаточно четкие, чтобы уверенно разбирать и интерпретировать все их детали (рис. 6). Примечательно другое – сцена терзания (?) из Суюйкоу, как и на камне № 15 из Ушкийн-Увэра, находится в окружении более крупных фигур оленей (рис. 1, 7). Олени на композиции из Суюйкоу отличаются сравнительно коротким телом, сочетающимся с вертикально поднятой вверх (а не вытянутой вперед, как у «классических» изображений в «стиле оленных камней») шеей и, кроме одного случая, отсутствием острого горбика. Еще одно скопление оленей, иконографически близких суюйкоуским, встречено на небольшой (25 на 23 см) плоско лежащей каменной плитке в ущелье Гуйтоугоу (рис. 2, 3). И у находящегося на самом «верху» композиции наиболее крупного оленя их Гуйтоугоу, и у оленя из Хэланькоу, и у оленя и меньшего из тигров из Дасифэнгоу ноги по отношению к их туловищам примерно одинаковой длины и расположены под близкими углами (ср. рис. 2, 1, 3, 4 и рис. 1, 2).

Рис. 6. Олени и сцена терзания (?) из Суюйкоу.
Протирка из Музея наскальных изображений в г. Инчуань.
Фото А. В. Варенова

Другая линия стилистической привязки хэланьшаньских тигров к шкале абсолютной хронологии – через орнаментацию лопатки и/или бедра спиралями или концентрическими окружностями. Это излюбленный прием украшения тела хищных животных в бронзах так называемого «типа Наньшаньгэнь» (см. [Ковалев, 1998. С. 122–131]). Тип Наньшаньгэнь также датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., хотя многие из наньшаньгэньских изображений хищников отличаются от «хэланьшаньских». Например, у пантеры на бронзовой бляхе из погребения M8501 в Сяохэйшигоу тело свернуто в полукольцо, голова выделена и развернута анфас, а пасть закрыта (рис. 1, 3) [Сяохэйшигоу, 2009. С. 279]. У рисунков тигров, обнаруженных на гадательных костях эпохи Шан из Аньяна (рис. 1, 8), с хэланьшаньскими петроглифами схожи лишь когтистые лапы, закручивающийся на конце длинный хвост и орнаментация тела параллельными шевронами, то есть общие признаки хищников данного вида (*Panthera tigris*). О датировке же хэланьшаньских тигров эпохой Шан (XIII–XI вв. до н. э.) речь идти не может.

Что касается петроглифов в «стиле оленных камней» из Хэланьшань, то пути их дальнейшего исследования, помимо открытия новых изображений, видятся в следующих направлениях. Во-первых, выявление особенностей иконографии, вроде отмеченных выше для рисун-

¹ За указание на данную композицию автор выражает признательность Д. В. Черемисину.

ков из Суюйкоу и Гуйтоугоу. Во-вторых, поиск закономерностей построения композиций. Например, «особенные» олени из Суюйкоу и Гуйтоугоу сгруппированы на относительно небольших по площади скальных поверхностях (даже на отдельно лежащей плитке камня) так, что два из них обращены друг к другу мордами или крупами, образуя верхнее или нижнее обрамление изобразительного поля, а третий замыкает его снизу или сверху. При анализе композиций необходимо также учитывать пол изображаемых животных (рогатые олени – самцы, безрогие – самки). В-третьих, раскрытие специфики выбора поверхности для изображения оленей: на отдельно лежащих валунах, на плитках, на скальных плоскостях, и в какой части ущелья или горного склона последние располагаются. В-четвертых, подбор аналогий по всем трем отмеченным выше направлениям: иконографии, построению композиций, поверхности нанесения изображений как на памятниках из других районов Китая, так и из Монголии, Казахстана и России. Например, соответствие отдельно лежащему валуну с парой оленей на нем из ущелья Хэланькоу недавно обнаружено в Горном Алтае [Кубарев, 2017. С. 341–344]. Учет вышеизложенных факторов позволит с большей уверенностью подходить к решению вопросов семантики и других проблем, связанных с петроглифами в «стиле оленных камней».

Список литературы

Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

Варенов А. В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 163–172.

Дэвлет М. А. Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. ст. М.: Старый сад, 2001. С. 370–438.

Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122–131.

Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138–180.

Комиссаров С. А. Шанцуньин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М.: Наука, 1985. С. 3–12.

Кубарев Г. В. «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 341–344.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.

Савинов Д. Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 123–143.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. II. Shang China. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1960. 368 p.

Гай Шаньлин, Гай Чжисхао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с., илл. (на кит. яз.).

Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов гор Хэланьшань. Пекин: Вэнь, 1993. 46, 364, 20 с., ил. (на кит. яз.).

Сяохэйшигоу – Сяцзядянь шан цэн вэньхуа ичжи фацзюе баогао [小黑石沟 – 夏家店上层文化遗址发掘报告]. Сяохэйшигоу – отчет о раскопках памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 488 с.; XL, XVI л. ил. (на кит. яз.).

Чжунго яньхуа [中国岩画]. Наскальное искусство Китая. Пекин: Вэнь, 1993. 150 с. (на кит. яз.).

Andrey V. Varenov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

avvarenov@mail.ru

ON THE EXACT DATING OF TIGER IMAGES IN THE HELAN MOUNTAINS AND THE «STAG STONE STYLE» DEER

Nowadays scientists can confidently divide petroglyphs by their style but only into big chronological periods. For example, in Siberia they are attributed to the Neolithic, Bronze Age, Scythian, Xiongnu or Ancient Turkic times. In China, Xu Cheng and Wei Zhong split Helan Mountains rock art into even longer time spans: “Phase 1 dating back to Pre-Spring and Autumn period and Warring States Period; Phase 2 dating from Qin and Han Dynasties to the Southern and Northern Dynasties; Phase 3 dating from Sui and Tang Dynasties to the Western Xia and Yuan Dynasties”.

More exact dating of each individual petroglyph within these phases however meets great difficulties. For example, Xu Cheng and Wei Zhong compare images of tigers with their bodies decorated with spirals from Daxifenggou (Daxifogou) with the likely decorated picture of a deer from Helankou, both sites in Helan Mountains. The latter they compare with the images of deer from the so-called “stag-stones” (“deer-stones”) in Mongolia and Siberia. Stag-stones are attributed by Chinese archaeologists to the XIII–VIII centuries B.C. due to the comparison of weapons depicted on these steles, with real bronze daggers and battle axes, found in China. Thus the Chinese researchers conclude that the images of tigers “belong to Shang and Zhou Dynasties or pre-Shang and Zhou Dynasties”. Xu Cheng and Wei Zhong give tiger images an estimated time span of no less than six centuries (XIII – VIII B.C.), not to mention that the age of stag-stones is a disputable problem itself, hotly debated in Soviet and Russian literature for at least four or five decades.

The author states that to obtain the date of an individual petroglyph with the traditional method of analogies one must compare it with another picture, but not with the real thing – a weapon, an animal, a cart or something else. Any other approach is methodically incorrect and may lead (it does not mean that it has already led) to serious chronological errors. Of course, one of the compared pictures should have a narrower, if not an exact date. As for the Helan Mountains tigers with their opened jaws, big claws, bulgy eyes and bodies decorated with stripes and spirals, they have close analogies on a bronze mirror, found in burial No 1612 of Guo state cemetery in Shangcunling. The majority of graves from this cemetery date back to the end of IX – beginning of VIII centuries B.C., and are by no means later, than the year of 655 B.C., when Guo was annexed by the Jin state. A similar scene, such as the one on the Shangcunling mirror, is engraved on the stag-stone No 15 from Ushkijn-Uver in Mongolia. Thus, the mirror gives an exact date for the Helan Mountains tigers and links them more tightly with Mongolian stag-stones.

Keywords: China, archaeology, Helan Mountains, rock art, petroglyphs with tigers, “stag stone style” deer, dating by the method of analogies.

References

- Devlet M. A. Petroglify Kuilug-Hema [Petroglyphs of Kuilug-Hem]. *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii* [World Outlook of the Ancient Population of Eurasia]. Moscow, Staryi Sad publishers, 2001, p. 370–438. (in Russ.)
- Komissarov S. A. Shangcunling – opornyi pamyatnik kontsa Zapadnogo Chzhou [Shangcunling – the Basic Site of the End of the Western Zhou]. *Dalnij Vostok i Tsentralnaya Aziya* [Far East and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1985, p. 3–12. (in Russ.)
- Kovalev A. A. Drevneishie datirovannye pamyatniki skifo-sibirskogo zverinogo stilya (tip Nanshangen) [The Most Ancient Dated Relicts of Scythe-Siberian Animal Style (Nanshangen Type)]. *Drevnie kulury Tsentralnoi Asii i Sankt-Peterburg* [Ancient Cultures of Central Asia and Saint-Petersburg]. Saint Petersburg, Kult-inform-press, 1998, p. 122–131. (in Russ.)
- Kovalev A. A. O proiskhozhdenii olennyh kamnei zapadnogo regiona [On the Origin of Stag Stones of Western Region]. *Arheologiya, paleoekologiya i peleodemografiya Evrazii* [Archaeology,

Paleoecology and Paleodemography of Eurasia]. Moscow, Geos publishers, 2000, p. 138–180. (in Russ.)

Kubarev G. V. “Olennyi kamen” iz doliny reki Taldura (Yugo-Vostochnyi Altai) [“Deer Stone” from the Valley of the Taldura (Southeastern Altai)]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017. Vol. 23, p. 341–344. (in Russ.)

Okladnikov A. P. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad, Nauka, 1971, 336 p. (in Russ.)

Savinov D. G. Olennye kamni v kulture kochevnikov Evrasii [Stag Stones in the Culture of Eurasian Nomads]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1994, 208 p. (in Russ.)

Savinov D. G. Nekotorye aktualnye aspekty izucheniya problemy olennykh kamnei [Some current aspects of the study of deer stones problem]. *Altai v krugu Evrazijskikh drevnostei [Altai Among the Eurasian Antiquities]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, p. 123–143. (in Russ.)

Varenov A. V. O funktsionalnom prednaznachenii “modelei yarma” epohi In i Chzhou [On the Intended Use of “Bow-shaped Objects” of Yin and Zhou Periods]. *Novoe v arheologii Kitaya. Issledovaniya i problemy [News in China’s Archaeology. Researches and Problems]*. Novosibirsk, Nauka, 1984, p. 42–51. (in Russ.)

Varenov A. V. Drevneishie zerkala Kitaya, otrazhayushchie etnokulturnye kontakty [China’s Most Ancient Mirrors Reflecting Ethno-Cultural Contacts]. *Problemy Drevnih kultur Sibiri [Problems of Ancient Cultures of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 163–172. (in Russ.)

Cheng Te-k’un. Archaeology in China. Vol. II. Shang China. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1960. 368 p.

Gai Shanlin, Gai Zhihao. Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu [盖山林, 盖志浩。内蒙古岩画的文化解读]. Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 2002, 546 p., pl. (in Chin.)

Xiaoheishigou – Xiajiadian shang ceng wenhua yizhi fajue baogao [小黑石沟 – 夏家店上层文化遗址发掘报告]. Xiaoheishigou – Report on the Excavation of Xiajiadian Upper Layer Culture Site. Beijing, Kexue publishers, 2009, 488 p.; XL, XVI pl. (in Chin.)

Xu Cheng, Wei Zhong. Helanshan yanhua taben cuibain [许成, 卫忠。贺兰山岩画拓本萃编]. Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China. Beijing, Wenwu Publ., 1993, 46, 364, 20 p., pl. (in Chin.)

Zhongguo Yanhua [中国岩画]. The Rock Arts of China. Beijing, Wenwu Publ., 1993. 150 p. (in Chin.)

П. И. Шульга¹, Д. П. Шульга^{1,2}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

shulgapi55@yandex.ru, danilo_petrovich@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ВООРУЖЕНИИ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КИТАЯ В VII–VI ВВ. ДО Н. Э.

Рассматриваются предметы вооружения пришедших с территории Монголии кочевников, обнаруженные на могильнике Юйхуанмяо под г. Пекином. Среди предметов вооружения и воинского снаряжения выделяются чуждые культурам Северного Китая, но имеющие явные аналогии в памятниках VII–VI вв. до н. э. на территории Монголии, Тувы и Забайкалья. «Северные» наконечники стрел, кинжалы с разнонаправленными головками хищных птиц на перекрестиях, специфические ножи, а также поясные обоймы и пряжки-застёжки, имеющие аналогии в Туве и Забайкалье, встречались в Юйхуанмяо только на первых трёх этапах функционирования могильника. Преимущественно они находились в захоронениях высшей знати (M18, M250) и в воинских погребениях высокого ранга. Представители воинской элиты всё это время (вторая половина VII – первая треть VI в. до н. э.) продолжали поддерживать связи с северными племенами и традиционно использовали «северные» наконечники стрел и другие изделия. В результате на могильнике Юйхуанмяо аккумулировался комплекс датированного оружия и деталей воинского снаряжения, в течение 50–70 лет привносимого кочевниками с территории Монголии, а возможно, и более удалённых районов.

Ключевые слова: Северный Китай, могильник Юйхуанмяо, Монголия, оружие кочевников.

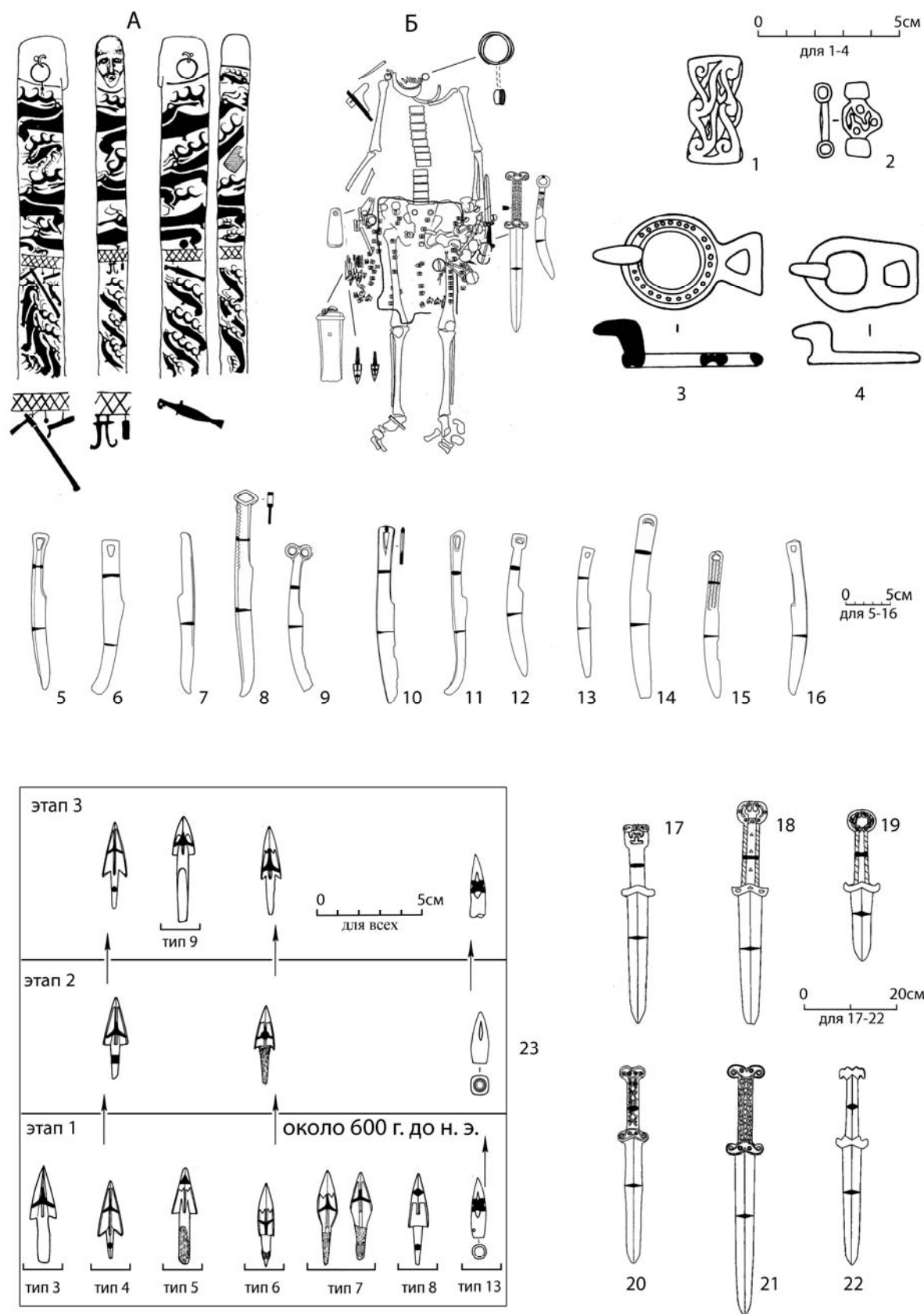
Территория Монголии с благоприятными для занятий скотоводством горно-степными и степными ландшафтами отличается высокой степенью насыщенности погребальными и поминальными памятниками эпохи бронзы и раннего железного века. Во второй половине II тыс. до н. э. здесь складывается один из центров кочевнической культуры с херексурами, оленными камнями и плиточными могилами, приобретшей к IX–VIII в. до н. э. скифоидный облик. Несомненно, местные племена, являвшиеся связующим звеном между яркими культурами скотоводов Северного Китая и Минусинской котловины, обладали разнообразным инвентарём и вооружением. Однако, в силу особенностей погребального обряда, в Монголии XII–VI вв. до н. э. почти не встречаются богатые инвентарём погребения людей и животных. О вооружении эпохи поздней бронзы исследователи вынуждены судить по изображениям на оленных камнях, соотнося их со случайными находками в Монголии и материалами с соседних территорий. Вопрос о вооружении кочевников Монголии VII–VI вв. до н. э. даже не ставился, поскольку оно представлено лишь немногочисленными находками бронзовых наконечников стрел в плиточных могилах с неопределённой датировкой. Иногда там встречаются роговые накладки на лук и бронзовые ножи [Цыбиктаров, 1998; Эрдэнэ-Очир, 2008].

Шульга П. И., Шульга Д. П. К вопросу о вооружении кочевников Монголии и сопредельных территорий Китая в VII–VI вв. до н. э. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 40–45.

Заметно продвинуться в решении данной проблемы, на наш взгляд, позволяет привлечение материалов из могильника Юйхуанмяо, исследованного в 80-е гг. XX в. в 80 км к северо-западу от Пекина. Всего там выявлено 400 могил, в которых обнаружено около 18 тыс. изделий из бронзы, в том числе 86 кинжалов, 137 ножей, 305 бронзовых и 481 костяных наконечников стрел, 4 клевца (гэ), 38 кельтов и 31 «долото». С оружием найдено и 9-10 оселков с отверстиями. Каждый вид оружия, за исключением наконечников стрел, помещался в могилу в одном экземпляре. Захоронения на могильнике совершались последовательно во второй половине VII–VI вв. до н. э. Согласно археологическим и антропологическим данным, могильник Юйхуанмяо оставлен смешанным населением. Часть его, по-видимому, относилась к культуре «верхнего слоя Сяцзядянь», до этого существовавшей в 200-300 км к северо-востоку. Другая часть населения относилась к «северным кочевникам», предположительно пришедшим с территории Монголии, и, возможно, Забайкалья [Цзюндушань, 2007; Шульга, 2015]. Судя по археологическим материалам, на начальных этапах в VII – начале VI в. до н. э. жители в Юйхуанмяо поддерживали связи с кочевым миром, продолжая использовать характерные для культур Саяно-Алтая и Забайкалья (или близкие им) наконечники стрел, а также кинжалы, ножи, оселки, детали сбруйной и поясной фурнитуры. Определённое сходство отмечается с изображениями на оленных камнях монголо-забайкальского типа [Шульга, 2012] (см. рисунок, А), однако основные черты погребального обряда в Юйхуанмяо (одиночные грунтовые захоронения людей в сравнительно глубоких ямах с большим количеством инвентаря, в сопровождении черепов животных) принципиально отличается от обрядности культуры херексуров и оленных камней Центральной и Западной Монголии. Наиболее близкие аналогии (до полного совпадения) в погребальном обряде и инвентаре Юйхуанмяо имеет с дворцовскими погребениями Забайкалья [Шульга, 2015, рис. 122]. Не останавливаясь на вопросах этнокультурного взаимодействия, отметим, что часть обнаруженного в Юйхуанмяо вооружения принадлежала «северным кочевникам», пришедшим на границу с царством Янь и в район озера Дайхай с территории современной Монголии, независимо от того, проживали они там долгое время или двигались из более северных районов.

Все «северные» изделия из Юйхуанмяо найдены в погребениях первых трёх этапов, датируемых в рамках второй половины VII – первой трети VI в. до н. э. Они представлены нехарактерными для Северного Китая наконечниками стрел, кинжалами, ножами, поясными обоями и пряжками. Вместе с этим оружием «северных кочевников» находились также относящиеся к вооружению кельты и «долота». Однако эти изделия «местные», бытовавшие в Северном Китае с эпохи бронзы, а потому они полностью сохранили свои позиции после резкого исчезновения в конце третьего этапа оружия и других изделий «северных» кочевников.

Лучше всего представлена группа «северных» бронзовых наконечников, насчитывающая 85 экз., что составляет около 36 % от их общего количества (233 экз.). Почти все они черешковые и происходят из элитных погребений. Больше половины (около 50 экз.) представлены трёхлопастными массивными наконечниками с относительно длинным черешком (тип 3, около 20 экз.) и черешковыми трёхлопастными малыми с относительно коротким черешком (тип 4, около 30 экз.). Сравнительно много наконечников черешковых трёхгранно-трёхлопастных с зубчатыми вырезами в основании бойка (тип 6, 12 экз.) и черешковых наконечников с плечиками без жалец (тип 7, 7 экз.). Восемь наконечников типа 6 и все необычные как для Китая, так и для скифоидных культур наконечники типа 7 происходят из одного колчанного набора элитной могилы № 18. Несколько меньше черешковых трёхгранно-трёхлопастных наконечников с зубчатыми вырезами в основании бойка (тип 5, около 4 экз. из могилы № 18) и четырёхгранно-лопастных (тип 8, 4 экз. из могилы № 250). По одному представлены крупный черешковый наконечник с трёхгранно-трёхлопастной сводчатой головкой (тип 9), черешковый трёхлопастный наконечник с узкими лопастями и почти не выделенными жальцами (тип 10), черешковый двухлопастный наконечник (тип 11) и черешковый двухлопастный наконечник (тип 12). Присутствуют также втульчатые четырёхгранные наконечники (тип 13, 3 экз.). Все указанные черешковые наконечники принципиально отличаются от втульчатых двухлопастных и трёхлопастных, характерных для культуры юйхуанмяо (см. рисунок). За исключением типа 7 они имеют аналогии в Монголии, Забайкалье,

Олений камень № 14 из Ушкийн-Увэра (А) и план расположения инвентаря с воином из могилы 250 в Юйхуанмяо (Б). Оружие и снаряжение «северных» кочевников из Юйхуанмяо: бронзовые поясные обоймы (1, 2) и пряжки (3, 4), ножи (5–16), кинжалы, наконечники стрел. По: [1 – Волков, Новгородова, 1975, с. 76, рис. 3; 1–23 – Шульга, 2015, с. 245, рис. 74; с. 249, рис. 78; с. 263, рис. 92; с. 269, рис. 98; с. 271, рис. 100; с. 295, рис. 124]

на Саяно-Алтае и в Казахстане в памятниках VII–VI вв. до н. э. Вместе с тем следует обратить особое внимание на тот факт, что среди учтённых черешковых наконечников, относимых к культуре плиточных могил Монголии и Бурятии [Эрдэнэ-Очир, 2008. рис. 24, 25, 44], почти все принадлежат к четырём основным типам: трёхгранно-трёхлопастным (14 экз.) и трёхлопастным (16 экз.), а также трёхгранным (5 экз.) и двухлопастным (6 экз.). Как видим, наборы «северных» наконечников из Юйхуанмяо значительно разнообразней. В частности, три из них включали трёхгранно-трёхлопастные наконечники со специфичными зубчатыми вырезами. В Монголии они пока не найдены, но хорошо известны на Саяно-Алтае и в Казахстане в памятниках VII–VI вв. до н. э. [Завитухина, 1966; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 96–12, 13]. Важно отметить, что одновременно с «северными» наконечниками в Юйхуанмяо бытовали и также исчезли в конце третьего этапа поясные обоймы двух разных типов, подобных найденным в Аржане-2 (Тува) и в дворцовских погребениях (Забайкалье).

Из среды пришедших с севера кочевников происходят три однотипных кинжала из захоронений 2-го и 3-го этапов. Их навершия и бабочковидные перекрестия выполнены в виде обращённых в разные стороны схематичных головок хищных птиц (см. рисунок, 17–19). На более поздних этапах они не встречаются, но в местной среде приживаются кинжалы с бабочковидной формой перекрестий и навершиями в виде протом противопоставленных существ. Важно отметить и серию разнотипных ножей, которые также почти полностью исчезают на третьем этапе и заменяются местными выгнутообушковыми ножами с кольчатыми навершиями (см. рисунок, 12).

«Северные» наконечники стрел, кинжалы с разнонаправленными головками хищных птиц на перекрестиях, специфические ножи, а также поясные обоймы и пряжки-застёжки, имеющие аналогии в Туве и Забайкалье, встречались в Юйхуанмяо только на первых трёх этапах функционирования могильника. Преимущественно они находились в захоронениях высшей знати (M18, M250) и в воинских погребениях высокого ранга. Представители воинской элиты всё это время (вторая половина VII – первая треть VI в. до н. э.) продолжали поддерживать связи с северными племенами и традиционно использовали «северные» наконечники стрел и другие изделия. В результате на могильнике Юйхуанмяо аккумулировался комплекс датированного оружия и деталей воинского снаряжения, в течение 50–70 лет привносимого кочевниками с территории Монголии, а возможно, и более удалённых районов.

Список литературы

Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 78–84.

Завитухина М. П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61–77.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с., ил.

Шульга П. И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 298–306.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тыс. до н. э. – III век до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 26 с.

Ćugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [都山墓地: 玉皇] Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 1660 с. (на кит. яз.)

P. I. Shulga¹, D. P. Shulga^{1,2}

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

²*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shulgapi55@yandex.ru, danilo_petrovich@yahoo.com

THE QUESTION OF WEAPONS OF MONGOLIAN NOMADS AND ADJACENT REGIONS OF CHINA IN VII-VI CENTURIES BC

The article deals with bronze weapons of nomads (presumably from Mongolia) that were found at the Yuhuangmiao burial ground near Beijing. In the 1980–1990s, 400 tombs were excavated there, containing 18 thousand bronze objects including 86 daggers, 137 knives, 305 bronze and 481 bone arrowheads, 4 dagger-axes (*ge*), 38 celts and 31 "chisels". The Yuhuangmiao culture was formed with the participation of the "Xiajiadian upper layer" neighboring culture, as well as tribes from Mongolia and Transbaikalia. There was also a constant influence by the Yan state population. Among the weapons and military equipment there are some items alien to northern Chinese cultures which have obvious analogies at the VII–VI centuries BC sites in Mongolia, Tuva and Transbaikalia. The "northern" arrowheads, daggers with opposite facing bird heads on pommels and guards, specific knives, as well as belt clips and buckles-clasps that have analogies in Tuva and Transbaikalia were encountered in Yuhuangmiao only in the first three stages of the burial ground, mostly in the graves of the highest nobility (M18, M250) and in high rank military burials. During all this time (from the second part of VII to the first third of the VI century BC) representatives of the military elite maintained ties with northern tribes and traditionally used "northern" arrowheads and other items. As a result, a complex of dated weapons and military equipment brought by nomads from the territory of Mongolia and even more remote areas was accumulated at Yuihuangmiao burial ground over the span of 50–70 years. The mountain-steppe and steppe territory of Mongolia favorable for cattle breeding is rich in Bronze Age and Early Iron Age burial grounds and sacrificial sites. In the second half of the II millennium BC it was one of the nomadic culture centers with hereksurs, stag stones (deer stones) and slab-grave burials, that had acquired a Scythian-style appearance by the IX–VIII centuries BC. Undoubtedly, local tribes that were the link between the cattle-breeding cultures of North China and the Minusinsk Basin possessed a variety of weapons and ornaments. However, due to the funeral rite peculiarities in Mongolia of the XII–VI centuries BC there are almost no burials with rich inventory. Hence, archaeologists are forced to reconstruct Mongolian Late Bronze Age weaponry with the help of stag stones images, stray finds and materials from neighboring territories. The question of weapons of Mongolian nomads of the VII–VI centuries BC has not even been raised, since it was mainly represented by a few bronze arrowheads found in slab-grave burials with uncertain dating.

Keywords: Northern China, Yuhuangmiao cemetery, Mongolia, weapons of nomads.

References

Volkov V. V., Novgorodova E. A. Olennye kamni Ushkijn-Uvera (Mongoliya) [Deer stones of Ushkijn-Uver (Mongolia)]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [Prehistoric archeology of Siberia], 1975, p. 78–84. (in Russ.)

Zavitukhina M. P. Kurgany u sela Bystryanskogo v Altajskom krae (po raskopkam S. M. Sergeeva v 1930 g.) [Mounds near the village Bystryanskoe in the Altai Territory (according to S. M. Sergeev's excavations in 1930)]. *Archaeological collection of the State Hermitage*, 1966, issue 8, p. 61–77. (in Russ.)

Tsybiktarov A. D. Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabajkal'ya [Slab-grave Culture of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude, Baikal State Uni. Press, 1998, 288 p., il. (in Russ.)

Shulga P. I. Osobennosti raspolzheniya oruzhiya na olennykh kamnyakh i v pogrebeniyakh mogil'nika Yuhuangmiao (Severnyj Kitaj) [Features of the location of weapons on reindeer stones

in the burials of the Yuhuangmiao burial ground (Northern China)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Transbaikial Region]. Ulan-Bator, Mongolia State Uni. Press, 2012, issue 3, p. 298–306. (in Russ.)

Shulga P. I. Mogil'nik Yuhuangmiao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashej ehry) [Cemetery Yuhuangmiao in Northern China (the 7th–6th centuries B.C.)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2015, 304 p. (in Russ.)

Erdehneh-Ochir N. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tys. do n. e. – III vek do n. e.) [Art of war of the ancient nomads of Mongolia (II millennium BC – III century BC)]. Extended abstract of Cand. Sci. Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2008, 26 p. (in Russ.)

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien* 26. *Steppenvölker Eurasiens*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2010., 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Jundushan Mudi: Yuhuangmiao [军都山墓地: 玉皇庙] Burial grounds in Jundushan Mountains: Yuhuangmiao. Beijing, Wenwu Chubanshe, 2007, 1660 p. (in Chin.)

С. А. Комиссаров^{1,2}, А. И. Соловьев², М. А. Кудинова^{1,3}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

³ Пекинский университет
ул. Ихэюаньлу, 5, р-н Хайдянь, Пекин, 100080, Китай

sergai@mail.ru, easolovievy@mail.ru, maria-kudinova@yandex.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ШИСАНЬЛИНА – ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КИТАЕ *

Дана краткая характеристика планиграфии, конструктивных особенностей и, отчасти, семантики одного из самых известных памятников позднего Средневековья в Китае – комплекса императорских погребений Шисаньлин (букв. «Тринадцать гробниц»). Некрополь был возведен при династии Мин по всем правилам геомантии (*фэн-шуй*), его планировка соответствовала плану застройки столицы (Пекина). Гробницы закрыты от внешнего мира стеной, которая отгораживала и замыкала в себя обитель мертвых. Эта универсалия широко известна в погребальной практике многих народов Евразии, равно как и круглая надгробная насыпь (курган), вписанная в квадратную ограду. Возможно, такая структура гробниц складывалась в Древнем Китае во взаимодействии с сопредельными народами. В пользу такого предположения свидетельствуют и некоторые образы фантастических зверей, включенные в состав «аллеи духов». Так, «химера» *бисе*, в основе которой прослеживается кошачий хищник, была, вероятно, связана происхождением с иранской или ближневосточной мифологией. На более поздних этапах она сливается с другими образами «чудесных» зверей: львами и единорогами.

Ключевые слова: памятники Пекина, позднее Средневековье, династия Мин, императорские гробницы, Шисаньлин, «аллея духов».

Многоплановый историко-культурный памятник Шисаньлин входит в число самых посещаемых достопримечательностей в Китае. Казалось бы, о нем всем известно все, причем уже на протяжении множества лет. Но более внимательный взгляд обнаруживает, что изучение комплекса проводилось очень избирательно и не всегда комплексно. В данной статье мы постараемся обобщить имеющиеся в нашем распоряжении сведения и представить некоторые новые подходы, что послужит основой для дальнейшего исследования.

Термин Шисаньлин (кит. «Тринадцать гробниц», 十三陵) обозначает императорский некрополь династии Мин (1368–1644), расположенный в районе Чанпин (г. Пекин), в 42 км к северо-западу от центра города, в долине, со всех сторон окруженной горами (план см. на рис. 1, I).

* Работа подготовлена по Плану НИР ИАЭТ СО РАН, проект № 0329-2018-004.

Рис. 1. «Введение» в Шисаньлин:

1 – схема комплекса Шисаньлин; 2 – план «аллеи духов»; 3 – Шисаньлин, «Большие красные ворота». Все фотографии к данной статье сделаны А. И. Соловьевым непосредственно на памятниках Шисаньлина. Авторы выражают свою благодарность С. Н. Гончарову за помощь в организации обследования памятников

Поиск подходящего места для строительства императорской усыпальницы был начат после смерти супруги императора Чжу Ди (Чэн-цзу) (1360–1424) – императрицы Сюй Ихуа (Жэньсяовэнь) в 1407 г. С этой целью в 1408 г., еще до переноса столицы из Нанкина на север, в Пекин был отправлен глава министерства церемоний Чжао Хун. В выборе места для будущего некрополя принимали участие крупнейшие геоманты того времени Ляо Цзюньцин и Цзэн Цунчжэн, приглашенные из Цзянси. Изначально в качестве основного варианта рассматривался горный район к западу от Пекина, где похоронены императоры династии Цзинь, а также многие аристократы и сановники династий Ляо, Цзинь и Юань. Но в конечном счете гадатели остановили свой выбор на горах в северо-восточной части уезда Чанпин (территория современного района Чанпин). «Вход» в долину, где планировалось построить некрополь, с двух сторон обрамляют две невысокие горы – Луншань (Гора Дракона) на востоке и Хушань (Гора Тигра) на западе, представляющие собой как бы природный аналог парных привратных вышек *шуанцюэ* (双阙), на юге и севере еще две горы, соотносимые с символами сторон света – Чжуцюэшань (Гора Красной птицы) и Сюаньюшань (Гора Черного воина) соответственно. Расположение мавзолеев в межгорной котловине отсылает к важному в теории *фэн-шуй* понятию «благоприятной пещеры» (*цзисюэ*, 吉穴) – места, где проходят «драконовы жилы» (*лунмай*, 龙脉), т. е. подземные энергетические потоки¹. В выборе ландшафта создатели минских гробниц² во многом следовали традиции императорских погребений, берущей начало еще с мавзолея Цинь Шихуанди [Ван Нань, 2009. С. 242–243, 252].

В 1409 г. началось строительство первой гробницы. Правитель лично посетил стройку и одобрил выбор местности. Тогда же гора Хуантушань, у южного подножия которой началось сооружение некрополя, получила свое современное название – Гора небесного долголетия (Тяньшоушань, 天寿山). В 1413 г. мавзолей, предназначавшийся для Чжу Ди, был назван Чанлин. Строительство всего погребального ансамбля (включая «аллею духов») продолжалось около 130 лет [Ху Ханьшэн, 2015. С. 530–531; Го Цзюньнин, 2006. С. 70].

Площадь застройки комплекса Шисаньлин ок. 40 кв. км. Все могилы расположены на участке, окруженном стеной³, расстояние между ними составляет от 0,5 до 8 км. Крупнейший из мавзолеев – Чанлин, менее масштабны Юнлин и Динлин, остальные значительно уступают им в размерах. Следует отметить параллелизм между планиграфией гробниц и планом застройки Пекина внутри городской стены, что выражается не только в единстве архитектурных форм (ворота, арки, павильоны), их устройстве и расположении, но и в масштабах. Это не исключительная особенность минских некрополей, она унаследована от императорских погребений эпохи Тан, повторявших планировку г. Чанъань – столицы танского Китая [Ван Нань, 2009. С. 249–251].

Перед главными воротами Дахунмэнь («Большие красные ворота») (рис. 1, 3), на расстоянии 1,25 км от них, находится мемориальная арка сложной конструкции (*пайфан*, *пайлоу*) из белого мрамора, украшенной рельефами с изображениями цилиней, львов и др. Арка, возведенная в 1540 г., является крупнейшим в Китае сооружением такого рода. Ее ширина составляет 28,86 м, максимальная высота – 14 м. У ворот установлена стела, на которой с обеих сторон выгравированы надписи «Все чиновники, доехав до этого места, должны спешиться» (官员人等至此下马).

На расстоянии примерно 600 м от ворот внутри стены находится павильон с каменной черепашей (рис. 2, 3, 4), на спине которой установлена «Стела <в честь> божественных заслуг и совершенной добродетели, <установленная в мавзолее> Чанлин Великой Мин» (大明长陵神功圣德碑) с перечислением деяний покойного императора (текст надписи содержит более 3000 иероглифов). Впоследствии на боковые и заднюю поверхность стелы были нанесены стихи цинских императоров. Рядом с павильоном установлены четыре декоративные колонны *хуабяо*.

¹ Перенесенные с природного макроуровня на микроуровень человека, эти понятия соответствуют акупунктурным точкам (*сюэ*, 穴) и каналам / меридианам (*май*, 脉).

² Для определения места строительства последующих 12 могил также приглашали мастеров *фэншуй*.

³ До наших дней уцелели лишь отдельные ее участки.

К императорской гробнице ведет «аллея духов» *шэньдао* (рис. 2, 4) ⁴, представляющая собой слегка изогнутую линию, что, с одной стороны, обусловлено особенностями рельефа местности, а с другой стороны, связано с идеями фэн-шуй и традиционными китайскими эстетическими канонами, согласно которым округлые изогнутые линии более красивы и благоприятны [Хуа Лэй, 2011. С. 578]. Эта особенность отличает погребальный комплекс от планировки дворцовых памятников и городской застройки, главная ось которых проходит строго по линии север-юг [Ван Нань, 2009. С. 244].

Общая протяженность «аллеи духов» от первой арки *пайфан*, расположенной снаружи стены, до погребения императора составляет ок. 7,3 км. Длина участка, образованного парными каменными изваяниями, равна примерно 800 м. Набор скульптур традиционен для позднесредневековых погребальных памятников (табл. 1) и включает колонны, статуи чиновников (рис. 2, 8), воинов (рис. 2, 7), реальных и фантастических животных (рис. 2, 5, 6) [Цзи Вэнь, 1977. С. 71–72; Го Цзюньнин, 2006. С. 70, 74].

Завершается «аллея» еще одной мраморной аркой *пайфан*. Арки подобной конструкции с двумя возвышающимися над перекрытием колоннами имели несколько наименований, одним из которых было *линсинмэнь* (棂星门 или 灵星门), т. е. «ворота созвездия Линсин» ⁵. Эти строения восходят к аркам *утоумэнь* (乌头门), «воротам с черным верхом», известным с танской эпохи. Судя по описанию в энциклопедии «Цэ фу юаньгуй», черной краской покрывались цилиндрические черепичные навершия опорных столбов, соединенных поперечной балкой. На эти опоры изначально навешивались створки ворот, впоследствии утраченные [Цзинь Цичжэнь, Цуй Суин, 2010. С. 13–14]. В эпоху Сун – период конфуцианского ренессанса – такие арки ставили перед храмами Конфуция. Позднее их начали устанавливать также перед императорскими дворцами, гробницами, алтарями Земли и Неба. Согласно «Энциклопедии годов правления под девизом Юнлэ»: «Ворота, носящие имя созвездия Линсин, – <это символ> правления государя. Появление созвездия Линсин на небе – это основа совершенного правления. Тот, кто желает знать, каково правление государя, должен узнать положение <на небе> созвездия Линсин» (цит. по: [Ху Ханьшэн, 2015. С. 539]). Рядом с Линсин в созвездии Рог располагался астеризм Небесные ворота (Тяньмэнь, 天门) ⁶. Поскольку императорские дворцы (в том числе и их посмертные покои – гробницы) уподоблялись Небесному дворцу бессмертных, то ворота, ведущие в мавзолей, соотносились с Небесными воротами [Ху Ханьшэн, 2015. С. 539–540]. Существенным было, видимо, и то, что Линсин и Тяньмэнь находятся в части неба, ассоциировавшейся с драконом – одним из символов императора. Кроме того, арка известна под названиями Лунфэнмэнь – Ворота дракона и феникса (龙凤门) ⁷ и Хоянь пайлоу – Огненная арка (火焰牌楼), так как в центральной части арки имеется изображение огненной жемчужины (*хоянь баочжу*, 火焰宝珠) ⁸ [Го Цзюньнин, 2006. С. 72].

Каждая из гробниц включает подземную усыпальницу и наземные сооружения: павильон с каменной черепахой, на спине которой установлена стела с описанием заслуг и добродетелей императоров; церемониальный зал для ритуальных действий; надвратную башню, откуда идет коридор к гробнице. Лучше всего сохранились постройки мавзолея Чанлин, на примере которого можно реконструировать и планировку других гробниц.

⁴ Изначально это была «аллея духов» мавзолея Чанлин. Каждая из построенных позднее гробниц (за исключением Сылин) имеет свою «аллею духов», но все они ответвляются от первой. Поэтому ее можно считать общей для всего погребального комплекса.

⁵ Этот астеризм известен в китайской астрономии также под названиями Небесное поле (Тяньтяньсин, 天田星) или Дракон (龙星). Оно входило в состав одного из 28 созвездий (лунных домов, *сю*, 宿) Рог (Цзяо, 角宿 или 角星), относившегося к восточной четверти неба (сектору Лазоревого дракона, Цин Лун, 青龙象, или Цан Лун, 苍龙象).

⁶ По международной астрономической классификации эти астеризмы входят в состав созвездия Девы.

⁷ Дракон и феникс – символы императора и императрицы.

⁸ Огненная жемчужина, или жемчужина, исполняющая желания (*жуи баочжу*, 如意宝珠, санскр. *чинтамани*), была одним из атрибутов бодхисаттвы Кшитигарбхи (Дицзан-вана) – одного из самых почитаемых бодхисаттв дальневосточного буддизма, в поздней китайской мифологии – владыки подземного царства (Ди юй). Жемчужина освещала ему путь в подземном судилище, куда Дицзан-ван спускался облегчить участь грешников и позволить им переродиться [Рифтин, 2007. С. 445].

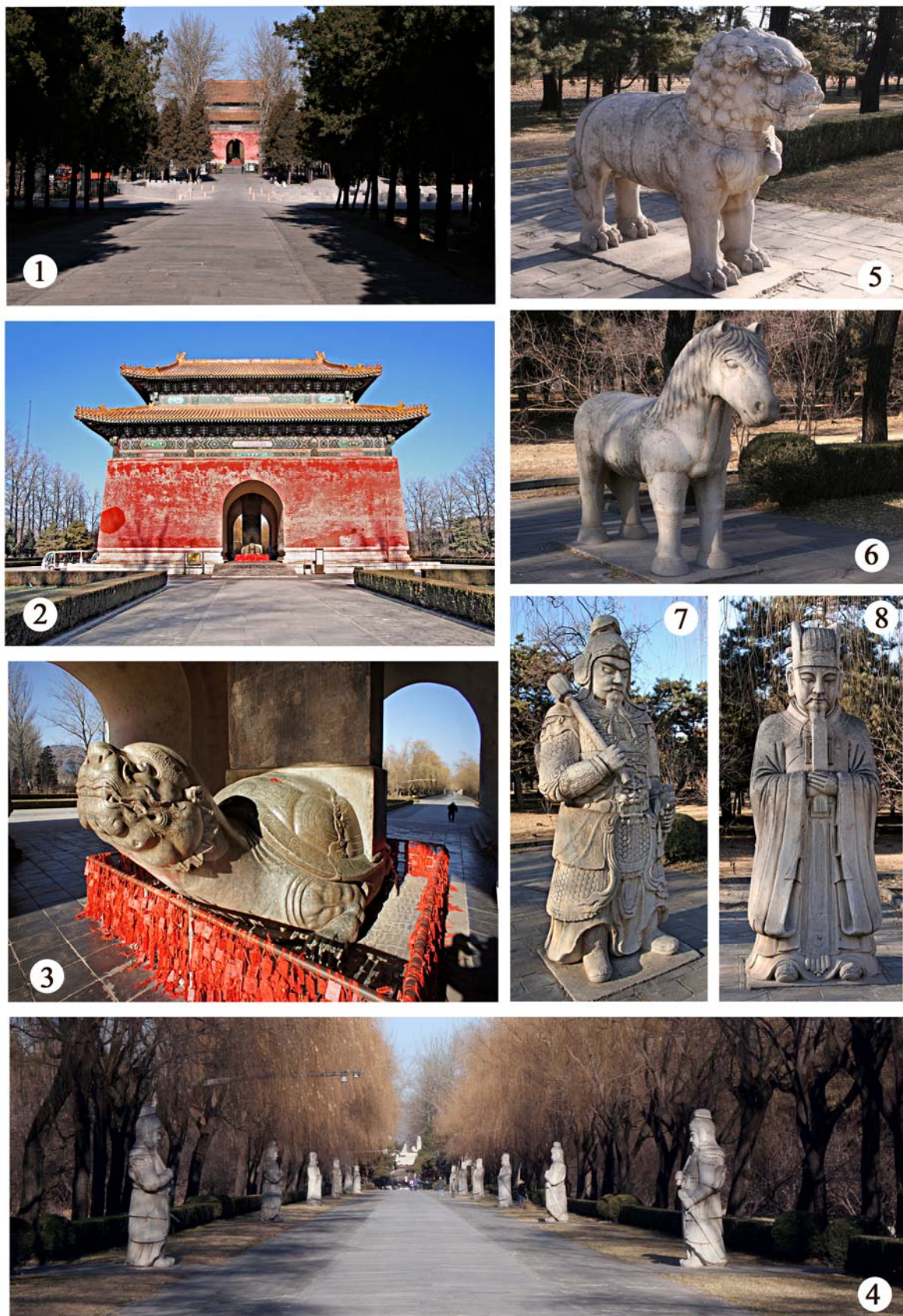

Рис. 2. Каменные хранители Шисаньлин:

1 – путь к павильону с каменной черепахой и стелой; 2 – павильон с каменной черепахой; 3 – каменная черепаха со стелой на спине; 4 – «аллея духов»; 5–8 – персонажи «аллеи духов» – Лев, Лошадь, Генерал, Чиновник

Состав скульптур аллеи духов мавзолея Чанлин (в порядке расположения)

№	Скульптура	Количество	Размеры
1	Колонны	1 пара	выс. 7,16 м
2	Львы сидящие	1 пара	выс. 1,88 м,
3	Львы стоящие	1 пара	выс. 1,93 м, дл. 2,50 м
4	<i>Сечжи</i> сидящие	1 пара	выс. 1,90 м
5	<i>Сечжи</i> стоящие	1 пара	выс. 1,90 м, дл. 2,50 м
6	Верблюды лежащие	1 пара	выс. 2,50 м, дл. 3,65 м
7	Верблюды стоящие	1 пара	выс. 2,90 м, дл. 3,90 м
8	Слоны лежащие	1 пара	выс. 2,60 м, дл. 4,40 м
9	Слоны стоящие	1 пара	выс. 3,25 м, дл. 4,30 м
10	<i>Цилини</i> сидящие	1 пара	выс. 1,95 м
11	<i>Цилини</i> стоящие	1 пара	выс. 2 м, дл. 2,63 м
12	Кони лежащие	1 пара	выс. 1,90 м, дл. 2,80 м
13	Кони стоящие	1 пара	выс. 2,20 м, дл. 2,90 м
14	Воины (императорские телохранители)	2 пары	выс. 2,20 м
15	Чиновники 1-го ранга	2 пары	выс. 2,20 м
16	Заслуженные чиновники <i>гунчэнь</i>	2 пары	выс. 2,20 м

По: [Ху Ханьшэн, 2015. С. 536–539].

Мавзолей окружен стеной с воротами, еще две стены делят весь комплекс на три части. В первой из них за воротами в правой части расположен павильон со стелой на постаменте в виде дракона. Изначально на стеле не было надписей, но в эпоху Цин на нее нанесли тексты императорских указов Шуньчжи и стихи императоров Цяньлуна и Цзяцина. Рядом с павильоном изначально располагались хранилище ритуальной утвари (神库) и помещение для подготовки продуктов для жертвоприношений (神厨), однако эти постройки не сохранились. Во второй части мавзолея, за еще одними воротами, находится зал для проведения ритуалов (рис. 3, 1). Это крупное деревянное строение площадью 1 956 м² по размерам уступает лишь павильону Тайхэдянь в Запретном городе. Перед ним установлены две печи для сжигания жертвоприношений (рис. 3, 2). В третьей части комплекса находятся еще одна арка *линсин-мэнь*, каменный алтарь с курильницей (рис. 3, 3) и, наконец, сама гробница, окруженная стеной с надвратной башней (*минлоу*, 明楼) с квадратным основанием (рис. 3, 4). В башне установлена стела с надписью «Мавзолей <императора> Чэн-цзу, Вэнь-хуанди» (成祖文皇帝之陵)⁹. Из башни в сторону гробницы идет тоннель, который упирается в каменную стену (рис. 3, 5), окружающую монументальное надмогильное сооружение курганного типа, под которым и находится усыпальница. Очевидно, некогда существовавший в этой стене проход, связывавший туннель с дромосом (наклонным коридором, ведущим в гробницу), был замурован после цикла необходимых обрядов. Этим актом окончательно замкнулась сакральная граница между мирами живых и мертвых; закрылась возможность влияния на живых со стороны опасных сил иных измерений. Такого рода действия представлены в погребальной практике населения Северной Азии самого широкого культурно-хронологического диапазона. Они относились к категории важнейших мировоззренческих установок, связанных

⁹ Чэн-цзу – храмовое имя императора Чжу Ди, Вэнь-хуанди – его посмертное имя. Первоначально храмовым именем Чжу Ди было Тай-цзун, что и выгравировано на стеле. В 1538 г. император Чжу Хоуцун изменил храмовое имя своего предка, но не стал изменять надпись, а повелел изготовить деревянный футляр для стелы с новым храмовым именем. В 1604 г. башня серьезно пострадала во время грозы, и в ходе реставрации в 1605 г. стелу заменили на новую [Ху Ханьшэн, 2015. С. 549].

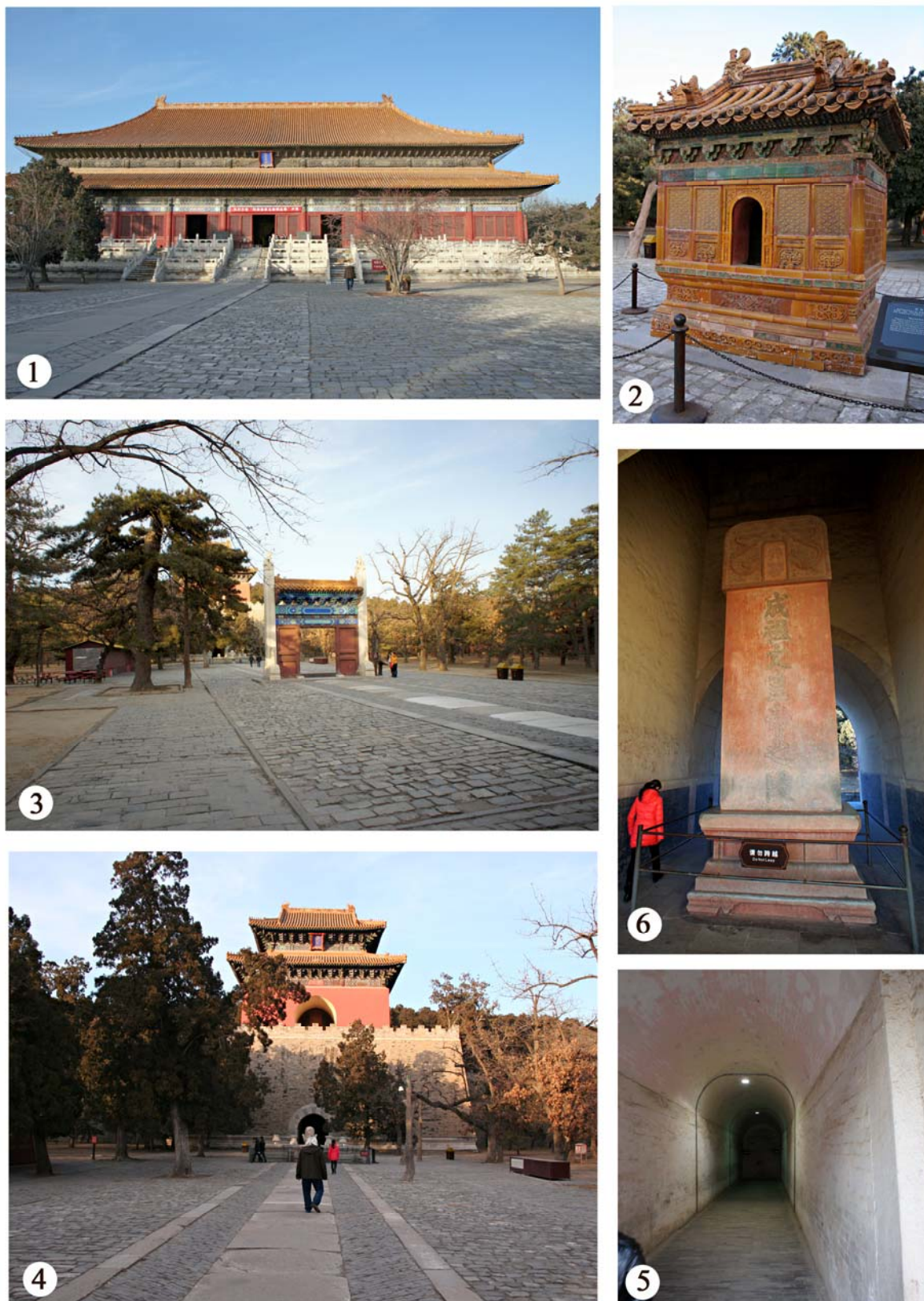

Рис. 3. Архитектурно-декоративные детали Шисаньлин:

1 – зал для проведения ритуалов; 2 – печь для сжигания жертвоприношений; 3 – арка *линсинмэнь*; 4 – надвратная башня; 5 – тоннель к гробнице; 6 – стела на верхнем ярусе надвратной башни

с представлениями о «границе» как о феномене, разделяющем различные субстанции как в материальном, так и сакральном мирах, а равным образом – и эти миры между собой. В курганной традиции «варварских» территорий эта священная граница, отделяющая сакральное от профанного, могла материализоваться в разных проявлениях – от ровика (вокруг погребальной площадки и каменных около- и подкурганных крепид) до реальных стен, масштабы которых зависели от возможностей общества. При этом форма таких оград естественным образом оказывается связанной с обликом надмогильного сооружения.

Упершись в каменную стену внутри ворот, над которыми и расположена башня, коридор резко поворачивает в правую сторону и, превратившись в лестничный пролет, ведет наружу вверх к самой башне, внутри которой расположена еще одна стела (рис. 3, 6). Оттуда открывается вид на весь архитектурный комплекс погребального сооружения и покрытый древесной растительностью круглый купол огромной насыпи.

В эпоху Мин рядом с гробницей возводились различные вспомогательные постройки (место для забоя жертвенных животных, павильоны для отдыха чиновников, казарма охраны гробницы и т. д.). Но до наших дней эти здания не сохранились [Ху Ханьшэн, 2015. С. 541–550; Го Цзюньнин, 2006. С. 73–74].

В целом планировка погребального парка копирует мавзолей основателя династии Мин Чжу Юаньжана (Тай-цзу) Сяолин, расположенный в Нанкине. Строители мавзолея Хуанлин (для погребения родителей первого минского императора), расположенного на территории пров. Аньхой, ориентировались на танские и сунские образцы, демонстрируя приверженность национальной традиции, возрожденной после многих лет правления «варварских» династий Цзинь, Ляо, Юань. Устройство же Сяолина заложило основу нового, собственно минского канона погребальной архитектуры, главной особенностью которого становится сочетание надземных построек, образующих в плане квадрат, с круглой могилой насыпью (в отличие от танских и сунских гробниц, окруженных квадратной стеной) [Ван Нань, 2009. С. 245–246]. Сочетание круглых и квадратных в плане сооружений («впереди – квадрат, сзади – круг», 前方后圆) представляет собой пример традиционной китайской геометрической символики, где круг олицетворяет Небо, квадрат – Землю, а весь комплекс – символический союз двух стихий.

Помимо очевидной, лежащей на поверхности трактовки здесь прослеживаются отзвуки древней традиции, отражающей «маятник» межкультурных взаимоотношений Поднебесной и «варварского» мира. Обратим внимание на совпадение архитектуры монументальных надмогильных сооружений на территории Китая и Сибири, где традиция возведения курганных насыпей имеет древние корни, уходящие в эпоху бронзы, а вероятно – и неолита. То же касается сопутствующих сооружений обрядового плана, в том числе и статуарного [Комиссаров, Соловьев, 2013]. Самые крупные, «царские» курганы Минусинской котловины, датируемые ранним железным веком, имели четырехугольную пирамидальную форму¹⁰. Судя по абрису сравнительно небольших каменных оград, четырехугольные пирамидальные насыпи на Среднем Енисее стали обычным явлением в скифское и последующее гунно-сарматское время. Подобные сооружения на территории Южной Сибири могут рассматриваться как «степной» современник и даже, пожалуй, предтеча монументальных сооружений высшей знати царства (а затем и империи) Цинь, которые, в свою очередь, были усвоены и закреплены империей Хань¹¹. Параллельно «маятник» культурного взаимодействия начинает медленное движение в обратную сторону, и хуннская элита первой «кочевой» империи копирует в силу собственных возможностей внутреннее устройство и антураж погребений китайской правящей верхушки.

Влияние соседнего скотоводческого мира прослеживается также в генезисе *шэньдао* – «аллеи духов». Помимо самой идеи, оно заметно в экипировке ряда ее каменных изваяний,

¹⁰ Традиция строительства четырехугольных, хотя и невысоких пирамидальных надмогильных сооружений в Южной Сибири и Средней Азии, восходит как минимум к позднему бронзовому веку.

¹¹ Такое предположение учитывает тесные контакты (как военные, так и хозяйственные) циньцев и ханьцев с сопредельными кочевыми племенами, чему в летописях имеются многочисленные свидетельства. Однако нельзя исключить возможность влияния и другого «предтечи» – культур Восточного Китая (Учэн и др.), где элитные курганы известны уже для периода развитого бронзового века.

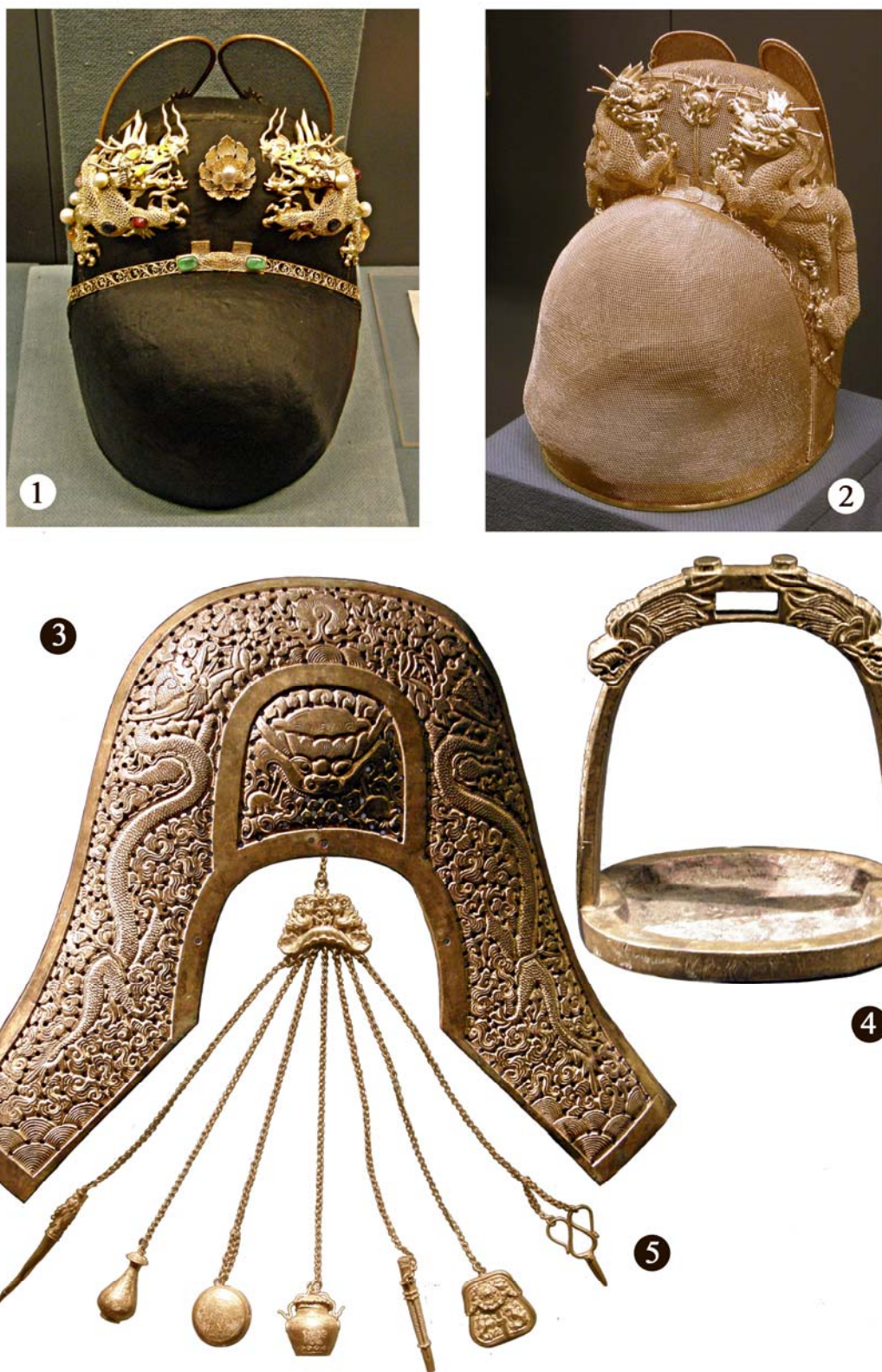

Рис. 4. Предметы из гробницы Динлин:

1, 2 – головные уборы; 3 – лука седла; 4 – стремя; 5 – подвески
(1 – шелк, золото, жемчуг, нефрит, драгоценные камни; 2–5 – золото)

в первую очередь, воинов в доспехах. Этот элемент погребального ансамбля заслуживает, на наш взгляд, особого внимания в аспекте вектора культурного взаимодействия (упомянутого «культурного маятника»).

Среди набора парных скульптур для раннего этапа, помимо «небесных оленей» *тяньлу*, выделяются фигуры *бисе*, которые представляют собой хищное, часто рогатое, скорее кошачье существо, облик которого способен вызывать ассоциации с образом фантастического хищного существа из бестиария скотоводов Северной Азии (так называемого зверино-стиля). Двигаясь от минских изваяний в глубь веков, выявляя истоки их происхождения, мы обратились к данным по «аллеям духов» императорских погребений в районе Даньяна, занимающих временной промежуток между поздней Древностью и поздним Средневековьем [Соловьев, Кудинова, 2017. С. 127–128]. Важно подчеркнуть эту преемственность, поскольку «аллея духов» как важный элемент погребальной практики сформировалась уже при династии Восточная Хань, когда в могучем океане «варварского» мира за пределами Великой стены живы были мировоззренческие установки и традиции изобразительной стилистики эпохи ранних кочевников. А перемещение на запад масс хуннуского населения, породившее в итоге переселение народов и радикально сменившее этнокультурную мозаику Великой степи, еще не смыло с полей истории яркий, жестокий, полный фантастических образов духовный мир ираноязычных народов, наследие которого до сих пор ощущается в культуре Евразии.

Но не только облик *бисе* апеллирует к творчеству ираноязычных скотоводов. По мнению М. Е. Кравцовой [2004. С. 237], ранняя скульптурная композиция с могилы генерала Хо Цюйбина, воспроизводящая образ рогатого чудовища, держащего в зубах овцу, может быть сопоставлена с орнаментальными «сценами терзания», характерными для скифо-сибирского зверино-стиля. Ханьские традиции проецируются – довольно пунктирно (что, возможно, связано с неполнотой наших данных), но устойчиво – в монументальную скульптуру Северных и Южных династий, а через нее – и в погребальную пластику династии Тан, при которой *шэньдао* «...превратилась из магистрали, соединяющей человеческий и божественный миры... в собственно мемориал, наглядно показывающий величие усопшего монарха и процветание всей династии» [Кравцова, 2010. С. 48]. Со временем визуальная фантастичность древних и во многом заимствованных образов заметно снизилась и приняла более приземленные, декоративные формы.

Следует подчеркнуть, что в элитных погребениях монгольской династии Юань «аллеи духов» не возводились (парадокс, причины которого еще предстоит осмыслить). Поэтому в ранних минских гробницах их создатели ориентировались на сунские образцы, как и в случаях с конструкцией могил, восстанавливая преемственность с национальной традицией. Однако в репертуаре *шэньдао* происходят дальнейшие изменения (в частности, кони расстаются со своими конюхами и практически со всей упряжью) [Ян Хун, 2003. С. 192–193]. Место хищного *бисе* занимает еще одна разновидность единорогов *сечжи*. Он служил чудесным помощником у мифического законоведа Гао-яо: своим рогом бодал неправых [Рифтин, 1979. С. 169–170].

После взятия Пекина маньчжурами в 1644 г. мавзолеи были частично разрушены; в середине XVIII в. проведена их реконструкция. За все время раскопана только одна из гробниц – Динлин, где был захоронен император Чжу Ицзюнь (Шэнь-цзун) (1573–1620). Работы проводились в 1956–1958 гг., в результате чего была вскрыта подземная усыпальница, в плане крестообразная, состоящая из пяти залов общей площадью 1195 м². Внутри обнаружили скелеты самого Чжу Ицзюня и двух его жен, с ними парадные златотканые одежды, короны из золота, самоцветов и жемчуга (рис. 4), золотые слитки, украшения из нефрита, золота, драгоценных камней, золотая и серебряная посуда, фарфоровые вазы, ритуальные сосуды, изголовья и т. д. (всего свыше 3000 предметов) [Юэ Нань, Ян Ши, 1993].

По завершении раскопок в мавзолее Динлин в 1959 г. там был основан музей, что не спасло его от разрушений в период «культурной революции». В 1966 г. хунвэйбины сожгли останки погребенных и уничтожили многие экспонаты. Понадобились немалые усилия для восстановления памятника. С 1989 г. в Шисаньлин прекращены все археологические работы, в 1995 г. там создан единый музей, а в 2003 г. гробницы минских императоров в Пекине и Нанкине вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и стали одним из важнейших

туристических объектов [Китайские памятники..., 2007. С. 224–233]. Для исследователей комплекс Шисанлинь особенно интересен тем, что, будучи своего рода квинтэссенцией развития погребальной архитектуры, сохранил очень древние черты погребальной обрядности. Учитывая особенности целого ряда периодов китайской истории, когда империя буквально впитывала в себя культурные достижения соседей, выявление и анализ последних с опорой на богатейшее летописное наследие дает исследователям удивительную перспективу приблизиться к обычаям и верованиям людей исчезнувших «варварских» обществ, понять и оценить наследие древнего мультикультурализма.

Список литературы

Китайские памятники мирового наследия / Гл. ред. Го Чанцзянь. Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2007. 284 с.

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Погребальная скульптура средневекового Китая и ее влияние на искусство сопредельных народов // 43-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. Т. LXIII, ч. 1. С. 522–527.

Кравцова М. Е. Мировая художественная культура: История искусства Китая. СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004. 960 с.

Кравцова М. Е. Традиция погребальной монументальной скульптуры в контексте историко-политической и духовной культуры имперского Китая (I–XII вв.) // *Asiatica*: Тр. по философии и культурам Востока. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 25–57.

Рифтин Б. Л. От мифа к роману (Эволюция изображения персонажа в китайской литературе). М.: ГРВЛ, 1979. 358 с.

Рифтин Б. Л. Ди-цзан-ван // Духовная культура Китая: Энцикл. в 5 т. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. Мифология: Религия. С. 445.

Соловьев А. И., Кудинова М. А. Хождение в Даньян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 4: Востоковедение. С. 123–129.

Ван Нань. Мин шисаньлин гуйхуа шэцзидэ сяньчжэн хань юй ицзин чжуйцю // Цзяньчжу лиши юй лилунь [王南。明十三陵规划设计的象征含义与意境追求 // 建筑历史与理论]. Символическое значение и художественный замысел планировки и конструкции Тринадцати гробниц [династии] Мин // История и теория архитектуры. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. Вып. 10. С. 241–254. (на кит. яз.)

Го Цзюньнин. Мин шисаньлин маньтань [郭军宁。明十三陵漫谈 // 寻根]. Заметки о Тринадцати гробницах [династии] Мин // Сюнь гэн. 2006. № 6. С. 68–74. (на кит. яз.)

Ху Ханьшэн. Мин Шисаньлин лиши вэньхуа // Бэйцзин гуду лиши вэньхуа цзянцзо [胡汉生。明十三陵历史文化 // 北京古都历史文化讲座]. История и культура Тринадцати гробниц [династии] Мин // Лекции об истории и культуре древней столицы – Пекина. Пекин: Бэйцзин яньшань чубаньшэ, 2015. Вып. 2. С. 530–562. (на кит. яз.)

Хуа Лэй. Мин шисаньлин шэньдао цзи ци цзяньчжу [化蕾。明十三陵神道及其建筑 // 中国紫禁城学会论文集]. «Аллея духов» Тринадцати гробниц [династии] Мин и ее архитектура // Сб. тр. Кит. науч. общ-ва Запретного города. Вып. 6, ч. 2. Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2011. С. 568–580. (на кит. яз.)

Цзи Вэнь. Мин шисаньлин [吉文。明十三陵 // 文物]. Тринадцать гробниц [династии] Мин // Вэнь. 1977. № 3. С. 70–73. (на кит. яз.)

Цзинь Цичжэнь, Цуй Суин. Пайфан*Чжунго: Чжунхуа пайфан вэньхуа [金其桢、崔素英。牌坊*中国：中华牌坊文化]. Арки пайфан – Китай: Китайская культура арок пайфан. Шанхай: Шанхай дасюэ чубаньшэ, 2010. 543 с. (на кит. яз.)

Юэ Нань, Ян Ши. Мин шисаньлин динлин дэ фацзюэ [岳南、杨仕。明十三陵定陵的发掘筑 // 紫禁城]. Раскопки [мавзолея] Динлин из Тринадцати гробниц [династии] Мин // Цзыцзиньчэн. 1993. № 1. С. 30. (на кит. яз.)

Ян Хун. Линму дяосу (ся). – Шэньдао дяосу (Вэй, цзинь, наньбэйчао чжи циндай) [杨泓。陵墓雕塑 (下) ——神道雕塑 (魏晋南北朝至清代 // 中国古代雕塑]. Могильная скульптура (2):

Скульптура «аллеи духов» (Вэй, Цзинь, Северные и Южные династии – и до династии Цин)
// Древняя скульптура Китая. Пекин: Чжунго вайвэнь чубаньшэ; Нью-Хейвен: Изд-во Йельского ун-та, 2003. С. 160–197. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 20.02.2018

Sergei A. Komissarov^{1,2}, Aleksandr I. Soloviev², Maria A. Kudinova^{1,3}

¹ Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Peking University
5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing, 100080, China

sergai@mail.ru, easolovievy@mail.ru, maria-kudinova@yandex.ru

ON STUDIES OF SHISANLING – FUNERAL-MEMORIAL COMPLEX OF THE LATE MEDIEVAL EPOCH IN CHINA

The article gives brief characteristics of planigraphy, constructive peculiarities and, to some extent, semantics of one of the most famous monuments of the Late Medieval epoch in China, namely, Shisanling, a funeral-memorial complex consisting of thirteen tombs of Ming emperors. The necropolis is situated in Changping, the suburb region of Beijing, 42 km from the city centre. Built according to all rules of so-called *feng-shui* (geomancy), its plan resembles the scheme of construction of the Ming Empire's capital (Beijing). The tombs were isolated from the outer world with high walls around them, and by these means, the realm of corpses was fenced off from the realm of the living. These universal patterns were used in funeral practices of many Eurasian peoples, as well as round grave mounds enclosed into square (or rectangular) stone fences. It is quite possible that the structure of elite tombs was formed in Ancient China in close contact with neighboring peoples (most probably, they were nomads from the North, but could have also been peasants from the East). In favor of such a hypothesis one can look through several stone sculptures of fantastic beasts in the row of different creatures flanking the «spirit path». For example, «chimera» (*bixie*) the image of which was based on the pattern of the feline predator had originated from Iranian or Middle Eastern mythology. In a later period this image was absorbed by another species of «divine» animals, such as lions (*shizi*) and unicorns (*qilin* and *xiezhi*). Interaction between Chinese civilization and neighboring peoples was working like a «cultural pendulum», different cultures exchanged with each other.

One of these thirteen tombs, Dingling of Emperor Shen-zong, was excavated in 1956–1958, but the results of the excavation were considered to be very unsuccessful. Though many gold ornaments, silk clothes and other precious things were found, a large part of them was lost because of poor restoration. As for scholars, Shisanling remains a very valuable historical source, representing the results of development of funeral architecture during the course of over 1000 years. Due to certain conservatism and high traditionalism of Chinese society, funeral and commemoration rituals retained many ancient features. Taking into account very rich historical records about this period, specialists have a rare opportunity to reconstruct customs and beliefs of the lost «barbarian» communities, to understand and estimate ancient and medieval «multi-culturalism».

Keywords: monuments of Beijing, Late Medieval epoch, Ming dynasty, Emperors' tombs, «spirit path».

References

Kitaiskie pamyatniki mirovogo naslediya [Chinese monuments of World's Heritage]. Ed. by Go Changjian. Beijing, Intercontinental Publ. House, 2007, 284 p. (in Russ.)

Komissarov S. A., Solov'ev A. I. Pogrebal'naya skulptura srednevekovogo Kitaya i ee vliyanie na iskusstvo sopredel'nykh narodov [Funeral sculpture of medieval China and its influence on the art of neighboring peoples]. *43 ya nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae» [43rd scientific conf. «Society and state in China»]*. Moscow, Inst. of Oriental Studies of RAS, 2013, Vol. LXIII, pt. 1, p. 522–527. (in Russ.)

Kravtsova M. E. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura: Istoriya iskusstva Kitaya [World's artistic culture: A History of Chinese art]. St. Petersburg, Lan'; TRIADA, 2004, 960 p. (in Russ.)

Kravtsova M. E. Traditsiya pogrebal'noi monumental'noi skulptury v kontekste istoriko-politicheskoi i dukhovnoi kul'tury imperskogo Kitaya (I–XII vv.) [The tradition of funeral monumental sculpture within context of historic-political and spiritual culture of Imperial China (I–XII cent.). *Asiatica: Tr. po filosofii i kul'turam Vostoka [Asiatica: Proc. on Eastern philosophy and culture]*. St. Petersburg, St. Peterb. Uni. Press, 2010, p. 25–57. (in Russ.)

Riftin B. L. Ot mifa k romanu (Evolutsiya izobrazheniya personazha v kitaiskoi literature) [From myth to novel (Evolution of depiction of character in Chinese literature)]. Moscow, GRVL, 1979, 358 p. (in Russ.)

Riftin B. L. Di-zang-wang. Dukhovnaya kultura Kitaya. T. 2. Mifologiya. Religiya [Spiritual Culture of China. Vol. 2. Mythology. Religion]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2007, p. 445. (in Russ.)

Solov'ev A. I., Kudanova M. A. Khozhdenie v Dan'yan [Journey to Danyang]. *Vestnik of Novosib. State Uni. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, iss. 4: Oriental Studies, p. 123–129. (in Russ.)

Wang Nan. Ming Shisanling guihua shejide xiangzheng hanyi yu yijing zhuiqiu. *Jianzhu lishi yu lilun* [王南. 明十三陵规划设计的象征含义与意境追求 // 建筑历史与理论]. *The Symbolic Significance and Artistic Conception of the Planning of the Ming Tombs. Architectural History and Theory*. Beijing, Science Press, 2009, vol. 10, p. 241–254. (in Chin.)

Guo Junning. Ming Shisanling mantan [郭军宁. 明十三陵漫谈 // 寻根]. Essay on the Ming Tombs. *Root Exploration*, 2006, no. 6, p. 68–74. (in Chin.)

Hu Hansheng. Ming Shisanling lishi wenhua // Beijing gudu lishi wenhua jiangzuo [胡汉生. 明十三陵历史文化 // 京古都历史文化讲座]. History and Culture of Ming Tombs. *Lectures on the history and culture of ancient capital Beijing*. Beijing, Beijing Yanshan Press, 2015, iss. 2, p. 530–562. (in Chin.)

Hua Lei. Ming Shisanling shendao ji qi jianzhu // Zhongguo Zijincheng xuehui lunwenji [化蕾. 明十三陵神道及其建筑 // 中国紫禁城学会论文集]. Spirit Path of the Ming Tombs and its architecture. *Proc. of China Zijincheng Academy*. Beijing, The Forbidden City Publish. House, 2011, vol. 6, iss. 2, p. 568–580. (in Chin.)

Ji Wen. Ming Shisanling [吉文. 明十三陵 // 文物]. Ming Tombs // *Wenwu [Cultural Relics]*, 1977, no. 3, p. 70–73. (in Chin.)

Jin Qizhen, Cui Suying. Paifang*Zhongguo: Zhonghua paifang wenhua [金其桢、崔素英. 牌坊*中国: 中华牌坊文化]. Paifang arches – China: Chinese culture of paifang arches. Shanghai, Shanghai Uni. Press, 2010, 543 p. (in Chin.)

Yue Nan, Yang Shi. Ming Shisanling Dinglingde fajue [岳南、杨仕. 明十三陵定陵的发掘 // 紫禁城]. The excavation of Dingling of Ming Tombs. *Zijincheng [Forbidden City]*, 1993, no. 1, p. 30. (in Chin.)

Yang Hong. Lingmu diaosu (xia). – Shendao diaosu (Wei, jin, nanbeichao zhi qingdai) [杨泓. 陵墓雕塑 (下) — 神道雕塑 (魏晋南北朝至清代 // 中国古代雕塑]. Funeral sculpture (2): Sculpture for «spirits' path» (Wei, Jin, Northern and Southern dynasties – and up to the Qing dynasty). *Ancient sculpture of China*. Beijing, Zhongguo waiwen chubanshe; New Haven, Yale Uni. Press, 2003, p. 160–197. (in Chin.)

УДК 299.513 398.22 (571)
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-59-74

А. А. Маслов

*НИУ «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

amaslov@hse.ru

МЕТАФОРА МИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ДАОССКОМ ТЕКСТЕ «ДРЕВО БЕЗ КОРНЕЙ»

Рассматривается один из центральных стихотворных даосских текстов «Древо без корней» («Угэнь шу»), приписываемых «бессмертному» магу Чжан Саньфэну. Этот трактат создан не раньше конца XVIII – начала XIX в., причем четыре основных списка текста лишь незначительно отличаются друг от друга. Стихи этого произведения дополнялись и выстраивались таким образом, чтобы сформировать трехэтапную структуру самосовершенствования и восхождения к уровню «бессмертного». Хотя основная часть текста посвящена алхимическим превращениям, трактат отражает традиции разных школ, в том числе и буддийские взгляды на концепции «пустоты» и «формы», а также описывает формы алхимико-сексуальной практики. Произведение, большинство формулировок которого носят метафорический характер, наполнено традиционными аллюзиями, автор не призывает к строгой аскезе, но приветствует наслаждение жизнью, формы «парного пестования», при этом громкий смех и хохот выступают как символы витальности и возвращение к истинной жизни бессмертного.

Ключевые слова: Китай, «Древо без корней», даосизм, Чжан Саньфэн, сексуальная алхимия, духовная практика, символизм.

В данной работе мы рассмотрим вопрос об особенностях содержания и периоде создания одного из самых известных даосских произведений – «Древо без корней» (無根樹 «Угэнь шу»). Его полное название – «Даосские напевы в 24 главы о Древе без корней» (無根樹道情二十四首 «Угэнь шу даоцин эрши сы шоу»). Текст включен в коллекции трудов алхимической традиции школы Лунмэньпай («Драконовых врат»), однако большинство его стихов носят синкретический характер.

Традиционная датировка трактата связана с периодом жизни предполагаемого автора, «бессмертного» (сянь) Чжан Саньфэна 張三丰 – либо конец периода Сун (XII в.), либо эпоха Мин (XIV–XV вв.), однако ниже мы покажем, что обе даты ошибочны и не выдерживают критики.

По преданию, даосский маг «бессмертный» Чжан Саньфэн написал эти строфы в 1348 г., когда проживал в горах Уданшань 武當山, на пике Тяньчжунфэн 天柱峰 («Небесная опора») [Хуан Чжаохань, 2014. С. 41]. Чжан Саньфэн – характерный типаж даосского бессмертного, который стал в эпоху Мин собирательным образом «мастера Дао»¹. Его биография включена в «Историю династии Мин» [Мин ши, 1974], а также в ряд хроник периода Мин [Чжан

¹ Подробнее о формировании образа Чжан Саньфэна и спорах по этому поводу см.: Маслов А. А. Чжан Саньфэн: формирование классического образа «бессмертного». URL: https://purevagabond.com/2018/01/31/zhang_sanfeng/ (дата обращения 30.01.2018).

Саньфэн цюаньцзи, 2017. С. 11–14], однако создание «Угэнь шу» в этих текстах не упоминается.

Дж. Нидем относил создание «Древа без корней» к 1410 г., следуя традиционной версии создания трактата Чжан Саньфэном, но при этом никаких доказательств своей датировки он не приводил. Известный исследователь даосизма Л. Комьяси пишет о своих сомнениях в датировке: эта коллекция стихов «скорее всего датируется XIX в., этот текст использует язык сексологической литературы для обсуждения алхимических трансформаций. Поэтому он может быть интерпретирован как относящийся к сексологии и/или алхимической технике»². Хуан Чжаохань, написавший ряд работ по исследованию образа Чжан Саньфэна, также полностью отказал этому «бессмертному» в авторстве, считая, что сама работа написана в начале династии Цин [Хуан Чжаохань, 2014]. Версии о том, что текст существовал в эпоху Мин и тем более ранее, не находят подтверждений.

Различные отрывки «Древа без корней» циркулировали в даосской среде и до начала XIX в., пока известный мастер Лю Имин 劉一明 (другое имя Уюань-цзы 悟元子, 1734–1821) не свел их в единый текст «Главы древа без корней с комментариями» (無根樹詞注解 «Угэнь шу цы чжу цзе»), который вышел в свет в 1819 г. в коллекции «12 книг по даосизму» [Даошу шиэрчжун, 2006]. Как следует из предисловия Лю Имина, он пользовался несколькими версиями, прежде всего вырезанными на каменных стелах, а потом перенесенными на бумагу. В основу издания лег некий «резной текст из монастыря Гаочжэньгуань («Высокой истины»), что в Гуйчжоу» (貴州高真觀刻文).

Самый известный комментарий на «Древо без корней» был составлен в 40-е гг. XIX в. даосом Ли Ханьсюем (李涵虛, 1795–1850)³, который рассказывал о себе, что лично встречался мистическим образом с Чжан Саньфэном [Ли Ханьсюй, 2009]. Он включил «Древо без корней» в «Полное собрание сочинений Чжан Саньфэна» (張三豐全集 «Чжан Саньфэн цюаньцзи»). Таким образом, регулярные публикации «Древа без корней» начинаются лишь с начала XIX в., более ранних следов этого текста мы не обнаруживаем.

Благодаря изящной стихотворной форме трактат стал весьма популярен. Его текст расширялся и дополнялся. Предисловие к «Древу без корней», помещенное в «Полное собрание», датировано 1847 г., а его расширенная версия в собрании сочинений «Важнейшее из Сокровищницы Дао» (道藏輯要 «Даоцзан цзияо») выходит в 1906 г. Это показывает, что в данный период корпус текста дополнялся новыми стихами. В 1913 г. выходит расширенное издание «12 типов книг по даосизму» («Даошу шиэрчжун»), составителем которого еще в 1819 г. выступил Лю Имин, куда вошло и «Древо без корней» с предисловием, составленным Ли Ханьсюем⁴. Существует еще одна компиляция работ Чжан Саньфэна «Чжан саньфэн тайцзи лянъдань бицзюэ» («Тайные наставления Чжан Саньфэна в выплавлении пилюли Великого предела»), куда также входит «Древо без корней» [Чжан Саньфэн тайцзи, 2017]. Ее датировка окончательно неясна, но речь явно идет о позднем периоде Цин, то есть совпадает с первыми публикациями «Древа».

В 2014 г. группа исследователей из Института изучения религий Академии социальных наук под руководством проф. У Шоуцзю обнаружила еще один вариант текста «Древо без корней», вырезанного на каменных плитах, и составила его подробное сопоставление с ранними версиями [У Шоуцзю, 2015. С. 112–129] (далее – «литографический текст»).

Таким образом, мы имеем несколько версий текста, которые различаются по двум критериям: порядок глав и разночтения в иероглифах (которые не меняют смысла текста). Все варианты включают 24 главы или стиха (首 *шоу*). Варианты Лю Имина и Ли Ханьсюя близки друг к другу в смысле порядка глав, но не полностью идентичны, они также незначительно

² Komjathy L. Daoist Texts in Translation. 2004. P. 51. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.730.528&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 30.01.2018).

³ Его другое имя – Ли Сибюэ, то есть Ли Западный месяц (李西月).

⁴ Всего известно три оригинальных издания коллекции «Двенадцать книг по даосизму»: 1) Даошу шиэрчжун [道书十二种. 常都护国庵刊本]. Двенадцать книг по даосизму, сост. Лю Имин. 1819. Пекин: Чанцзюнь хугоань, 1819; 2) Даошу шиэрчжун ([道书十二种. 上海江东书局石印本]. Литографический текст 12 книг по даосизму). Шанхай: Шанхай цзяндун шуцзюй, 1913; 3) Факсимильное издание: Шанхай: Шанхай цзичэн шуцзю, 1925 [上海集成书局石印本].

отличаются в ряде иероглифов (чаще всего это взаимозаменяемых). Таких различий в порядке параграфов только три, и встречаются они только в первой части (до 5-й главы). Два других варианта – «12 книг по даосизму» (1819) и его расширенное переиздание (1913 и 1925) полностью совпадают между собой в порядке глав, но заметно отличаются от двух предыдущих текстов. Можно предположить, что изначальный текст как раз и был представлен первыми четырьмя или пятью стихами, другие же добавлялись позже и в разном порядке. Перед нами по сути два или три (если учитывать небольшие разночтения) варианта текста, разницу в порядке стихов которых мы свели в таблицу:

Литографический текст 石刻本	Вариант Ли Ханьсюя (с каменной стелы) 李涵虛增解 (石印本)	«12 книг по даосизму» 道書十二種本	Вариант Лю Имина с комментариями 劉一明注解 (石印本)
1	1	1	1
2	2	2	2
3	3	3	4
4	4	4	5
5	5	5	19
6	13	6	13
7	11	7	11
8	12	8	12
9	15	9	15
10	6	10	6
11	16	11	16
12	3	12	3
13	18	13	18
14	8	14	8
15	7	15	7
16	14	16	14
17	10	17	10
18	21	18	21
19	22	19	22
20	20	20	20
21	17	21	17
22	23	22	23
23	9	23	9
24	24	24	24

По жанру «Дерево без корней» относят к «даосским песнопениям» или «даосским напевам» 道情 *дао цин* (досл. «чувства Дао») – особому стилю музыкально-поэтической формы, где строфы произносятся нараспев и сопровождаются ударами в небольшой бамбуковый барабан или в бамбуковую «рыбку» (*юй гу*). Как вытекает из предисловия Ли Ханьсюя, 24 стиха соответствуют 24-м сезонам года, каждый из которых равен половине лунного месяца, и описывают мистическое дерево в развитии – набирании соков, его расцвет, угасание.

Ли Ханьсюй трактует символ «древа без корней» как образ пневмы-*ци*, которая поддерживает человека, словно «невидимый корень». Предисловие 1913 г. дает другую трактовку: это символ хрупкости и уязвимости человеческого тела, которое быстро умирает без соответствующей практики, усыхая, словно «дерево без корней». Подобную трактовку можно видеть в другом предисловии к трактату, которое приписывается магу Люй Дунбиню. Другой мастер, наставник даосской алхимии Лю Имин видит в «Древе без корней» просто набор тем для медитаций.

Трактат рассматривает 24 состояния «цветка» (*хуа*) или 24 состояния пневмы-*ци* в организме. При этом наставления описывают три этапа, на которые прямо указывает и предисловие Ли Ханьсюя. Первый этап (первые 10 стихов) является базовым этапом практики,

направленной на вбирание первичного *ци* – *ци* Прежде небесного. Он завершается тем, что человек достигает состояния Человеческого бессмертного (人仙 *жэнь сянь*). На втором этапе (соответствующим стихам 11–18), адепт, используя *ци* Прежде небесного, которое он сконцентрировал ранее, достигает состояния Земного бессмертного (地仙 *ди сянь*). Наконец, на третьем, завершающем этапе (соответствующем стихам 19–24) адепт достигает состояния Небесного бессмертного (天仙 *тянь сянь*).

Примечательно, что текст объединяет советы из разных традиций. Так, в одних случаях советуется сплавлять ртуть и свинец для получения пилюли бессмертия (стихи 5, 8, 14–15, 19), в других – возгонять пневму-*ци* (стих 18), либо использовать «сплавление» *ци*, семени-*цзин* и духа-*шэнь* вместе со сплавлением свинца и ртути (стих 16). Ли Ханьсуй в предисловии рассматривает трактат как «повествование о *ци* в человеческом теле», а не как алхимическое пособие. Особую роль играет смех (стихи 13, 20, 22) как символ возвращения к истинной жизни бессмертного.

Трактат призывает не к аскезе, а к постепенному внутреннему преобразению – подобно тому, как прорастают «цветы на древе». Параграф 3 вообще призывает к наслаждениям, удовольствиям – вину, мясу и плотским утехам. При этом параграф 23 текста представляет собой классическое буддийское сочинение, близкое по концепции к школе Тяньтай («Небесный престол»), утверждая, что нет никаких различий между абсолютной пустотой (шуньятой) и формами (рупа) сущностного мира. Следующий за ним параграф 24 уже совмещает даосские и буддийские рассуждения о пустоте мира «без проявлений и формы», при этом пустоту следует именно «выплавлять», подобно эликсиру бессмертия.

Много споров среди издателей и комментаторов развернулось вокруг алхимико-сексуального характера текста. Ли Ханьсуй в своем предисловии резко выступает против роли сексуальной практики в воспитании даоса, а поэтому весьма негативно характеризует подобные труды, приписываемые Чжан Саньфэну. При этом в тексте «Древо без корней» он не видит серьезного сексуально-воспитательного подтекста, в отличие от других трудов, приписываемых Чжан Саньфэну. К тому же он прибегает к интересному приему: пытается «развести» по времени двух людей по имени Чжан Саньфэн. Один — это автор произведения «Древо без корней», к которому он и пишет предисловие, а другой Чжан Саньфэн, что придерживался методик сексуальных практик, жил в период Лю Сун (420–477).

Современные авторы также не единодушны в своем мнении относительно «сексуальности» в содержании текста. Так, Лю Цзянань рассматривает его просто как поэтический текст, связанный с алхимической символикой [Liu Jianan, 2015. Р. 73–74], а Хуан Чжаохань – как очевидный пример техники «парного пестования» (雙練 *шун лян*), то есть непосредственно связанный с сексуальной практикой [Хуан Чжаохань, 2014]. Д. Вайли включает исследование этого текста в раздел «Литература по эликсиру в сексуальной алхимии» и видит намеки на «парную практику» во многих пассажах [Wile, 1992. Р. 146–148, 188–191]. В частности такие «указания» на практику «парного пестования» можно усмотреть в 4-м и 8-м стихах.

Существует несколько вариантов перевода данного текста на европейские языки [Wile, 1992. Р. 146–148; Liu Jianan, 2015. Р. 73–95]. Представленный перевод сделан по изданиям [Ли Ханьсуй, 2009; Чжан Саньфэн цзуши, 1962].

Таким образом, «Древо без корней» – классический синкретический трактат даосско-буддийского толка, который приобрел свой окончательный вид не раньше начала XIX в. и в метафорической форме содержит поэтапную алхимико-сексуальную методику преобразования человека в «бессмертного».

Древо без корней

Предисловие Люй [Дунбиня]

Скажу о смысле названия «Древо без корней». Обычные деревья обладают корнями, только тогда они способны расти. Если же у дерева нет корней, то долго оно не проживет. Жизнь человека в этом мире, его рождение и старение, болезнь и смерть, стремительное пребывание и столь же стремительное угасание, все время его существования – как огонь, высеченный

из камня, как вспышка молнии. Все это подобно дереву, что не имеет корней. Вот откуда «Древо без корней» получило свое название. 24 стиха бессмертного старца именуются «Древо без корней» и вызывают людей к пробуждению.

Дабы постигли они смысл вечнотекущей жизни в грезах и как можно раньше начали пестовать свои природные свойства и судьбу.

Предисловие Ли Ханьсюя

«Древо без корней» повествует о *ци* в человеческом теле. Тело человека, все сотни каналов в нем рождаются именно из *ци*, *ци* же рождается из сферы абсолютной пустоты и отсутствия. Поэтому и говорим – «без корней». Последователи, выплавляющие пиллюлю бессмертия именно из сфер отсутствия и пустоты, получали для себя основу внутреннего пестования. Прежде небесное и После небесное брали свое рождение именно из самоотсутствия. Это и есть источник того, что имеет свой корень в том, что не имеет корней. Практикующий После небесное должен, входя в отсутствие, стремиться к бытию, а затем из бытия снова устремиться к отсутствующему. Практикующий Прежде небесное должен через наличие (бытие) проникнуть в отсутствующее, а затем из отсутствующего вернуться к наличествующему. Именно таков исток самосовершенствования. Но *ци* в теле человека имеет следующие различия: молодое, зрелое, старое. Пестование *ци* также имеет такие этапы, как начальный, средний, завершающий. 24 главы в соответствии с годовым циклом рекомендуют человеку, будучи у древа без корней, в любое время наблюдать за его цветками. И именно в этом абсолютное изящество и красота даосских напевов.

1.

無根樹，花正幽，貪戀榮華誰肯休？
浮生事，苦海舟，蕩去飄來不自由。
無岸無邊難泊繫，長在魚龍險處游。
肯回首，是岸頭，莫待風波壞了舟。

О, древо без корней! Сколь сумрачны его цветы!
Да кто ж из тех, кто славы и роскоши возжаждет,
Отринуть все это готов?
Дела вечнотекущей жизни как ладья в море страданий,
Что лишь кренится и качается по воле волн,
И никогда не принадлежит самой себе.
Вне берегов и суши – ох, как сложно найти место, чтобы пристать к берегу!
В опасностях извечно странствуем мы в чертогах морских драконов.
Но стоит лишь голову повернуть, на берег оглянуться –
И более не жди ветра и волн, что челн твой готовы разбить.

2.

無根樹，花正微，樹老重新接嫩枝。
梅寄柳，桑接梨，傳與修真作樣兒。
自古神仙栽接法，人老原來有藥醫。
訪名師，問方兒，下手速修猶太遲。

О, древо без корней, цветы его столь малы!
Когда древо стареет, то возрождают его прививкой побегов молодых.
Сливу пересаживают к иве, а шелковицу прививают к груше.
Путь будет это образцом пестования истинности.
Сей «метод прививки», что священные бессмертные из древности нам передали,
И был изначально врачующим средством для пожилых.

Посети известного наставника и расспроси его о методах,
Приступить к этому в спешке столь же плохо, как и начать слишком поздно ⁵.

3.

無根樹，花正青，花酒神仙古到今。
煙花寨，酒肉林，不斷葷腥不犯淫。
犯淫喪失長生寶，酒肉穿腸道在心。
打開門，說與君，無花無酒道不成。

О, древо без корней, цветы его столь свежи!
Цветы и вино – вот спутники бессмертных с древности и поныне.
Дома наслаждений ⁶, чертоги вин и мяса!
Не кори себя за скоромную пищу, не вини себя в распутстве.
Обвиняя себя в распутстве, лишь утрачиваешь драгоценность долголетия.
Вино и мясо идут сквозь твой желудок, Дао же в сердце пребывает.
Отвори свои двери и позволь сказать мне: без цветов и вина не достигнешь Дао!

4.

無根樹，花正孤，借問陰陽得類無？
雌雞蛋，難抱雛，背了陰陽造化爐。
女子無夫為怨女，男子無妻是曠夫。
嘆迷徒，太模糊，靜坐孤修氣轉枯。

О древо без корней, цветы его столь одиноки!
Спрошу я: найдут иль нет *инь* и *ян* пару себе?
Не всегда есть цыпленок в курином яйце.
Если повернутся спиной к печи созидания *инь* и *ян*,
То женщина без мужчины превращается в старую деву,
Да и мужчина без женщины становится бобылем.
Увы, теряют они дорогу – столь все перед ними туманно!
Лишь одна медитация в покое и пестование одиночества ⁷
Просто иссушит твою пневму-*ци*.

5.

無根樹，花正偏，離了陰陽道不全。
金隔木，汞離鉛，陽寡陰孤各一邊。
世上陰陽男配女，生子生孫代代傳。
順為凡，逆為仙，只在中間顛倒顛。

О, древо без корней, цветы его столь подвижны.
Если *инь* от *ян* отделено, то и Дао не целостно будет.
Если металл отделен от дерева, а ртуть от свинца,
То *инь* одиноким станет, а *ян* – покинутым,
И каждый – на своей стороне.

⁵ Лю Цзянань переводит это фразу (下手速修猶太遲) так: «Даже если ты начнешь воспитание слишком рано, все равно окажется слишком поздно» [Liu Jjianan, 2015. P.75].

⁶ Выражение «дома наслаждений» 煙花寨 *юаньхуа чжай* (досл. «приют затуманенных цветами») означало «публичный дом». Это выражение широко использовалось в юаньской драме, а также в известном эротическом романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» (1617).

⁷ «Медитация в покое и пестование одиночества» 靜坐孤修 *цзинцзо гу сю* – одна из форм практики даосизма, базирующаяся на отшельничестве и медитации. Автор критикует ее, противопоставляя концепции «парного пестования природных свойств и судьбы» (性命双修 *синмин шуан сю*), т. е. максимального использования врожденных качеств и различных проявлений жизни.

В мире *инь* и *ян* мужчина составляет пару женщине ⁸,
 Рождают они детей и внуков, передавая это в поколениях.
 Следование – вот путь обычного человека,
 Противодвижение – это путь бессмертного ⁹.
 И лишь в самой середине они обращаются одно в другое.

6.
 無根樹，花正新，產在坤方坤是人。
 摘花戴，採花心，花蕊層層艷麗春。
 時人不達花中理，一訣天機值萬金。
 借花名，作花身，句句敲爻說得真。

О, древо без корней, его цветы столь свежи!
 Рождены они [женским] началом *кунь* ¹⁰, а *кунь* – это и есть человек.
 Сорви головку цветка, оборви его сердцевину.
 и тогда тычинки слой за слоем откроют нам красоты весны.
 Не способны сегодня люди достичь принципа, что в цветке заключен.
 Даже малая часть Небесной пружины стоит десяти тысяч кусков золота.
 Заимствуем мы название «цветок», дабы создать форму эту цветка,
 Фраза за фразой, линия за линией говоря нам об истине.

7.
 無根樹，花正繁，美貌嬌容賽粉團。
 防猿馬，劣更頑，掛起娘生鐵面顏。
 提出青龍真寶劍，摘盡牆頭朵朵鮮。
 趁風帆，滿載還，怎肯空行過寶山。

О, древо без корней, его цветы столь густы!
 Прекрасны и влекущи, как рисовые пирожки.
 Остерегайся [мыслей], что глупы и необузданны, словно обезьяны и лошади.
 Прими невозмутимое выражение лица, как [суровая] матушка.
 Достань истинный драгоценный меч зеленого дракона ¹¹,
 Собери все свежие цветы с вершины стен.
 Поймай ветер в паруса, и возвращайся полностью нагруженным [товаром].
 Да можно ли вернуться пустым с драгоценных гор?

8.
 無根樹，花正飛，謝了重開有定期。
 鉛花現，癸盡時，依舊西園花滿枝。
 對月才經收拾去，又向朝陽掛衲衣。
 這玄機，世罕知，須共神仙仔細推。

О, древо без корней, его цветы воистину парят!
 Они вновь распускаются лишь в точное время.

⁸ В тексте видна очевидная инверсия, теоретически фраза должна звучать как «В мире *инь* и *ян* женщина составляет пару мужчине», однако порядок иероглифов изменен, что косвенно свидетельствует о светской традиции текста, при которой устойчивым выражением является 男配女, то есть «мужчина составляет пару женщине» и иероглиф «мужчина» 男 стоит на первой позиции.

⁹ Парафраз Лао-цзы.

¹⁰ Знак 坤 *кунь* – 7-я из восьми триграмм, соответствует женскому началу, земле, луне, юго-западному направлению.

¹¹ Зеленый дракон (также синий или лазурный дракон *цинлун* 青龍) – символ востока (также одного из семи созвездий восточной части неба), весны и левой стороны. В алхимической традиции – свинец.

Цветы свинца появятся, когда знак *гуй*¹² придет к концу
 И как всегда цветы покроют все ветви в Западном саду.
 Выйди собирать, как только взойдет луна
 И чини свои одежды на восходе солнца.
 Мало в мире тех, кому известен сей сокровенный механизм.
 Надо прийти к бессмертным и расспросить все тщательно.

9.

無根樹，花正開，偃月爐中摘下來。
 延年壽，減病災，好結良朋備法財。
 從茲可成天上寶，一任群迷笑我呆。
 勸賢才，休賣乖，不遇名師莫強猜。

О, дерево без корней, его цветы столь сильно распустились!
 Сорви их у курильницы, что в форме полумесяца¹³.
 Продли свои годы, устрани недуги и несчастья,
 Доброго друга себе найди, дабы методы и средства подготовить¹⁴.
 И в момент этот сможешь ты обрести Небесную драгоценность.
 Пусть тот, кто в заблуждениях живет, потешится над глупостью твоей.
 Ты же продвигай достойных и способных,
 И отстанись от тех, кто похвастается сметливостью своей.
 Не встретив просветленного учителя, даже и не надейся отгадать ответ.

10.

無根樹，花正圓，結果收成滋味全。
 如朱橘，似彈丸，護守堤防莫放閑。
 學些草木收頭法，復命歸根返本元。
 選靈地，結道庵，會合先天了大還。

О, дерево без корней, его цветы столь округлы!
 Когда плоды его вызревают, сколь полны их ароматы!
 Словно красные мандарины, подобные ядрам.
 Будь осмотрителен, находишь настороже и не предавайся лени.
 Изучая травы и деревья, важнейшие методы собирай¹⁵
 Чтобы жизненность свою восстановить, к корням вернуться, к источнику начала
 обратиться.

¹² Иероглиф 癸 *гуй* – десятый знак десятиричного цикла, то есть самый конец перечисления. Ассоциируется со стихией воды, севером и зимой. Изначально он ассоциировался с женской менструальной кровью.

¹³ Выражение «курильница, что в форме полумесяца» (偃月爐 *яньюэ лу*) Д. Вайл трактует как женскую вульву [Wile, 1992. P. 270].

¹⁴ Это совпадает с мыслью, высказываемой в ряде даосских текстов, что перед началом изготовления чудесного средства надо найти себе «друга», который мог бы оплатить покупку дорогих ингредиентов для пилюли бессмертия, или спутника, который уберезет адепта, принимавшего снадобье, от сумасшествия или отравления (см., напр. «Цзиньдань сюэю [金丹節要] «Важнейшие принципы Золотой пилюли», приписываемые Чжан Саньфэну; Ван Чуньян. «Ли цзяо шиу лунь» [重阳立教十五论] «Пятнадцать наставлений об обретении Учения», XII в.).

¹⁵ Выражение 收頭法 *шоу тоу фа* можно понять как «получить важнейшие (первейшие) методы», а также «сконцентрировать свое внимание 收頭 на методах 法». Д. Вайл считает, что речь идет о «технике извлечения из головок растений» [Wile, 1992. P. 190], вероятно, рассматривая 頭 *тоу* как «головку растения». Лю Цзянань просто переводит это как «изучи некоторые законы естественной циркуляции» [Liu Jianan, 2015. P.81], хотя семантически это не имеет смысла.

Выбери духовное место ¹⁶, сделай здесь даосский скит.
Объединись с Прежде небесным и заверши Великое возвращение ¹⁷.

11.

無根樹，花正亨，說到無根卻有根。
三才竅，二五精，天地交時萬物生，
日月交時寒暑順，男女交時孕始成。
甚分明，說與君，猶恐相逢認不真。

О, древо без корней, сколь благоприятны его цветы!
И хотя говорим мы, что нет у него корней, корни эти все же есть.
Три чудесных отверстия ¹⁸, семя двух сил и пяти стихий ¹⁹,
Когда Небо и Земля совокупаются, от этого рождаются мириады вещей.
Когда солнце и луна совокупаются, холод и жара следуют друг за другом.
Когда мужчина и женщина совокупаются, появляется зародыш.
Разъяснил я это столь подробно вам,
И все ж беспокоюсь, что с неистинным вы все ж столкнетесь.

12.

無根樹，花正佳，對景忘情玩月華。
金精旺，耀眼花，莫在園中錯撿瓜。
五金八石皆為假，萬草千方總是差。
金蛤蟆，玉老鴉，認得真時是作家。

О, древо без корней, его цветы столь прекрасны!
Забудь о чувствах, что солнечный свет ²⁰ пробуждает
И лишь лунным цветком ²¹ наслаждайся.
Сколько ярко семя это золотое, цветок слепит глаза
Так что не сорви не тот цветок в саду!
Пять металлов и восемь минералов ²² ложны,
Десять тысяч трав и тысячи рецептов ошибочны.

¹⁶ Духовное место *линджи* 靈地, дословно «место духов», может быть понятно как «красивое место», соответствующее принципам *фэншуй*, или где обитают духи.

¹⁷ «Великое возвращение» 大還 *да хуань* может пониматься по-разному. В период Тан под ним понималась пилюля бессмертия (в частности, такой смысл мы встречаем в поэзии Ли Бо и Ма Сяна). С периода Сун это также один из эвфемизмов смерти.

¹⁸ Подразумеваются «три начала» 三才 *сань цай* – Небо, земля и человек. В других случаях – пневма-ци, семя-цзин и дух-шэнь. В ряде текстов иероглиф 寸 (*цунь* как мера длины) перепутан с иероглифом 才 (*цай* – «талант», «врожденные склонности»). Понятие 竅 (*цяо*) обозначает отверстия в теле человека, а также органы чувств.

¹⁹ Две силы и пять стихий (二五 *эр у*) – в китайской космогонии это *инь*, *ян* и пять первостихий (огонь, металл, вода, дерево, земля). Выражение «Семя двух начал и пяти первостихий» встречается в трактате Чжоу Дуньи «Разъяснение схемы Великого предела» («Тайзи ту шо», XI в): «Истина Беспредельного (*у цзи*) и семя пяти первостихий чудесно объединяются и сгущаются».

²⁰ Понятие 景 *цзин* чаще всего переводчики трактуют как «пейзаж», поэтому Д. Вайл переводит это как «подави свои чувства, как с пейзажем столкнешься» [Wile, 1992. P. 190], что обесмысливает текст. Другое значение *цзин* – «солнечный свет, блеск», и здесь это понятие сочетается с дальнейшим призывом «восхищаться» или «радоваться лунному цветку», т. е. лунному свету.

²¹ «Лунный цветок» 月華 *юэ хуа* – поэтическое обозначение лунного света.

²² Пять металлов – золото, серебро, железо, медь, олово. Восемь минералов – восемь основных добавок при изготовлении пилюли бессмертия: киноварь (сернистая ртуть 朱砂), реальгар (雄黃), слюда (雲母), сернокислая медь (空青), сера (硫黃), каменная соль (戎鹽), неочищенная селитра (硝石), аурипигмент, или мышьяковая обманка (雌黃).

Золотая жаба и нефритовый ворон ²³ –

Лишь в момент познания их истины последователем ²⁴ станешь.

13.

無根樹，花正多，遍地開時隔愛河。

難攀折，怎奈何，步步行行龍虎窩。

採得黃花歸洞去，紫府提名永不磨。

笑呵呵，白雲阿，準備天梯上大羅。

О, древо без корней, сколь много цветов на нем!

Когда вся земля в цветении пребывает, сторонись реки любви ²⁵.

Сколь сложно это уничтожить – ну что ж здесь поделать?!

Шаг за шагом продвигайся вперед, словно драконы и тигры затаились в своих берлогах.

Сорви желтый цветок, в пещеру возвращайся.

И имя твое в скрижали Пурпурного Дворца будет вписано,

И никогда не будет стерто.

Расхохочись – ха-ха! И когда белые облака вместе сойдутся ²⁶,

Будь готов взойти по Небесной лестнице в Великую сферу [Небожителей].

14.

無根樹，花正香，鉛鼎溫溫現寶光。

金橋上，望曲江，月裡分明見太陽。

吞服烏肝並兔髓，換盡塵埃舊肚腸。

名利場，恩愛鄉，再不回頭空自忙。

О, древо без корней, его цветы столь ароматны!

Свинец в треножнике, нагреваясь, свет драгоценный излучает.

С Золотого моста взглядишь в излучины реки

С луны свет солнца виден яснее.

Съешь ворона печень и зайца мозг ²⁷,

Вытряхни всю пыль из старых кишок.

Мир славы и выгоды,

Чертоги сострадания и любви.

Никогда вновь не оборачивайся на этот мир тщеты.

15.

無根樹，花正鮮，符火相煎汞與鉛。

臨爐際，景現前，採取全憑度法鉛。

²³ «Золотая жаба», или древесная жаба (金蛤蟆), соответствует началу *инь*, нефритовый ворон (玉老鴉) – началу *ян*.

²⁴ Эта, на первый взгляд, простая фраза (認得真時是作家) вызвала противоречивые переводы. Д. Вайл переводит это как «Тот, кто поймет истинный свинец, станет завершенным последователем», используя вариант из «Дао цин» (認得真鉛是作家) [Wile, 1992. P. 190]. Лю Цзянань переводит так: «Если заставишь их проявиться (т. е. золотую жабу и нефритового ворона), то ты – действительно знаток» [Liu Jianan, 2015. P. 83]. Мы опираемся на вариант [Даошу шиэрчжун, 2006], где говорится именно об «истинном времени» или «моменте познания истины». Литографический вариант на каменном барельефе сильно лакунизирован в этой части, иероглифы отсутствуют, а вместо знаков 作家 («стать последователем», «войти в семью») стоят иероглифы 你家 «твоя семья».

²⁵ Выражение «река любви» 愛河 *ай хэ*, возможно, имеет буддийскую коннотацию, это рассматривается как одно из препятствий на пути к просветлению. В литографическом варианте стоят иероглифы 奈何 *най хэ* со значением «что поделать?» («когда все земля в цветении – ну что ж здесь поделаешь?»). Вариант «Двенадцать книг» говорит о 礙河 *ай хэ* – «реке препятствий».

²⁶ Вариант [Даошу шиэрчжун, 2006]: «В пещере белых облаков расхохочись» (白雲窩，笑呵呵).

²⁷ Печень ворона 烏肝 соответствует началу *ян*, мозг зайца 兔髓 – началу *инь*. Речь идет о двух животных лунного мифа, связанных с изготовлением пилюли бессмертия.

匠手高強牢把舵，一任洪波海底翻。
過三關，透泥丸，早把通身九竅穿。

О, древо без корней, его цветы столь свежи!
Огонь тайного знака сплавляет свинец и ртуть.
Подойди к печи – и вся картина предстанет пред тобой.
Срывая [цветки], целиком положишься на ладью, что души перевозит.
Держись за кормило мастерски и крепко.
И пусть огромные волны со дна моря встают.
Сквозь три заставы пройдя, проникнут в область *нивань*²⁸,
Стремительно пройдут они через девять отверстий тела²⁹.

16.

無根樹，花正濃。任取真鉛正祖宗。
精氣神，一鼎烹，女轉成男老變童。
欲向西方擒白虎，先往東家伏青龍。
類相同，好用功，外藥通時內藥通。

О, древо без корней, его цветы столь обильны!
Признай истинный свинец своим настоящим предком.
Семя-*цзин*, пневма-*ци* и дух-*шэнь* в треножнике вместе сплавляются
Женщина, преображаясь, становится мужчиной,
А старик обращается в юношу.
Коль хочешь на западе Белого тигра поймать,
Сначала иди на восток, чтоб Синего дракона обуздать³⁰
Тождественны они друг другу.
Умение свое используй верно,
И в тот момент, когда внешнее средство пойдет сквозь тебя,
Пронзит тебя и внутреннее средство.

17.

無根樹，花正嬌，天應星兮地應潮。
屠龍劍，縛虎條，運轉天罡斡斗杓。
鍛鍊一爐真日月，掃盡三千六百條。
步雲霄，任逍遙，罪垢凡塵一筆消。

О, древо без корней, сколь нежны его цветы!
Звезды откликаются Небу, морские приливы – земле.
Меч, что закалывает дракона, веревка, что связывает тигра.
Перемешай Большую медведицу, держа ее за рукоять ковша,
Сплавь в печи истинные солнцу и луну,
Смети все три тысячи шестьсот вещей.
Взметаясь ввысь, странствуй свободно и легко.
И тогда все злодеяния и страдания мира
Исчезнут лишь за один удар кисти.

²⁸ «Три заставы» *сань гуань* – три области возгонки *ци* вверх в голову: 命门 *минмэнь* – между 2-м и 3-м поясничными позвонками, 夹击 *цзяцзи* в области 7-го спинного позвонка и «нефритовая подушка» 玉枕 *юйчжэнь* у основания черепа. Область 泥丸 *нивань* – «глиняный шарик», область в центре головы, соответствует верхнему *даньтянь*.

²⁹ Девять отверстий тела (九竅) – глаза, ноздри, уши, рот, уретра, анус.

³⁰ Белый тигр и Синий дракон – символы свинца и ртути.

18.

無根樹，花正高，海浪滔天月弄潮。
銀河路，透九霄，搓影橫空泊斗梢。
摸著織女織機石，踏遍牛郎駕鵲橋。
入仙曹，膽氣豪，盜得瑤池王母桃。

О, древо без корней, его цветы столь высоки!

Морские волны наполняют Небо,

Луна купается в приливе,

Млечный Путь пронзает Небесную высь.

Округлые тени наполняют пространство, касаясь рукояти Ковша

Дотронься до ткацкого камня ткачихи, приблизься к пастуху,

Пройди по мосту, что выстроили сороки,

И в сонм небожителей вступи ³¹.

Отвага дерзкая нужна.

Чтобы персик Матушки-правительницы украсть у Пруда бессмертия ³².

19.

無根樹，花正雙，龍虎登壇戰一場。
鉛投汞，配陰陽，法象玄珠無價償。
此是家園真種子，返老還童壽命長。
上天堂，極樂方，免得輪迴見閻王。

О, древо без корней, цветы двойные у него!

Дракон и тигр восходят на помост, чтобы в схватке сойтись.

Свинец сплавляется с ртутью, и так сочетаются *инь* и *ян*,

Темная жемчужина из мира явлений бесценна.

Все это – истинные семена из домашнего сада.

Обрати старость вспять, вернись к юности, продли свои годы.

Взойди к Небесному престолу, к чертогу высшей радости ³³.

Коль сумеешь избежать колеса перерождений,

Не встретишься более с Правителем подземного царства ³⁴.

20.

無根樹，花正奇，月裡栽培片晌時。
拿雲手，步雲梯，採取先天第一枝。
飲酒載花神氣爽，笑煞仙翁醉似泥。
托心知，謹護持，唯恐爐中火候飛。

О, древо без корней, его цветы столь удивительны!

Так посади ж их на луне хотя б на миг.

³¹ Все аллюзии связаны с легендой о двух влюбленных – ткачихе (Звезда Вега) и пастухе (Альтаир), которые были разлучены Небесной рекой, или Млечным путем. Раз в год на 7-й день 7-го лунного месяца сороки строят мост, и двое влюбленных могут встречаться. Здесь символически описана техника выплавления внутренней пилюли, в частности, ткачиха и пастух – два потока *ци* по переднесрединному и заднесрединному меридианам. Мост через Млечный Путь – прикосновение кончиком языка к верхнему небу для замыкания двух меридианов.

³² (Западная) Матушка правительница Си Ван-му (王母) – божество, которое обитает у Пруда долголетия или нефритового пруда (瑤池), где растет персиковое дерево бессмертия, которое плодоносит раз в три тысячи лет. «Украсть персик [долголетия]» значит достичь бессмертия.

³³ Чертог высшей радости (極樂方) – Сукхавати, одно из названий «Чистой Земли» (буддийского рая) на Западе, где обитает Будда Амиитаба.

³⁴ Правитель подземного царства, или «правитель Яма» (閻王 Яма-раджа, кит. Янь-ван) – буддийское божество, управляющее подземным миром.

Руками облака обхвати, на облачную лестницу шагни.
И первую ветвь Прежде небесного сорви.
Отпей вина, посей цветки духовного веселья.
Старики-бессмертные, безудержно хохоча, пьяны совсем.
Познанию отдайся всем сердцем и следуй трепетно ему.
Опасайся лишь того, чтоб жар печи³⁵ не улетел.

21.

無根樹，花正黃，產在中央戊己鄉。
東家女，西舍郎，配合夫妻入洞房。
黃婆勸飲醍醐酒，每日薰蒸醉一場。
這仙方，返魂漿，起死回生是藥王。

О, древо без корней, цветы его столь желты!
Рождаются они в центральной области меж знаков У и И³⁶.
Девушка из восточной семьи и юноша из западных районов³⁷
сочетаются как муж и жена и входят в покои новобрачных.
Желтая старуха³⁸ пригласит их испить вина чистейшего пробуждения³⁹.
Каждый день хмелеешь ты от чарки подогретого вина.
Это рецепт бессмертных, воскрешающий отвар,
Что из мертвых поднимает и к жизни возвращает.
Таков он – правитель чудесного средства!

22.

無根樹，花正明，月魄天心逼日魂。
金烏髓，玉兔精，二物擒來一處烹。
陽火陰符分子午，沐浴加臨卯酉門。
守黃庭，養谷神，男子懷胎笑煞人。

О, древо без корней! Его цветы столь светлы!
Обратная сторона луны на центре небосвода подавляет солнца сияние⁴⁰.
Спинной мозг золотой птицы, семя яшмового зайца⁴¹ –
Схвати их обоих и зажарь вместе.
Огонь *ян* и знак *инь* разделены часами Цзы и У.
Соверши омовение, приближаясь к часам времени Мао и Ю⁴².

³⁵ Жар печи, или «период нагрева» (火候 *хо хоу*), – отдельно взятая часть практик: период нагрева при обработке киновари.

³⁶ У (戊) – пятый знак десятиричного цикла, соответствующий началу *ян*, пятый из Небесных стволов (янская почва); пятый пункт перечисления; V; 5-й; «Д», И (己) – шестой знак десятиричного цикла, соответствующий началу *инь*. «Меж знаков У и И» – имеется в виду «в самом центре».

³⁷ Девушка из восточной семьи (東家女 *дунцзя нюй*) – обобщенное обозначение девушек с восточных окраин Китая, в том числе и из Японии. Здесь девушка и юноша – символы *инь-ян* и «алхимической свадьбы» свинца и ртути.

³⁸ «Желтая старуха» (黃婆 *хуан по*) – в даосизме обозначение секрета селезенки, который служит посредником между началами *инь-ян*.

³⁹ Вино чистейшего пробуждения (醍醐) – слюна.

⁴⁰ «Обратная сторона луны на центре небосвода подавляет сияние солнца» (月魄天心逼日魂). Здесь игра слов: обратная или затемненная сторона луны также обозначает души-*по*, связанные с началом *инь*. «Сияние солнца» также обозначает души-*хунь*, связанные с началом *ян*.

⁴¹ «Золотой ворон» (金烏 *цзинь у*) – трехпалая птица, живущая на солнце, символ начала *ян* и солнца. «Яшмовый заяц» (玉兔 *юй ту*) – мифологический персонаж, живущий на луне, символ луны и начала *инь*.

⁴² Часы Цзы и У (子午): Цзы – время с 23 до 1 часа ночи, У – с 11 до 13 часов дня. Часы Мао и Ю (卯酉): Мао – время с 5 до 7 часов утра, Ю – время с 5 до 7 часов вечера, обычно означают ранний и поздний периоды дня.

Сберегай Желтый дворец ⁴³.
 Вскормив дух долины ⁴⁴,
 Обретет мужчина зародыша в себе и будет хохотать до изнеможения.

23.
 無根樹，花正紅，摘盡紅花一樹空。
 空即色，色即空，識破真空在色中。
 了了真空色相滅，法相長存不落空。
 號圓通，稱大雄，九祖超生上九重。

О древо без корней, цветы его столь красны!
 Срывай все красные цветки, пока дерево совсем не опустеет.
 Ведь пустота и есть форма,
 А форма и есть пустота ⁴⁵.
 Познай, что истинная пустота в центре формы заключена.
 Постигни, что истинные пустота и форма взаимно уничтожаются,
 А проявления дхарм сохраняются вечно, не падая в пустоту.
 Имя этому – абсолютное взаимопроникание.
 [Того, кто достиг этого], зовут Великим героем ⁴⁶.
 Вот тогда девять патриархов вознесутся вверх, разместившись на девятом небе ⁴⁷.

24.
 無根樹，花正無，無相無形難畫圖。
 無名姓，卻聽呼，擒入中間造化爐。
 運起舟天三昧火，鍛煉真空返太無。
 謁仙都，受天符，才是男兒大丈夫。

О, древо без корней! Воистину отсутствуют его цветы!
 Вне проявлений ⁴⁸ и вне формы – сколь сложно вид его отобразить!
 Без имени и рода, но все же слышим оно.
 Схвати его и в центр печи помести, что к трансформациям ведёт
 И циркулирует огонь самадхи ⁴⁹ в небесном челне.
 Пусть плавится истинная пустота и возвращается величайшее ничто.
 Посети чертоги бессмертных, благой знак Неба обрети,
 И лишь тогда мужчина Великим мужем станет.

Список литературы

Liu Jianan. Taoist Song of Rootless Tree: Annotation and Translation // Cultura Oriental. 2015. Vol. 2, № 2. P. 73–95.

⁴³ Желтый дворец (黃庭 *хуан тин*) – центр головы, сердца или селезенки, может соответствовать трем «полям киновари». Снаружи им соответствуют Небо, Земля и человек.

⁴⁴ «Дух долины» (穀神 *гу шэнь*) – выражение, встречающееся в «Дао дэ цзине», где оно обозначает бессмертную и пустотную сущность Дао («Дух в долине никогда не умирает, и зовется это сокровенной самкой»). В народной традиции – божество урожая или зерна.

⁴⁵ «Пустота и есть форма, а форма и есть пустота» (空即色, 色即空) – буддийское выражение «шуньята и есть рупа, рупа и есть шуньята», или «шуньята и есть самсара», то есть нет различий между пустотным и материальным.

⁴⁶ Великий герой (大雄 *да сюн*) – один из титулов Будды.

⁴⁷ Девять предков (九祖 *цзю цзу*) – обобщающее название для предыдущих поколений патриархов школы, также девять первых патриархов буддийской школы Тяньтай. «Девять небес» (九重 *цзю чжун*), или «девятое небо» – верхние части неба, где обитают высшие бессмертные небожители.

⁴⁸ Вне проявлений (*у сян*) – соответствует буддийскому понятию *анимитта*, абсолютное отсутствие любого внешнего проявления, в то время как все формы представляются лишь иллюзиями.

⁴⁹ Самадхи (三昧 *кит. саньмэй*) – состояние высшего созерцания.

Wile Douglas. Art of the Bedchamber: The Chinese Sexual Yoga Classics Including Women's Solo Meditation Texts. N. Y.: State University of New York Press, 1992. 293 p.

Даошу шиэрчжун [道书十二种. (清)刘一明]. Двенадцать книг по даосизму / Сост. Лю Имин периода Цин. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ. 2006. 520 с. (на кит. яз.)

Ли Ханьсюй. Ли Ханьсюй сянь даоци [李涵虚. 李涵虚仙道集]. Собр. соч. бессмертного Ли Ханьсюя. Гонконг: Синь тан, 2009. 520 с. (на кит. яз.)

Мин ши. Эр ши сы ши [明史]. История династии Мин. Цз. 299. Раздел «Лечжуань», 187 («Биографии»), ч. «Фанци» – «Гадатели и лекари»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. С. 8785 (на кит. яз.)

У Шоуцзю. Синь фасяньдэ чжан саньфэн «Угэн шу» цы эр ши сы шоу шибэй. [吳受琚. 新發現的張三丰《無根樹》詞二十四首石碑]. Недавно обнаруженная каменная стела с 24-мя стихами Чжан Саньфэна «Древо без корней» // Хундао. 2015. Вып. 1 (62). С. 112–129. (на кит. яз.)

Хуан Чжаохань. Даоцзяо яньцзю луньвэнь цзи [黃兆漢. 道教研究論文集]. Собр. работ по исследованию даосизма. Гонконг: Чжунвэнь дасюэ чубаньшэ, 1988. 262 с. (на кит. яз.)

Хуан Чжаохань. Миндай даоши чжан саньфэн као [黃兆漢. 明代道士張三豐考]. Исследования даоса периода Мин Чжан Саньфэна. Тайбэй: Тайвань сюэшэн шуцзю, 2014. 306 с. (на кит. яз.)

Чжан Саньфэн тайцзи лянъдань бицзюэ [張三豐太極修煉秘訣]. Тайные наставления Чжан Саньфэна в выплавлении пилюли Великого предела / Сост. Дун Пэйвэнь, Чэн Кэци, Жуй Гохуа. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2017. 369 с. (на кит. яз.)

Чжан Саньфэн цзуши угэнь шу цы чжу цзе [張三丰祖師無根樹詞註解]. Патриарх Чжан Саньфэн. «Древо без корней» с комментариями // Сер. «Дао цзан цзинь хуа» (Избранное из «Сокровищницы Дао»), т. 8, цз. 3. Тайбэй: Цзюю чубань шэ, 1962. 134 с. (на кит. яз.)

Чжан Саньфэн цюаньцзи [張三豐全集 董沛文主編]. Полн. собр. соч. Чжан Саньфэна / Сост. Дун Пэйвэнь. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2017. С. 489 (на кит. яз.).

Материал поступил в редколлегию 30.01.2018

Alexey A. Maslov

School of Asian Studies
National Research University HSE
20 Miasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

amaslov@hse.ru

THE METAPHOR OF TRANSFORMATION IN TAOIST TEXT “ROOTLESS TREE”

The present papers discuss the authenticity and content of one of the most metaphorical Taoist text «Wu gen shu» («Rootless Tree») – a collection of 24 chants ascribed to immortal Taoist Zhang Sanfeng (14th century). The text was included in several Taoist compendiums and became widely popular not only among Taoist adepts but also among connoisseurs, aristocrats and poets of the late Qing period. This research is based on several versions of «Wu gen shu» including two versions of outstanding Taoist masters Lu Yiming (1813), Li Hanxu (1840's) as well as at the recently discovered (2014) stone carved version. All these versions are represented by the same main body text with slight variations in characters and by different order of paragraphs. All this gives the idea that the main text was set up no earlier than at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries and existed in flexible form, so different chants could change their order according to local traditions.

There are some controversies among Chinese traditional scholars about the understanding of the symbolic title of the «Rootless Tree». Li Hanxu argues that this is a symbol of qi (universal energy) that support the human body as an invisible root, while other commenters understood it as a vulnerability of the body without special practice.

In spite of the fact that «Wu gen shu» was included in several collections of the Longmen («Dragon Gates») School of Taoism, it undoubtedly belongs to the syncretic Taoist-Buddhist tradition of the late Ming-beginning of the Qing dynasties. The texts could be divided into three main parts (chants 1–10, 11–18, 19–24) corresponding to the three levels of transformation (Earthly, Human and Heavenly immortality). This scripture being a manual for alchemic and sexual practice for sake of immortality seek to avoid ascetics in favor of enjoying wine, flowers, and carnal desires. Some other passages are closely connected to the Tiantai School of Buddhism looking to emptiness (shunyata) as the «ultimate form» (rupa) and vice versa. The text was addressed not only to initiated Taoist adepts but mostly to the amateurs of traditional symbolism and sacred poetry, so the symbol of the test should be interpreted as symbolic codes (golden toad and jade crow, crescent furnace). The laughter (chants 13, 20, 22) also plays an important role as a symbol of the gaining of the state of true immortality as well as an idea of the unattached wanderings and freedom of spiritual transformation.

Keywords: China, Rootless Tree, Taoism, sexual alchemy, Zhang Sanfeng, spiritual practice, symbolism.

References

Liu Jianan. Taoist Song of Rootless Tree: Annotation and Translation. *Cultura Oriental*, 2015, vol. 2, no. 2, p. 73–95.

Wile Douglas. Art of the Bedchamber: The Chinese Sexual Yoga Classics Including Women's Solo Meditation Texts. New York, State University of New York Press, 1992, 293 p.

Daoshu shi er zhong [道书十二种. (清)刘一明]. Twelve kinds of books on Taoism. Ed. by Liu Yiming. Beijing, Beijing tushuguan chubanshe, 2006, 520 p. (in Chin.)

Huang Zhaohan. Daojiao lunwen ji [黄兆汉. 道教研究论文集]. Collection of research works on Taoism. Hong Kong, Zhongwen daxue chubanshe, 1988, 262 p. (in Chin.)

Huang Zhaohan. Mingdai daoshi Zhang Sanfeng [黄兆汉. 明代道士张三丰考]. Research on Taoist Zhang Sanfeng of the Ming's dynasty. Taipei, Xuesheng shuju, 2014, 306 p. (in Chin.)

Li Hanxu. Li Hanxu xian daoji [李涵虚. 李涵虚仙道集]. Collection of the works of Taoist immortal Li Hanxue. Hong Kong, Xinyi tang, 2009, 520 p. (in Chin.)

Ming shi [明史]. History of Ming Dynasty / Ed. Zhang Tingyu, juan 299, «Liezhuan», 187 «Biographies» (section «Fangji» – «Divination»). Beijing, Zhonghua shuju, 1974, 8785 p. (in Chin.)

Wu Shouju. Xin faxiande Zhang Sanfeng «Wu gen shu» ci er shisi shou shibei [吴受琚. 新發現的張三丰《無根樹》詞二十四首石碑]. Recently discovered stone stela with 24 chants of Zhang Sanfeng's «Rootless tree». *Hongdao*, 2015, vol. 1 (62), p. 112–129. (in Chin.)

Zhang Sanfeng quanji [张三丰全集]. The complete works of Zhang Sanfeng / Ed. by Dong Peiwen. Beijing, Huaxia chubanshe, 2017, 489 p. (in Chin.)

Zhang Sanfeng taiji liandan bijue [张三丰太極修煉秘訣]. Secret transmission in the practice austerities of the Great Ultimate of Zhang Sanfeng. Ed. by Dun Peiwen, Chen Keqi, Rong Guohua. Beijing, Huaxia chubanshe, 2017, 369 p. (in Chin.)

Zhang Sanfeng zushi wugen shu ci zhujie [张三丰祖師無根樹詞註解]. Patriarch Zhang Sanfeng's «Rootless tree» with comment. Series «Dao zang jin hua» (Selection from «Taoist Canon»), vol. 8, juan 3. Taipei, Ziou chuban she, 1962, 134 p. (in Chin.)

Е. Э. Войтишек, Г. В. Осипов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

orient@lab.nsu.ru

КИТАЙСКАЯ РУКОПИСЬ X ВЕКА «СПОР ЧАЯ И ВИНА» КАК ОДНО ИЗ ОТКРЫТИЙ «ДУНЬХУАНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ»

Китайская рукопись X в. Ван Фу «Спор Чая и Вина» (茶酒論 «Ча цзю лунь»), обнаруженная в начале XX в. в пещерном комплексе Могао близ г. Дуньхуан в пров. Ганьсу, давно привлекает внимание специалистов. Комплекс Могао, также известный как Дуньхуанские пещеры, приобрел всемирную известность не только благодаря настенным росписям и статуям IV–XIV вв., но также из-за уникального собрания древних манускриптов и ксилографов на разных языках, получившего название «Дуньхуанской библиотеки».

Оригинал рукописи «Спор Чая и Вина» попал в число манускриптов, вывезенных из Дуньхуана французским синологом П. Пельо (1878–1945). Это небольшой и остроумный текст, построенный в форме поединка двух сторон о роли, функциях и достоинствах каждого напитка, который изящно завершается еще одним участником – Водой, которая и примиряет спорщиков. Произведение написано в популярном жанре буддийских притч *бяньвэнь*. Текст, изобилующий историко-литературными аллюзиями, создан с использованием рифмы и элементов ритмической прозы, что свидетельствует об эрудиции и художественном вкусе автора.

Перевод памятника, публикуемого впервые в отечественном востоковедении, выполнен авторами статьи по оригинальному списку произведения из Национальной библиотеки Франции («Pelliot fonds chinois 2718») с привлечением реконструированного текста оригинала и сопровождается необходимым историко-филологическим комментарием.

Ключевые слова: «Дуньхуанская библиотека», рукопись X в., «Спор Чая и Вина», буддизм.

Китайская рукопись X в. «Спор Чая и Вина» (茶酒論 «Ча цзю лунь»), обнаруженная в начале XX в. в пещерном комплексе Могао(ку) близ г. Дуньхуан, давно привлекает внимание специалистов, поскольку изучение этого манускрипта вписывается в общий контекст комплексных исследований исторических памятников на маршрутах Великого Шелкового пути¹, а также ряда современных проектов, включая широкомасштабный проект «Один пояс – один путь».

Комплекс Могао(ку) 莫高窟 «Невысокие пещеры» (название впервые встречается в суйском манускрипте конца VI в. н. э.), также известный как Дуньхуанские пещеры 敦煌石窟 *дуньхуан шику* (или Пещеры тысячи будд 千佛洞 *цзянь фо дун*), находящийся в 25 км к юго-востоку от современного г. Дуньхуан, центра одноименного уезда пров. Ганьсу, является одним из самых известных пещерных буддийских монастырей в мире [Меньшиков, 1981. С. 173]. В 1961 г. он был внесен в охранный реестр особо важных памятников культуры КНР, в 1987 г. – в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Комплекс, объединяющий 735 гротов, тянувшихся почти на 1000 м по горному склону, получил всемирную известность

¹ В настоящее время ученые всего мира занимаются исследованием Дуньхуанских памятников в рамках масштабного международного проекта International Dunhuang Project, созданного в 1994 г.

не только благодаря настенным росписям и статуям IV–XIV вв., сохранившимся в 492 пещерах, но также из-за уникальной по величине и ценности библиотеки древних манускриптов и ксилографов, найденной в нем.

Обнаруженные памятники светского и религиозного характера, взаимно дополняя друг друга, предоставляют важный материал, который дает возможность проследить влияние торговых, политических и культурных связей на идеологию раннего средневековья в Центральной Азии [Китайские документы из Дуньхуана, 1983. С. 25].

История изучения Дуньхуанской библиотеки начинается с 1900 г., когда даосский монах Ван Юаньлу² при уборке коридора от наметенного песка в пещере № 16 случайно обнаружил потайное хранилище, наполненное свернутыми в рулоны и сложенными в стопки манускриптами и ксилографами, а также картинами на бумаге и шелке³. Пещера с «Дуньхуанской библиотекой» (Пещера Могао № 17) изначально была предназначена для медитации известного монаха Хунбяня (?–862), который возглавлял буддийскую общину в Шачжоу (ныне Дуньхуан) во времена династии Тан⁴. Эту маленькую пещеру в северной стене коридора пещеры № 16 после смерти Хунбяня родственники и ученики посвятили его памяти: поставили весьма реалистичную статую и установили каменную плиту. В XI в. в этой пещере монахами из пещер Могао были замурованы накопленные за многие века тысячи манускриптов и рисунков, выполненных на шелке и бумаге, а сам вход в пещеру заложен стеной и покрыт росписью. Со времени своего сенсационного обнаружения спустя почти 900 лет она стала известна как «библиотека из пещер Могао» (莫高窟藏经洞 *могаоку цзанцзиндун*) или «Дуньхуанская библиотека» (敦煌藏经洞 *дуньхуан цзанцзиндун*)⁵ и открыла перед исследователями совершенно уникальный мир.

Специалистами выдвигается две основных гипотезы, с какой целью так надежно были спрятаны документы и реликвии. Согласно первой из них, монахи спрятали сокровища перед тем, как надолго покинуть монастырь в силу каких-либо причин. По другой гипотезе, монахи спрятали документы и священные реликвии из-за опасностей, связанных с военными конфликтами, набегами кочевников, с торговыми караванами, передвигающимися по Великому шелковому пути.

Действительно, в определенной мере опасения монахов подтвердились спустя несколько веков. Сразу после обнаружения монахом Ван Юаньлу пещеры с рукописями часть манускриптов и живописных полотен была отобрана им и подарена военному командованию в Сучжоу (ныне Цзюцюань). Он также неоднократно преподносил отдельные рукописи различным официальным ведомствам и чиновникам Дуньхуана. Эти действия ознаменовали начало последующих драматических событий, связанных с рассредоточением и утерей ценнейших сокровищ Дуньхуанского собрания.

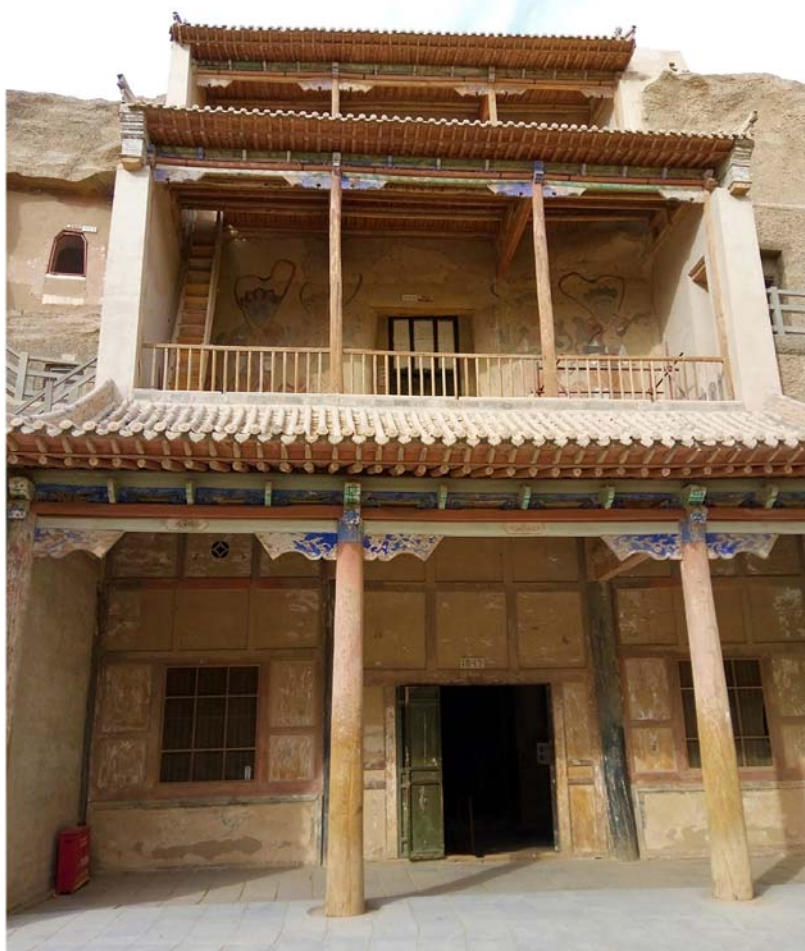
Несмотря на то, что в соответствии с приказом в марте 1904 г. администрации пров. Ганьсу и градоначальника Дуньхуана Ван Цзунхана по немедленной проверке собрания пещеры с библиотекой, монах Ван Юаньлу, который был назначен ее охранять и должен был опечатать,

² Монах Ван Юаньлу (даосское имя Фа Чжэн) жил в Нижнем храме пещер Могао и добровольно охранял пещеры, наводил порядок и учительствовал. При его участии была реконструирована статуя знаменитого Танского монаха Сюань-цзана, совершавшего в VII в. путешествие в Индию за буддийскими текстами (материалы экспозиции Дуньхуанской библиотеки 敦煌藏经洞陈列馆, октябрь 2017 г.).

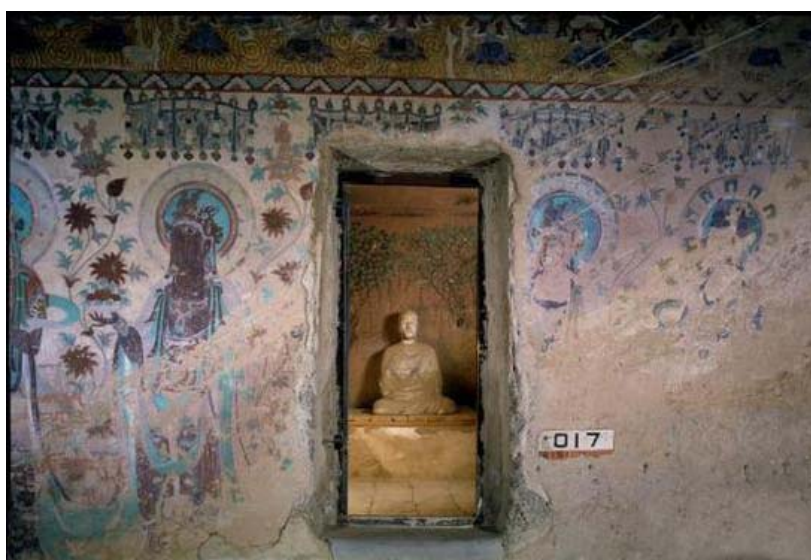
³ Самый древний текст относился к 405 г., самый поздний – к 1002 г. Большая часть текстов написана по-китайски, но есть также памятники на санскрите, тибетском, хотанском, согдийском, уйгурском, кучарском языках. Документы содержат многочисленные сведения по истории, географии, религии, экономике, этнографии, лингвистике, литературе, искусству, науке и технике Китая и «западных государств» Центральной Азии со времени Северных династий (386–581) до эпохи Северной Сун, а также произведения даосской, буддийской и конфуцианской философской мысли [Дмитриев, 2011. С. 108].

⁴ Он был назначен главным буддийским священником в регионе коридора Хэси после успешного восстания Чжан Ичао против власти тибетских правителей в 848 г. [Ахметшин, 2002. С. 75].

⁵ Помимо этого, китайскими учеными широко используются следующие понятия: 敦煌遗书 *дуньхуан ишу*; 敦煌文书 *дуньхуан вэньшу*; 敦煌文献 *дуньхуан вэньсянь* («литературное наследие Дуньхуана»); 敦煌卷子 *дуньхуан цзюаньцзы* («Дуньхуанские свитки»), что связано с осмыслением историко-культурного значения этого собрания.

а

б

Рис. 1. Вход в пещеру № 16–17, где в 1900 г. была обнаружена «Дуньхуанская библиотека» (а); памятник монаху Хунбяню в пещере № 17, где были запечатаны на 900 лет манускрипты, в числе которых была рукопись произведения «Спор Чая и Вина» (б) (фото Е. Э. Войтишек, октябрь 2017 г.)

не смог полностью выполнить это поручение. В 1907 г. он продал за бесценок 20 тыс. рукописей и рисунков на шелке и бумаге британскому археологу А. Стейну (Sir Aurel Marc Stein)⁶, а затем свыше 10 тыс. рукописей и живописных работ – известному французскому синологу Полью Пелью (Paul Pelliot)⁷, который прибыл в пещеры Могао в 1908 г. В дальнейшем последовали российские экспедиции 1914–1915 гг. С. Ф. Ольденбурга (1863–1934)⁸, американские экспедиции 1922–1924 гг. во главе с Л. Уорнером (Langdon Warner, 1881–1955), японские экспедиции 1908–1909 и 1910–1914 гг., организованные О:тани Ко:дзуй (大谷光瑞, 1876–1948), и многие другие⁹.

Что касается китайской рукописи «Спор Чая и Вина», то она волею судеб попала в число манускриптов, вывезенных, вероятно, и А. Стейном, и П. Пелью. В настоящее время она известна в шести списках, четыре из которых хранятся в Фонде П. Пелью в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque nationale de France) в Париже, а два – в Британском музее в Лондоне¹⁰.

Оригинальный текст (свиток 原卷 юань-цзюань под номером «Pelliot fonds chinois 2718», или 伯 2718) из Фонда П. Пелью сопровождается двумя комментариями – одно в виде заглавия, другое в виде заключения:

1) 乡贡进士王敷撰 *сянгун цзиньши ван фу чжуань*
«Сочинил чиновник-цзиньши по имени Ван Фу»¹¹;

2) 開寶三年壬申歲正月十四日知術院弟子閻海真自手書記
кайбао саньнянь жэньшэньсуй чжэньюэ шицзыжи чжишуюань дицзы яньхайчжэнь цзышоу шуцзи

«Собственноручно записано служащим Янь Хайчжэнем ведомства «Чжи-шу юань» 14-го числа 1-го месяца в год жэнь-шэнь, в 3-й год эры Кай-бао»¹².

⁶ Сэр Марк Аурел Стейн (1862–1943), британский археолог венгерского происхождения, предпринял четыре экспедиции в Центральную Азию. В 1907 г. он приехал в пещеры Могао, когда узнал про библиотеку. Он убедил монаха Вана продать ему по предельно низкой цене 24 ящика с рукописями и пять ящиков с рисунками на шелке и бумаге. Он смог это сделать при помощи лояльного помощника Цзян Сяованя, играя на его благоговении перед прославленным монахом Сюань-цзаном, который в VII в. предпринял путешествие в Индию за буддийскими сутрами. Во время своей третьей экспедиции в Китай в 1914 г. М. А. Стейн вернулся в Дуньхуан и купил еще 500 рукописей у монаха. В настоящее время документы хранятся в Британском музее, в Британской библиотеке, в Библиотеке индийской канцелярии (Indian Office Library) в Лондоне и Национальном музее в Нью-Дели в Индии (материалы экспозиции Дуньхуанской библиотеки 敦煌藏经洞陈列馆, октябрь 2017 г.).

⁷ Возглавлявший французскую экспедицию в Центральной Азии Поль Пелью (1878–1945) не только изучил собрание документов, но и пронумеровал пещеры в комплексе Могао, затранскрибировал надписи и сфотографировал настенные росписи. Сейчас его документы и отчеты находятся в Национальной библиотеке Франции и в Музее Гимэ в Париже (материалы экспозиции Дуньхуанской библиотеки 敦煌藏经洞陈列馆, октябрь 2017 г.).

⁸ Дело академика С. Ф. Ольденбурга в отношении изучения материалов Дуньхуанской библиотеки продолжают сотрудники Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, директор которого проф. И. Ф. Попова курирует работу российских ученых в области дуньхуановедения. См. [Попова, 2008].

⁹ В настоящее время рукописи, документы и реликвии Дуньхуана находятся в музеях, библиотеках и исследовательских центрах 14 стран и регионов (в Великобритании, Франции, Германии, России, Дании, Швеции, Финляндии, Турции, Японии, Индии, Республике Корея, США, на Тайване). В КНР сокровища Дуньхуана рассредоточены по 35 музеям, библиотекам и храмам Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Чуньцзиня, Нанкина, Дуньхуана, Гонконга; их можно найти в музеях и библиотеках провинций Ляонин, Шаньдун, Сычуань, Аньхой, Чжэцзян, Гуаньдун, Ганьсу (материалы экспозиции в Могао, октябрь 2017).

¹⁰ Эти списки нумеруются следующим образом. Свиток с оригинальным текстом 原卷 юань-цзюань (伯 2718, или коллекция Бо, т. е. Поля Пелью 保罗·伯希和) и экземпляры под номерами в порядке следования циклических знаков «десяти небесных стволлов»: свиток 1 (甲卷 цзя-цзюань/ 伯 2875), свиток 2 (乙卷 и-цзюань/ 伯 2972), свиток 3 (丙卷 бин-цзюань/ 伯 3910), свиток 4 (丁卷 дин-цзюань/ 斯 406, или коллекция Сы, т. е. Аурела Стейна 奥莱尔·斯坦因), свиток 5 (戊卷 у-цзюань/ 斯 5774).

¹¹ 乡贡进士 *сянгун цзиньши* (букв. «вклад провинции») – это высокое звание ученого-книжника из местных уездов и округов. Его могли заслужить люди в ходе успешного прохождения экзаменационных испытаний. Такие успешные ученые из провинции рекомендовались на службу при дворе в эпоху Тан (VII–X вв.).

О жизни и деятельности автора произведения Ван Фу 王敷 известно крайне мало. Вероятно, он был чиновником в уездном управлении местности Ючжоу, рекомендованным на службу при дворе¹³. По мнению проф. Юй Сяохун, такие ученые-книжники, чиновники, мелкие служащие при официальных ведомствах, а также монахи при храмах, многократно переписывая и распространяя тексты (зачастую буддийского содержания), в реальности сформировали особый прозапоэтический жанр 变文 *бяньвэнь*, популярный среди простого народа. Поучительные рассказы в жанре *бяньвэнь* не только служили хорошим средством воспитания и развлечения, но и отражали повседневную, массовую культуру эпохи Тан и периода Пяти династий (907–960)¹⁴.

«Спор Чая и Вина» – небольшой и весьма остроумный текст в 1035 иероглифов¹⁵, построенный в форме спора двух сторон о роли, функциях и достоинствах каждого напитка. В тексте приводится краткое изложение этого спора, изящно завершаемого еще одним участником – Водой, которая и примиряет спорщиков.

В произведении можно выделить три условные части: вступление, сам диалог между персонифицированными героями – Чаем и Вином, а также послесловие в виде заключительной речи Воды. Безусловно, самая яркая часть этого произведения – средняя, спор между Чаем и Вином¹⁶, где обе стороны прославляют свою роль в истории, вспоминают свои достижения, в то же время принижая в словесном поединке значение оппонента, подчас в колких и едких выражениях. Чай и Вино полемизируют между собой в основном в пяти аспектах – о месте, которое они занимают вообще в истории, о том, насколько велики их роль и влияние в культуре, каковы их общественные функции, назначение и экономическая ценность.

В этом споре ярко и убедительно проявляются особенности каждой из спорящих сторон. Хотя в пяти раундах словесного поединка было достигнуто относительное равновесие, все же можно предположить, что перед появлением Воды по логике побеждает Чай. Это представляется далеко не случайным, поскольку в произведениях Танского времени, когда буддизм переживал пору расцвета, встречалось много упоминаний, связанных с восхвалением

¹² Год 開寶三年 (букв. 3-й год эры Кай-бао) соответствует 970 г. Кай-бао (968–976) – девиз императора Тай-цзу (личное имя Чжао Куан-инь) династии Северная Сун (960–1127). Год 壬申 *жэнь-шэнь* по циклическому календарю является 5-м годом эры Кай-бао, следовательно, приходится на 972 г. В любом случае здесь налицо разночтения – текст написан либо в 970 г., либо в 972 г. Вызывает сложность трактовка понятия 知術院 *чжи-шу юань* (букв. «учреждение, ведающее науками и искусством»). По мнению проф. Юй Сяо-хун, это были государственные управы, созданные для контроля за людьми искусства, артистами, художниками. Вероятно, это были ведомства, чиновничий аппарат которых регулировал деятельность лиц, чей род занятий предполагал относительную свободу творчества. См. [Юй Сяохун. О жанре *бяньвэнь* как записи простонародных рассказов / 俞晓红. 论变文是俗讲的书录本 // 温州师范学院学报]. Вэньчжоу шифань сюэюань сюэбао. Вестник Педагогического университета Вэньчжоу. 2006, Vol. 27, № 4. С. 56–60. Электрон. база данных научных статей и диссертаций, публикуемых в Китае cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2006&filename=WZSF200604011&v=MTEhMjZUzdEaDFUM3FUclNNUZyQ1VSTETmWnVSckZ5M2hVYnZJTWpmWWFMRzRldGZNcTQ5RVpZUjhlWDFmXGg=> (дата обращения 23.01.2018)].

¹³ Приступил ли Ван Фу к этой службе, неизвестно.

¹⁴ В отношении жанрового определения данного произведения существует несколько точек зрения, согласно которым его относили и к юмористическим сочинениям 游戏文章 *юси вэньчжан* в стиле од поэта периода Сражающихся царств Сунь Юя (по мнению Чжэн Чжэньдо), и к «язвительным рассуждениям» 诙谐论议 *фэйсе луньи* (по мнению Чжан Сихоу), и к т. н. диалогам дуньхуанских *бяньвэнь* 敦煌变文中的对话体 *дуньхуан бяньвэнь чжун дэ дуйхуати* (по мнению Ван Чжунмина). Однако большинство исследователей полагает, что текст написан в жанре 变文 *бяньвэнь* – смешанном поэтико-прозаическом жанре буддийского характера, но при этом светского содержания (Цит. по: [Чжун Шулинь. Обоснование литературного стиля дуньхуанской рукописи «Спор чая и вина» / 钟书林. 敦煌写本《茶酒论》文体考论. Электронная база данных научных статей и диссертаций, публикуемых в Китае cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2011&filename=LSGL201107013&v=MTMzNDNMdXhZUzdEaDFUM3FUclNNUZyQ1VSTETmWnVSckZ5SGhVN3JMS1Q3TVlyRzRIOURNcUk5RVo0UjhlWDE=> (дата обращения: 24.01.2018)]). Об опыте исследования и издания произведения в жанре *бяньвэнь* см. [Бяньвэнь о воздаянии за милости, 1972].

¹⁵ Сам художественный текст содержит 988 знаков.

¹⁶ В тексте нет пояснений, о каких именно видах чая и вина идет речь. В произведении даны обобщенные образы двух главных героев.

чайного напитка, употребляемого монахами во время медитации, и наоборот, порицанием винопития. Древние ритуалы, связанные с культом предков и обрядами жертвоприношений, диктовали выбор вина как священного напитка, но с распространением буддизма чай как важный элемент буддийских практик быстро завоевал признание в разных слоях общества, став конкурентом вину. Это противоречие и нашло свое отражение в проблематике произведения «Спор Чая и Вина», которое проникнуто довольно сильным буддийским мироощущением. При этом вряд ли стоит говорить о диаметральной противоположности спорщиков – в заложенном конфликте угадываются даосские учения о биполярном устройстве мира. С помощью Воды, еще одного участника спора, которая сглаживает скрытые и явные противоречия, достигается синтез двух антитез и рождение долгожданной гармонии.

Текст, изобилующий литературными аллюзиями и отсылками к историческим прецедентам, что свидетельствует о несомненной эрудиции автора, написан с использованием рифмы и элементов изящного парного стиля ритмической прозы 骈文 *пяньвэнь*, где парами выступают фразы в четыре и шесть иероглифов.

При переводе произведения на русский язык были использованы два варианта текста на китайском языке: оцифрованный оригинальный список 原卷 *юань-цзюань* из Фонда П. Пельо, изобилующий ошибками, неточным словоупотреблением, разного рода пометками, а также реконструированный китайскими исследователями текст с исправлением смысловых ошибок и описок¹⁷.

Это обстоятельство выявило некоторые проблемы при переводе. Прежде всего, понимание оригинального текста X в., написанного на классическом письменном языке 文言 *вэньянь*, весьма осложняет процесс членения текста, его структуры и основных стилистических особенностей. По-видимому, при реконструкции содержания произведения работа китайских исследователей включала этап, связанный с выявлением смысловых и грамматических границ предложений, а также обозначения их подходящими знаками препинания.

Предположительно расхождения между оригинальным и реконструированным текстом касались трех аспектов: замена одного иероглифа на другой на основе одинакового звучания (к примеру, 教 *цзяо* и 交 *цзяо*); замена одного иероглифа на другой на основе несовпадения знаков по ключу, что могло быть обусловлено как сознательным выбором, так и ошибкой автора или переписчика данного текста (так, в оригинальном списке иероглиф 杭 заменен на 坑); добавление или отсутствие некоторых иероглифов на основе смыслового содержания. Таким образом, перевод памятника выполнен авторами статьи по оригинальному списку произведения из Национальной библиотеки Франции («Pelliot fonds chinois 2718») с привлечением реконструированного текста оригинала и сопровождается необходимым историко-филологическим комментарием¹⁸.

Полный перевод памятника на русский язык в отечественном востоковедении публикуется впервые.

¹⁷ Пример текста, реконструированный китайскими исследователями, см.: [傅金泉. 喜读茶酒论]. Фу Цзинь-цзюань. Изучение произведения «Спор Чая и Вина». URL: http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A%283448e1d637c93360ad9468bb1050e3ed%29&filter=sc_long_sign&tn=SE_xueshusource_2kduw22v&sc_vurl=http%3A%2F%2Fwww.doc88.com%2Fp-7058942585572.html&ie=utf-8&sc_us=7934733903046898430 (дата обращения: 24.01.2018).

¹⁸ При работе были учтены также французский вариант перевода памятника, материалы Музея Гимэ (Musée national des Arts asiatiques-Guimet) в Париже, а также художественный перевод Е. Э. Войтишек, опубликованные ранее (см. [Wang Fu, 2013; Войтишек, 2015]).

Спор Чая и Вина (茶酒論 «Ча цзю лунь»)

序 Вступление

窃见神农¹⁹ 曾尝百草，五谷²⁰ 从此得分。

По моему скромному мнению, с того времени, как Шэнь-Нун попробовал сто трав, уже были известны пять злаков.

轩辕²¹ 制其衣服²²，流传教示后人。

Сюань Юань изготовил одежду, передал [эти знания] в наставление последующим поколениям.

仓颉²³ 致其文字，孔丘阐化儒伦。

Цан Цзе изобрел письменность, Конфуций преподавал свое учение.

不可从头细说，撮其枢要之陈。

Поскольку невозможно с самого начала все детально рассказать, обобщу и изложу основное. Вопрос чая и вина, два у кого заслуги?

Сегодня [я] спросил Чай и Вино, у кого из них двоих больше заслуг?

阿谁即合卑小，阿谁即合称尊？

Кто из них занимает скромное, а кто – почетное место?

今日各须立理，强者先光饰一门²⁴。

Сегодня каждый должен привести свои доводы, и сильнейший из них [победой] украсит ворота своего дома.

¹⁹ В китайской мифологии с именем Божественного земледельца и мудрого правителя Шэнь-нуна 神農 связывается начало земледелия. Ему приписывается создание памятника «Трактат Шэнь-нуна о корнях и травах», одного из четырех классических трактатов по китайской медицине.

²⁰ Термин 五谷 угу переводится как «пять злаков». Зерновые культуры, которые издавна составляли основу рациона китайского народа, в древнейших письменных памятниках обозначались как «пять/шесть/девять злаков». В отношении понятия «пять злаков» также были разные толкования: «просо, чумиза, гаолян, пшеница и рис» («Чжоуские ритуалы»); «рис, просо, чумиза, пшеница и бобовые» («Мэн-цзы»); «просо, гаолян, конопля, пшеница и бобовые» («Хань-шу»). По-видимому, разночтения связаны с тем, что до раннего средневековья рис не составлял основу рациона питания, поскольку его выращивали в районах, находящихся к югу от территории бассейна реки Хуанхэ, колыбели китайской цивилизации (Цит. по: [Сун Чжэньхао, 2002. С. 2]).

²¹ Имеется в виду Желтый император Хуан-ди 黄帝, культурный герой китайской мифологии. По системе представлений, сложившихся к VI в. до н. э., Хуан-ди — верховное небесное божество, один из пяти богов-правителей сторон света – божество центра. Его почитали как божество Земли, а также как одного из покровителей медицины (наряду с Фу-си и Шэнь-нуном). Считается, что родовая фамилия Хуан-ди была Гуньсунь, его имя Сюань-юань (от 軒 сюань – «перила вокруг колесничной платформы» и 轅 юань – «дышло»). Возможно, что в этом имени зафиксирован один из подвигов Хуан-ди – изобретение колесницы.

²² Легендарной императрице и супруге Желтого императора Лэй Цзу 嫫祖 приписывается честь открытия свойств шелковичных червей, изобретение шелковой ткани и организация шелководства. Лэй Цзу издавна почитается как 蚕神 цаньшиэнь (женское божество, ведающее шелковичными червями) [Рифтин, 1988. С. 605–606].

²³ Культурный герой китайской мифологии Цан-цзе 仓颉, сподвижник Хуан-ди (по другим версиям – Фу-си, Шэнь-нуна) имел четыре глаза – символ особой прозорливости. По легенде, проникнув в глубинный смысл следов птиц и зверей, он изобрел иероглифическую письменность. В поздних легендах Цан-цзе упоминается в качестве члена Небесной медицинской управы (Тянь и юань), завершившего дело Шэнь-нуна по определению лекарственных свойств растений.

²⁴ Вероятно, здесь подразумевается традиционный обычай украшения входа в здание парными благопожелательными надписями, которые выполнялись на бумаге или ткани, вырезались на бамбуке, древесине или на колоннах у входа в здание. Кроме самых распространенных благопожелательных надписей, вывешиваемых на китайский Новый год, были и другие: с пожеланием долголетия, свадебные, поэтические, декоративные, траурные, а также парные надписи, посвященные различным приемам и официальным встречам, парные надписи на исторических достопримечательностях и др. В содержании парных надписей нашли отражение такие темы, как мир чувств или заветных желаний, различные афоризмы, исторические события, описание пейзажей, критика и сатира, соревнование в остроумии и хитрости и др. [Гу Сяньян, 1998. С. 127]. Можно предположить, что после победы на различных соревнованиях также могли вывешиваться подобные надписи.

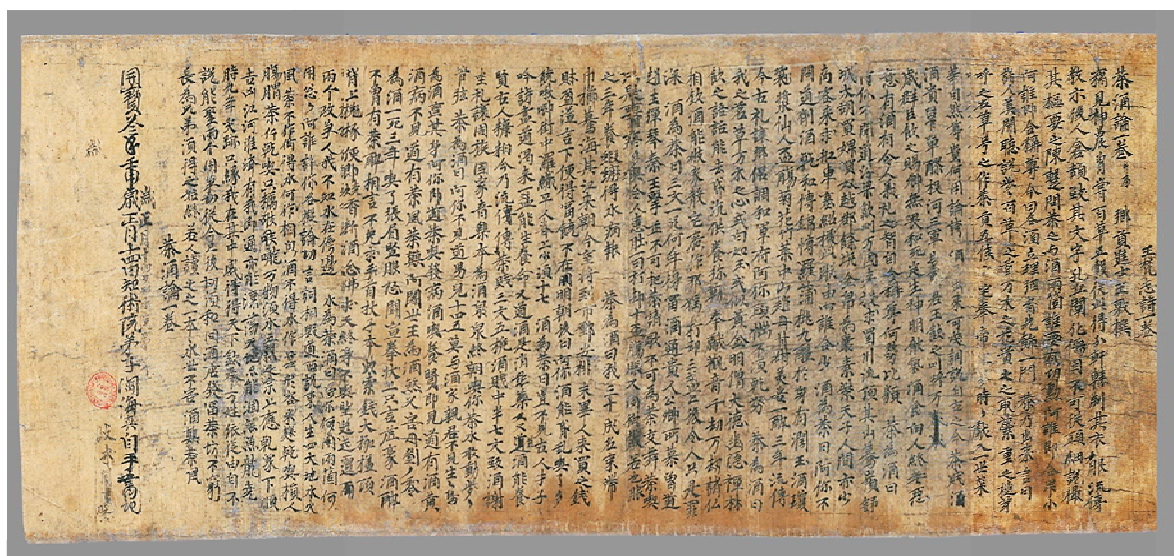

Рис. 2. Рукопись оригинального списка произведения «Спор Ча и Вина» (茶酒論 «Ча цзю лунь») из Национальной библиотеки Франции («Pelliot fonds chinois 2718»)

Раунд 1

茶乃出来言曰： 诸人莫闹，听说些些。

Появляется Чай и говорит: люди, не шумите, послушайте немного.

百草之首，万木之花，贵之取蕊，重之摘芽，呼之茗草，号之作茶。

[Я] – главный среди ста трав, [первый] цветок среди десяти тысяч деревьев, самый дорогой из собранных пестиков и почек, [меня] называют знаменитым растением, или же Чаем.

贡五侯²⁵宅，奉帝王家²⁶，时新献入，一世荣华。

[Меня] преподносят в дома знати и ко двору императора. Когда [меня] доставляют в свежем виде, [я] приношу славу и процветание на всю жизнь.

自然尊贵，何用论夸？

Мое благородство очевидно, нет надобности его обсуждать и восхвалять.

酒乃出来曰： 可笑词说！自古至今，茶贱酒贵。

Появляется Вино и говорит: Вот смешные слова! С древних пор до нынешних дней чай стоил дешево, а вино – дорого.

²⁵ Термин 五侯 五侯 уху – дословно переводится как «пять князей», в широком смысле означает аристократию. В китайской литературе используется синонимичное понятие 五等爵 удэн цзюэ («пять рангов знати»), которое подразумевало систему титулов знати из пяти рангов: 公 гун, 侯 ху, 伯 бо, 子 цзы, 男 нань. В этой системе только титулы 侯 ху и 男 нань являлись аристократическими титулами, тогда как ранги 公 гун, 伯 бо, 子 цзы подразумевали старшинство или главенство, в широком смысле обозначая знатное происхождение [Лю Юань. Удэн цзюэчжи юй инь чжоу гуйцзу чжэнчжи тиси [刘源. “五等爵制”与殷周贵族政治体系]. Система пяти рангов и аристократическая политическая система царств Инь и Чжоу. Сайт Института истории АОН КНР. URL: http://lishisuo.ccssn.cn/ddyj/ddyj_xqsyjs/201506/t20150630_2055727.shtml (дата обращения: 18.01.2018)].

²⁶ Из-за складок и потертостей в тексте оригинального списка трудно разобрать иероглифы 王 ван и 家 цзя, которые целиком восстанавливаются по другим спискам.

单醪投河，三军告醉。君王饮之，呼叫万岁，群臣饮之，赐卿无畏。

Если вылить лишь одну [чарку] вина в реку, [можно] напоить допьяна три армии. Государя пьют вино под пожелания долгих лет жизни, сановники пьют вино, и [их речи] становятся [более] смелыми.

和死定生，神明歆气。

[Когда] решается [судьба человека между] жизнью или смертью, богов привлекает аромат [вина].

酒食向人，终无恶意，有酒有令²⁷，礼智仁义²⁸。

Еда для людей, вино никогда не имело дурных намерений по отношению к людям. Если было вино, то был и «застольный приказ». [Вино проявляет четыре достоинства:] ритуал, мудрость, гуманность, справедливость.

自合称尊，何劳比类！

Мое положение настолько высоко, что бесполезно продолжать сравнение.

Раунд 2

茶谓酒曰：阿你不闻道。

Чай обращается к Вину:

Все же ты не внимаешь голосу рассудка.

浮梁歙州²⁹，万国来求，蜀山蒙顶³⁰，骑山蓦岭³¹。

[Торговцы чаем] из десяти тысяч стран стремятся в Фулян, что [находится] в Сичжоу, пересекают верхом горные хребты Мэндин, что [высятся] в Шу.

²⁷ В сентенции 有酒有令 ю цзю ю лин имеется в виду комплекс застольных развлечений 酒令 цзюлин (букв. «винный / застольный приказ»), сформировавшихся в китайской культуре еще в древности. Приказы и правила цзюлин как особый вид застольных игр 酒戏 цзюси регламентировали процесс винопития на банкетах и встречах. Игры и ритуалы «винного приказа» в Китае подразумевали культурный досуг как демократического характера (с использованием костей, кубиков, биров, фишек, стрел для метания в кувшин и др.), так и сугубо элитарного, требующего глубокого знания классического философского и литературного наследия. Во многих таких заданиях-«приказах» упоминались знаменитые стихотворные шедевры, цитаты из древних канонических и историко-философских памятников, наименования песенных мотивов, сюжеты знаменитых драм, изречения из официального календаря и проч.

²⁸ Выражение 礼智仁义 ли чжи жэнь и означает четыре из пяти конфуцианских добродетелей. Пять добродетелей (五伦 у лунь) – это основные нормы человеческих отношений (между государем и министром, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой, между друзьями): 禮 (礼) ли – «церемония», «этикет»; 智 чжи – «мудрость», «ум», «знание»; 仁 жэнь – «человеколюбие», «гуманность»; 義 (义) и – «долг», «справедливость»; 信 синь – «искренность», «вера», «доверие». В оригинальном тексте данная фраза записана как 人義礼之智 жэнь и ли чжи чжи, вероятно, иероглиф 之 чжи добавлен ошибочно.

²⁹ Географическое понятие 浮梁歙州 – это уезд Фулян, округ Сичжоу (пров. Цзянсу). Традиционный район выращивания чая в КНР. Исторически уезд Фулян имеет репутацию «источника фарфора» и «родины чая». В период династий Тан (618–907) и Сун (960–1279) Фулян был важнейшим районом выращивания чая, торговля [чаем] составляла одну четвертую часть от всего объема чайного листа, продаваемого в Китае [Фулян чае [浮梁茶叶]]. Чай из уезда Фулян / Сайт администрации г. Цзиндэчжэнь (КНР). URL: <http://www.jdz.gov.cn/zjcd/049015/20160629/d5ef8516-8462-4e07-bdcf-f36c605790f1.html> (дата обращения 18.01.2018)].

³⁰ Чай мэндин (или мэньшань) – один из популярных видов чая времен династии Тан и Сун, хорошо известен в истории чайной культуры, его характеризуют таким образом: «Лучшие виды чая – это чай из провинции Сычуань, а лучший вид чая в провинции Сычуань – Мэншань», «небесный напиток династии Тан» [Чжан Ливэнь, 2013. С. 71].

³¹ Устойчивое фразеологическое сочетание (чэньюй) 骑山蓦岭 ци шань мо лин дословно означает «ехать верхом по горам, переваливать через горные хребты». Существуют также варианты: 登山蓦岭 дэн шань мо лин («подниматься в горы, на лошади пересекать горные хребты»), 登山越岭 дэн шань юэ лин («подниматься в горы, пересекать горные хребты»). Все варианты значения этого выражения подразумевают долгое и трудное путешествие, тяжелый путь, полный горестей и невзгод.

舒城太湖³², 买婢买奴。

[Торговцы чаем] в городе Шучэн у озера Тайху покупают слуг.

越郡余杭³³, 金帛为囊。

[В местечке] Юйхан, что [находится] в Юэцзюнь, золото и шелк [меряют] мешками.

素紫天子³⁴, 人间亦少, 商客来求, 舡车塞绍。

[Чай] с фиолетовыми почками так же благороден, как и Сын Неба, [среди людей он] очень редко встречается. Торговцы и гости все прибывают [чтобы его вкусить], лодки и повозки преграждают [дороги и каналы].

据此踪由, 阿谁合小?

Если исходить из этих причин, то кто же менее значим?

酒谓茶曰: 阿你不闻道:

Вино обращается к Чаю:

Ты не внимаешь голосу рассудка:

剂酒³⁵ 乾和³⁶, 博锦博罗。

Лекарственное вино Цяньхэ обменивают на парчу и шелк.

蒲桃九酝³⁷, 于身有润。

Ароматное [плодовое] вино Цзююнь полезно для здоровья.

玉液琼浆³⁸, 仙人杯觞³⁹。

[Вино – это] нефритовая влага и божественный нектар, [который] пьют небожители кубок за кубком.

³² Уезд Шучэн (ныне пров. Аньхой) также является традиционным районом выращивания чая в КНР. Производство и торговля чаем играют важную роль в развитии экономики этого региона. Основной вид чая, выращиваемый здесь, – это сорт «Шучэнская малая орхидея» (*шучэн сяо ланьхуа*) [Ли Мэн, 2015. С. 71].

³³ Район Юйхан расположен в северной части современного города Ханчжоу. Район издавна имеет славу «благодатного края, богатого рыбой и рисом», его также называют «дворцом шелка» и «землей фруктов и цветов». Ханчжоу играет роль традиционного центра шелководства в Китае. В оригинальном тексте иероглиф 杭 *хан* (сокращенное название современного города Ханчжоу) ошибочно заменен на знак 坑 *кэн*.

³⁴ Возможно, имеется в виду чай сорта 紫芽 *цзыя* (букв. «фиолетовые почки»), редкий и дорогой вид чая *пуэр* естественной или искусственной ферментации, изготовленный из чайных листьев различных оттенков фиолетового цвета, собранных с верхних веток чайного куста. Чай из фиолетовых почек в данном случае сравнивается с достоинствами императора, который редко можно обнаружить у простолюдина.

³⁵ Термины 剂酒 *цзицзю* (酒剂 *цзюцзи*) переводятся как «настойка», что в широком смысле может означать лекарственные вина или травяные микстуры, которые широко применяются в традиционной народной медицине.

³⁶ Здесь название 乾和 *цяньхэ* – вид вина, для изготовления которого не добавлялась вода, поскольку вся влага добывалась из плодов. Лекарственные вина *цзицзю* и *цяньхэ* были настолько изысканны, что их можно обменивать на лучшие шелка и самую благородную парчу. Эти напитки высоко ценились, поскольку отличались сложным технологическим процессом изготовления и дорогостоящим сырьем, необходимым для приготовления этих лекарственных вин.

³⁷ Название 九酝 *цзююнь* (букв. «девять раз перебродившее») используется для обозначения сорта вина, в процессе изготовления которого проводится несколько циклов ферментации, вследствие чего вино приобретает особые полезные свойства и вкусовые качества. Имеется в виду душистое вино из плодов 蒲桃 *путао* – «розового яблока» (*Syzygium jambos*. (L.) Alston – помароза, джамбоза).

³⁸ В оригинальном тексте данная фраза записана как 玉液琼浆 *юйцзю цюньцзян* «вино бессмертия, божественный напиток». Кроме того, между третьим и четвертым иероглифами присутствует знак, который невозможно распознать (вероятно, это ошибка).

³⁹ Кубки 杯觞 *бэйшан* (или «крылатые чарки» 羽觞 *юйшан*) – вид особой пиршественной утвари, характеризующейся наличием двух овальных ручек (ушек), прикрепленных к тулову, за которые сосуд держали двумя руками во время ритуального винопития. Китайская «культура вина» (酒文化 *цзю вэньхуа*) подразумевала производство различных алкогольных напитков к разным видам застолья и формирование системы обрядов и ритуалов, призванных обеспечить благополучие всего государства и отдельной семьи.

菊花竹叶，君王交接。

[Вино] с цветами хризантемы и бамбуковыми листьями доступно [только] императору.

中山赵母⁴⁰，甘甜美苦。

[В вине, изготовленном] Чжао Му из Чжуншань, [прекрасно сочетаются] и горечь, и сладость.

一醉三年，流传千古⁴¹。

Один раз выпил – пьян три года. [Эта история] передается с незапамятных времен.

礼让乡闾，调和军府⁴²。

Ритуалы [с вином действуют] в деревнях, примиряют армию с правительством.

阿你头脑，不须干努。

Ты [я вижу] обеспокоен, но не стоит попусту стараться [искать лишние доводы].

Раунд 3

茶谓酒曰：我之茗草，万木之心，或白如玉，或黄似金⁴³。

Чай обращается к Вину:

Я – знаменитое растение, главное из десяти тысяч деревьев, [могу быть] и белым, как нефрит, и желтым, как золото.

名僧大德，幽隐禅林⁴⁴。饮之语话，能去昏沉。

Буддийские наставники, [обладающие] высшей добродетелью, жили в уединении в храмах. Чай в их беседах помогал не потерять ясность рассудка.

供养弥勒，奉献观音。千劫万劫，诸佛⁴⁵相钦。

[Чай] подносят в дар Будде Майтрея и бодхисаттве Гуаньинь.

После тысяч перерождений все божества [по-прежнему] восхищаются мною.

酒能破家败宅，广作邪淫，打却三盏之后，令人只是罪深。

Вино может разрушить семьи, разорить дом, оно сеет вокруг разврат и блуд. После трех выпитых чарок [вино] толкает человека на серьезные преступления.

⁴⁰ Речь идет о матери полководца 赵括 Чжао Ко из царства Чжао, который, согласно сведениям из «Исторических записок» Сыма Цяня, в 260 г. до н. э. повел 450-тысячное войско на верную гибель при битве против войск царства Цинь под Чанпином. Сохранилась история под названием 《赵母训子》 о том, что Чжао Ко поначалу пристрастился к охоте и не хотел учиться, но мать настояла на его занятиях, где он преуспел, сдал экзамены и стал видным человеком (очевидна аналогия с историей о матери философа Мэн-цзы).

⁴¹ Здесь подразумевается история про известного поэта Лю Лина 刘伶 (221–300), представителя поэтического содружества «Семь мудрецов из бамбуковой рощи», который отличался особым пристрастием к вину. Говорят, он всегда и везде имел при себе кувшин с вином и завещал похоронить себя вместе с ним. По легенде, Лю Лин заключил пари с Ду Каном, изобретателем и божеством вина. Суть спора была в том, что, если он выпьет приготовленное Ду Каном вино и не захмелеет на три года, то вино обойдется ему бесплатно. Однако Лю Лин, выпив три чарки, заснул на три года. История гласит, что Ду Кан по прошествии трех лет навещал семью Лю Лина и избавил его от воздействия вина.

⁴² Здесь речь идет о том, что вино помогает разрешить ситуации и конфликты, которые возникают на разных уровнях общества. С помощью совершения определенных ритуалов и обычаев, связанных с винопитием за общим застольем, жители деревень и городов, правительственные и военные чиновники улаживали споры и достигали согласия между собой.

⁴³ В этой сентенции говорится о том, что при заваривании разные сорта чая дают различные цвета, начиная от светло-желтого до темно-коричневого.

⁴⁴ Понятие 禅林 чаньлин (букв. «чаньская роща») подразумевает буддийские храмы и монастыри, уединенно находящиеся в лесных чащах.

⁴⁵ В оригинальном тексте иероглиф 佛 фо («Будда», «буддизм») заменен на знак 仏 фо с тем же значением.

酒谓茶曰：三文一壶，何年得富⁴⁶？

Вино обращается к Чаю:

Три монетки за чайник! Сколько же лет нужно, чтобы разбогатеть?

酒通贵人⁴⁷，公卿所慕⁴⁸。

Вино [тесно] связано с жизнью аристократов, сановники преклоняются [перед ним].

曾遣赵主弹琴，秦王⁴⁹ 击缶⁵⁰。

Мне случалось приводить в действие цитру *цин* правителя Чжао и заставлять играть на сосудах *фоу* правителя Цинь.

不可把茶请歌，不可为茶教⁵¹ 舞。

Невозможно, выпив чаю, начать петь, невозможно после чая начать танцевать!

茶吃只是腰疼，多吃令人患肚，一日打却十杯，腹胀又同衙鼓。

От чая только боли в пояснице. Много выпьешь – заболит живот. Если пить по десять чашек чая в день, то живот будет гудеть так, как гонг центральной управы!

若也服之三年，养虾蟆得水病⁵² 苦。

Если пить чай в течение трех лет, то в животе можно будет разводить лягушек и креветок, и заработаешь «болезнь воды».

Раунд 4

茶谓酒曰：我三十成名，束带巾栉，蓦海骑⁵³ 江，来朝今室。

Чай обращается к Вину:

Я стал знаменит в 30 [лет], надел парадную одежду и [заколол] гребень, пересек верхом на лошади моря и реки, и сейчас прибыл ко двору.

⁴⁶ Вино упрекает Чай за сильную дешевизну, говоря, что невозможно быстро разбогатеть на торговле дешевым чаем. Иероглифом 文 *вэнь* обозначали мелкую медную монету с отверстием посередине. В эпоху Тан тысяча монет 文 *вэнь* (связка монет 贯 *гуань*) составляла один 两 *лян* серебром.

⁴⁷ Вино сопровождало все важные встречи, ритуалы и обряды придворной жизни сановников и аристократии.

⁴⁸ Для аристократии и чиновников всех рангов вино являлось желанным атрибутом церемоний. Под термином 公卿 *гунцин* подразумевается вся бюрократическая система древнего Китая. Понятие 三公九卿 *саньгун цзюцин* («три высших советника и девять министров») выражает систему титулов древней центральной административной системы государства, которая основана на принципе разделения власти. В ней выделяются административные титулы, военные титулы и титулы чиновников, осуществляющих контролирующую функцию в государстве.

⁴⁹ Говоря о том, что под воздействием вина даже правители царств Чжао и Цинь начинают играть на музыкальных инструментах, Вино апеллирует к авторитетам древности и тем самым подчеркивает собственную значимость. В периоды династии Хань и эпохи Шести династий известно немало историй о пирах (зафиксированы в династийных хрониках), во время которых государь, находясь в состоянии опьянения (что тоже подчеркивается в оригинальных текстах), лично играл на музыкальных инструментах, пел им же сложенный экспромт и танцевал [Кравцова, 2004. С. 931].

⁵⁰ Древний ударный музыкальный инструмент в виде глиняного сосуда 缶 *фоу* был распространен в районе 中原 Чжунъюань (занимает район бассейна реки Хуанхэ, область исконного проживания ханьцев), в доциньскую эпоху (до 221 г. до н. э.) относился к простонародным музыкальным инструментам, но впоследствии стал использоваться при исполнении придворной церемониальной музыки. В то же время простой народ продолжал широко использовать его на всевозможных праздниках, свадебных и похоронных церемониях.

⁵¹ В оригинальном тексте иероглиф 教 *цзяо* («обучать») заменен на знак 交 *цзяо* («передавать», «заставлять»).

⁵² Возможно, под понятием 水病 *шуйбин* («болезнь воды») подразумевается водянка – болезнь, при которой происходит нарушение жидкостного обмена в организме человека, что сопровождается отеками в различных частях человеческого тела. Люди того времени связывали это с неумеренным потреблением жидкости – воды, или в данном случае дешевого чая.

⁵³ В оригинальном тексте иероглиф 骑 *ци* («ехать верхом») заменен на знак 其 *ци* (местоимение или грам. показатель).

将到市廛，安排未毕，人来买之，钱则盈溢。

Попав на торговые ряды, еще не успел разложить [товар], а люди уже идут покупать, и деньги текут рекой.

言下便得富饶，不在后日明朝。

Словом, я быстро разбогатею, не пройдет и нескольких дней.

阿你酒能昏乱，吃了多饶啾唧，街中罗织平人，脊上少须十七。

А ты, Вино, можешь сбить с толку. Выпив лишнего, болтаешь попусту, оскорбляешь прохожих на улице. Вот получишь 17 [палок] по спине!

酒谓茶曰：岂不见古人才子，吟诗尽道：渴来一盏，能生养命。

Вино обращается к Чаю:

Разве ты не видишь – талантливые люди древности, сочиняя стихи, говорили: «выпив одну чашу [вина], можно взрастить жизненную силу».

又道：酒是消愁药。

[Они] также утверждали: вино – это лекарство, чтобы развеять грусть.

又道：酒能养贤。

Еще [они] говорили: вино может проявлять таланты.

古人糟粕⁵⁴，今乃流传。

Вино с древних времен дошло до наших дней.

茶贱三文五碗，酒贱盅半七钱⁵⁵。

Дешевый чай [идет] по три монетки за пять чашек, [а] недорогое вино – по семь монет за полчарки.

致酒谢坐，礼让周旋，国家音乐，本为酒泉⁵⁶。

Благодарность выражают преподнесением вина, совершают взаимные ритуалы. В государстве звучит музыка, изначально вино – источник [ритуалов].

终朝吃你茶水，敢动些些管弦！

Если пить чай целыми днями, то кто бы взялся играть на музыкальных инструментах?!

Раунд 5

茶谓酒曰：阿你不见道：男儿十四五，莫与酒家亲⁵⁷。

Чай обращается к Вину:

Ты не видишь сути: юношам 14–15 лет нельзя родниться с семьей [торговца] вином.

⁵⁴ Термин 糟粕 *цаопо* (букв. «гуща», «барда») используется здесь в качестве обозначения дорогого сырья (вторичного продукта виноделия) при производстве алкогольных напитков.

⁵⁵ В этой сентенции Вино снова пеняет на дешевизну Чаю.

⁵⁶ В оригинальном тексте в данной фразе присутствует ошибочное удвоение иероглифа 泉 *цюань* «источник». Данная фраза подчеркивает значительную роль музыки в общественной жизни древнего Китая, которая наряду с вином и танцами являлась неотъемлемой частью большинства обрядов и праздников при дворе императора и в жизни простого народа.

⁵⁷ Данная фраза звучит как предостережение молодым людям не брать в жены дочь трактирщика или торговца вином – возможно, для того чтобы отгородить юношей от соблазна чрезмерного употребления вина.

君不见猩猩，为酒丧其身⁵⁸？

Разве ты не слышал об обезьяне, которая лишилась жизни из-за вина?

阿你即道：茶吃发病，酒吃养贤。

Ты утверждаешь, будто чай вызывает болезни, а вино проявляет таланты.

即见道有酒癘酒病，不见道有茶疯茶颠⁵⁹？

Все видят – вино приводит к болезням, но разве [кто-то] говорит, что чай вызывает помешательство?

阿闍世王为酒杀父害母⁶⁰，刘伶为酒一死三年⁶¹。

[Индийский] правитель Аджаташатру под воздействием вина убил отца и мать, Лю Лин был до смерти [пьян] от вина три года.

吃了张眉竖眼，怒斗宣拳。状上只言粗豪酒醉，不曾有茶醉相言⁶²。

Выпив [вина], хмурят брови, таращат глаза, впадают в гнев, бьются на кулаках. Речи пьяных от вина становятся грубыми, чего не случается в беседах тех, кто перепьет чаю.

不免求守杖子，本典索钱。大枷磕顶，背上抛椽。

[Пьянице] не избежать наказания палками, по закону придется заплатить денежный штраф. На шею наденут кангу, [которая будет] бить по голове, и придется [ему] таскать на спине [свою] поклажу.

便即烧香断酒，念佛求天，终身不吃，望免违遭。

[Лучше] сразу воскурять благовония и прекратить пьянствовать, молиться Будде и просить Небо [о милости], до конца жизни не пить, надеясь на освобождение от страданий.

Заключение

两家正争人我，不知水在旁边。

Так [Чай и Вино] все спорили вдвоем и не заметили приближения Воды.

水谓茶酒曰：阿你两个⁶³，何用匆匆？

Вода обратилась к Чаю и Вину: Эй, вы оба, зачем спешить [с выводами]?

阿谁许你，各拟论功！

Кто вам поверит? Каждый [из вас] приписывает [себе мнимые] заслуги!

⁵⁸ Здесь подразумевается популярная нравоучительная притча о двух обезьянах, которые своей неумеренной страстью к вину погубили всех сородичей. Автор этой притчи — известный педагог и ученый-литератор 刘元卿 Лю Юаньцин (1544–1609). Он включил ее в сборник «Сочинение о красоте и добродетели» (贤奕篇 «Сянь и пянь»).

⁵⁹ В данной сентенции используется художественный прием парных конструкций: фраза состоит из двух выражений с одинаковым количеством иероглифов, по восемь иероглифов в каждом. Автор намеренно использует параллельные конструкции, добиваясь максимального эмоционального эффекта. Повторение иероглифов 酒 цзю «вино» и 茶 ча «чай» усиливает поэтичность выражения.

⁶⁰ Речь идет об индийском царе Аджаташатру, который жил примерно в 493–461 гг. до н. э. Он занял трон, убив своего отца Бимбисару. Вместе с отцом они были сторонниками Будды. Поскольку данное произведение пропитано буддийскими идеями и носит нравоучительный характер, Чай намеренно использует исторические факты, свидетельствующие о том, что чрезмерное употребление вина может разрушить семьи и даже привести к отцеубийству. Однако достоверных исторических сведений об истинной причине этого злодеяния нет (возможно, подлинной причиной послужило желание занять трон).

⁶¹ См. комментарий № 41.

⁶² Выражение 茶醉 чацзуй «опьянение чаем» носит метафорический характер.

⁶³ В оригинальном тексте в данной фразе между знаками 阿你 а ни и 两个 лянгэ присутствуют еще два иероглифа – 何用 хэюн со значением «зачем?», «к чему?» (они добавлены, вероятно, ошибочно).

言辞相毁，道西说东。

Вы клевете друг на друга, один говорит про запад, другой толкует про восток.

人生四大，地水火风⁶⁴。

В жизни человека есть «четыре великих»: земля, вода, огонь, воздух.

茶不得水，作何相貌？

Чай без воды, какой он имеет вид?

酒不得水，作甚形容？

Вино без воды, какую форму оно принимает?

米曲干吃，损人肠胃，茶片干吃，砺破喉咙。

Съешь винное сырье всухомятку – раздерешь себе желудок и кишечник.

Съешь сухие чайные листья – поранишь горло.

万物⁶⁵须水，五谷⁶⁶之宗。

Десять тысяч [вещей] нуждается в воде. [Вода] – основа пяти злаков.

上应干象，下顺吉凶。

Наверху [я] небесное знамение, внизу могу приносить счастье или несчастье.

江河淮济⁶⁷，有我即通。

[Есть] реки Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзишуй. Именно я заставляю их течь.

亦能漂荡天地，亦能涸杀鱼龙。

Я могу затопить небо и землю, могу замучить от жажды рыб и драконов.

尧时⁶⁸九年灾迹，只缘我在其中。

Во времена Яо девять лет [боролись] с наводнением, и я, [Вода], – одна из причин [бедствий].

感得天下钦奉，万姓依从。

[Яо] снискал восхищение в Поднебесной, и десять тысяч родов последовали за ним.

由自不能说圣，两个何用争功？

Если даже я не могу себя назвать совершенномудрой, так чего же вы, двое, спорите?

从今以后，切须和同，酒店发富，茶坊不穷。

Отныне живите в согласии и гармонии. Когда винная лавка процветает, чайный дом не обеднеет.

⁶⁴ В Китае выражение 四大 *сы да* («четыре великих») имеет очень широкую сферу применения и касается многих областей культуры. Поскольку произведение содержит идеи даосизма и буддизма, термин *сы да* по отношению к даосизму означает «Путь *дао*, Небо, Земля и государь», а для буддизма *сы да* означает четыре первоэлемента: земля, вода, огонь и ветер. В данном контексте Вода указывает на то, что она стоит среди четырех первоэлементов, формирующих человеческий мир, тем самым подчеркивая свою значимость.

⁶⁵ Словосочетание 万物 *вань у* дословно означает «десять тысяч вещей», но в большинстве случаев переводится как «все сущее».

⁶⁶ См. комментарий № 20.

⁶⁷ Выражение 江河淮济 *цзян хэ хуай цзи* подразумевает понятие 四渎 *сы ду* – четыре главных реки древнего Китая: Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзишуй, которые обеспечивали водными ресурсами и позволяли полноценно вести сельскохозяйственную деятельность на территории древних государств периода Сражающихся царств (V в. до н. э. – 221 гг. до н. э.).

⁶⁸ Один из древних мифических государей Китая 大禹 Да Юй (Великий Юй) свои дарования и энергию проявил при императоре Яо, когда ему удалось вернуть воды, затопившие землю, в прежние их границы.

长为兄弟，须得始终。

Вы должны быть всегда, как родные братья.

若人读之一本，永世不害酒颠茶疯。

Если люди прочитают это сочинение, то никогда не будут страдать от винного безумия или чайного помешательства.

Список литературы

- Ахметшин Н. Х.* Тайны Шелкового пути. М.: Вече, 2002. 416 с.
- Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения) / Ч. 1. Факсимиле рукописи, исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л. Н. Меньшикова. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 419 с.
- Войтишек Е. Э.* Спор Чая и Вина // Восточная коллекция. 2015. № 1 (60). С. 19–27.
- Дмитриев С. В.* Пещерный комплекс Дуньхуан. История и изучение // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 4. С. 108–115.
- Китайские документы из Дуньхуана. Факсимиле / Издание текстов, пер. с кит., исслед. и прил. Л. И. Чугуевского. Вып. 1. М.: Наука, 1983. 560 с. / Сер. Памятники письменности Востока. LVII, 1.
- Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. Краснодар, М.; СПб.: Лань: ТРИАДА, 2004. 960 с.
- Меньшиков Л. Н.* Из опыта факсимильных изданий рукописей из Дуньхуана // Археографический ежегодник. 1981. Л. С. 173–176.
- Попова И. Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1914–1915) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века: Сб. ст. / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 158–175.
- Рифтин Б. Л.* Хуан-ди // Мифы народов мира (в 2 т.) / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 605–606.
- Wang Fu.* 茶酒論. Dialogue du thé et du vin / Avant-propos de Tseng Yu Hui et Gil Delannoi. Paris, Berg-International, 2013. 35 p.
- Гу Сяньян.* Чжунго дуйляньюэ яньцзю [谷向阳. 中国对联学研究. 北京大学学报]. Исследование китайских парных надписей. Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1998. Т. 35, № 4. С. 125–134. (на кит. яз.).
- Ли Мэн.* Шучэнсянь ча чанье фачжань SWOT фэньси [李梦. 舒城县茶产业发展 SWOT 分析]. SWOT-анализ развития чайной промышленности уезда Шучэнь. Аньхуэй цайцзин дасюэ цзинцзи сюэюань, 2015. С. 71–73. (на кит. яз.).
- Сун Чжэньхао.* Угу люгу юй цзюгу — таньтань цзягுவэнь чжун дэ гулэй цзоу. [宋镇豪. 五谷、六谷与九谷—谈谈甲骨文中的谷类作物]. Пять злаков, шесть злаков и девять злаков. Поговорим о зерновых культурах, изображенных на надписях цзягувэнь // Чжунго лиши вэнь. 2002. № 4. С. 61–67. (на кит. яз.).
- Чжан Ливэнь.* Тансун шици дэ мэндича цзи ци шицы тиюн [张利. 唐宋时期的“蒙顶茶”及其诗词题咏]. Чай Мэндин в период династий Тан и Сун и тексты хвалебных песен, воспевающих его // Хунань нунье дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2013. № 4. С. 71–76. (на кит. яз.).

E. E. Voytishek, G. V. Osipov

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

orient@lab.nsu.ru

CHINESE MANUSCRIPT OF THE 10th CENTURY “DISPUTE OF TEA AND WINE” DISCOVERED IN “DUNHUANG’S LIBRARY”

The Chinese manuscript of the 10th century “Dispute of Tea and Wine” (“Cha jiu lun”) of scribe scholar Wang Fu, was discovered in the early 20th century in the Mogao cave complex near Dunhuang city of the Gansu province. It has long attracted the attention of many specialists, since the study of this manuscript fits into the context of complex studies of historical monuments along the routes of the Silk Road. The Mogao complex also known as the Dunhuang caves *dunhuang shiku* (or The Caves of the Thousand Buddhas *qian fo dong*) has gained international fame not only because of its 4–14th centuries wall paintings and statues preserved in 492 caves, but also for its unique, in magnitude and value, collection of ancient manuscripts and xylographs in different languages, which has been named “Dunhuang’s Library” (*dunhuang zangjingdong*). The discovered monuments carrying secular and religious character provide important information which open up the opportunity to identify specifics of trade, political and cultural ties during the 4–14th centuries in Central Asia, as well as their influence on the ideology of the Middle Ages. The documents contain large amounts of information about history, geography, religion, economics, ethnography, linguistics, literature, art, science and technology of China and Central Asia’s “western states” from the time of the Northern Dynasties (386–581) to the Northern Song Dynasty (10–12 centuries). These documents also contain work of Taoist, Buddhist and Confucian philosophical thought.

In the first decades of the 20th century after “Dunhuang’s Library” was discovered, thousands of manuscripts and Buddhist relics were taken away by researchers, which are now dispersed throughout museums and libraries of 14 countries and regions. The «Dispute of Tea and Wine» manuscript written in Chinese was among the manuscripts taken by famous French sinologist Paul Pelliot (1878–1945).

“Dispute of Tea and Wine” is a small and quite witty text comprising of about one thousand hieroglyphs, built in the form of a dispute between the two sides about the role, functions and merits of each drink. The text contains a brief summary of this dispute, by a graceful third participant – water, which brings the disputants together. This work is written in a popular genre of Buddhist parables *bianwen*. Such educational stories served not only as a means of teaching and entertainment, but also reflected the everyday mass culture of the Tang era (618–907) and the period of the Five Dynasties (907–960). The text full of literary allusions and references to historical precedents is written using rhyme and elements of the elegant pairing style of rhythmic prose, which testifies to the erudition and artistic taste of the author.

Currently, the manuscript of the work is known in six lists; four of which are stored in the Paul Pelliot Foundation in Bibliothèque National de France in Paris, and the other two in British Museum in London. The authors of this article translated the original list of works from Bibliothèque National de France (“Pelliot fonds chinois 2718”) with the help of the reconstructed text of the original, and is accompanied by the necessary historical and philological commentary.

Keywords: “Dunhuang’s library”, 10th century manuscript, “Dispute of Tea and Wine”, Buddhism.

References

Ahmetshin N. H. Tajny Shelkovogo puti [The mysteries of the Silk Road]. Moscow, Veche, 2002, 416 p. (in Russ.)

Bryan'ven' o vozdayanii za milosti (rukopis' iz Dun'khuan'skogo fonda Instituta vostokovedeniya) Chast' 1. Faksimile rukopisi, issled., per. s kit., komment. i tabl. L. N. Men'shikova [Bianwen about

the retribution for mercy (manuscript from the Dunhuang Foundation of the Institute of Oriental Studies)]. Part 1. Moscow, Nauka, 1972, 419 p. (in Russ.)

Dmitriev S. V. Peshhernyj kompleks Dun'huan. Istorija i izuchenie [The cave complex of Dunhuang. History and study]. Dmitriev S. V. The East. Afro-Asian societies: history and modernity, 2011, № 4, p. 108–115. (in Russ.)

Gu Xiangyang. Zhongguo duilianxue yanjiu [谷向阳。中国对联学研究]. The study of the Chinese paired inscriptions. Beijing daxue xuebao, 1998, № 4, vol. 35, p. 125–134. (in Chin.)

Kitayskiye dokumenty iz Dun'khua. Faksimile. Izdaniye tekstov, per. s kit., issled. i pril. L. I. Chuguyevskogo. Vypusk 1 [Chinese documents from Dunhuang. Facsimile]. Vol 1. Series: Monuments of the writing of the East. LVII, 1. Moscow, Science, 1983, 560 p. (in Russ.)

Kravtsova M. E. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Istoriya iskusstva Kitaya [World Artistic Culture. History of art in China]. Krasnodar, Moscow, Saint Petersburg, Lan', TRIADA, 2004, 960 p. (in Russ.)

Li Meng. Shucheng xian cha chanye fazhan SWOT fenxi [李梦。舒城县茶产业发展 SWOT 分析]. SWOT analysis of the tea industry development in Shucheng county. Anhui caijing daxue jingji xueyuan, 2015, p. 71–73. (in Chin.)

Menshikov L. N. Iz opyta faksimilnyh izdanij rukopisej iz Dunhuana [Publishing experience of facsimile manuscripts from Dunhuang]. Leningrad, 1981, p. 173–176. (in Russ.)

Popova I. F. S. F. Oldenburg's Second Russian Turkestan Expedition (1914–1915) // Russian expeditions to Central Asia in the late XIX – early XX century. Ed. by I. F. Popova. St. Petersburg, Slavia, 2008, p. 158–175 (in Russ.)

Riftin B. L. Huan-di // *Mify narodov mira* [Huang-di // Myths of the World]. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, 1988, p. 605–606. (in Russ.)

Song Zhenhao. Wugu, liugu yu jiugu – tantan jiaguwen zhong de gulei zuowu [宋镇豪。五谷、六谷与九谷—谈谈甲骨文中的谷类作物]. Five cereals, six cereals and nine cereals. Let's talk about the grain crops depicted at the inscriptions of jiaguwen. Zhongguo lishi wenwu, 2002, № 4, p. 61–67. (in Chin.)

Voytishek E. E. Spor Chaja i Vina [The Dispute of Tea and Wine]. *Oriental Collection*. Moscow, 2015, № 1 (60), p. 19–27. (in Russ.)

Wang Fu. 茶酒論. Dialogue du thé et du vin. Avant-propos de Tseng Yu Hui et Gil Delannoi. Paris, Berg-International, 2013, 35 p.

Zhang Liwen. Tang Song shiqi de “mengdingcha” ji qi shici tiyong [张利文。唐宋时期的“蒙顶茶”及其诗词题咏]. Mengding tea during the period of Tang and Song dynasties and the texts of the eulogistic songs dedicated to this tea. Hunan nongye daxue xuebao, 2013, № 4, p. 71–76. (in Chin.)

The authors express their deep gratitude to the Chinese colleagues – prof. Cai Keda (蔡克大), graduate students Su Wenbo (苏文博) and Wang Xiangsong (王祥松) from Xinjiang Institute of Ecology and Geography of Chinese Academy of Sciences (Urumqi) and prof. Altan Bordzhigid (阿拉腾嘎日嘎) from Inner Mongolia University for the Nationalities (Tongliao) for the organization of field research to Dunhuang (Mogao Caves) in October 2017 and assistance in preparing this publication.

О. С. Панова

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия*

panipanova@gmail.com

ПОЛОЖЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ЭПОХИ СУН

Анализируется положение художников при императорском дворе в первую половину эпохи Сун (960–1063). Художественные критики XI–XII вв. и современные исследователи, как правило, делят живописцев данного периода на несколько категорий по социальному признаку. Автор ставит задачу объяснить через социокультурные процессы общепринятое в художественных трактатах и историографии деление художников эпохи Сун на профессиональных мастеров и представителей служилой элиты. Положение художника рассматривается в контексте структуры бюрократического аппарата данного периода. На материале императорских указов и других исторических источников демонстрируется, что двор пытался ограничить права и привилегии придворных специалистов («цзишугуань»), к которым относились художники, чтобы провести четкую границу между гражданскими чиновниками основного штата и обслуживающим персоналом. Растущая дистанция между служилым сословием с одной стороны и придворными специалистами узкого профиля с другой рассматривается как одна из предпосылок поляризации художественного мира по социальному признаку во второй половине XI в.

Ключевые слова: эпоха Северная Сун, Департамент живописи, Академия Ханьлинь, придворные художники, цзишугуань.

С самого начала правления династии Сун в штатном расписании центрального бюрократического аппарата были предусмотрены должности для живописцев. В период царствования первого сунского императора Тай-цзу (太祖, прав. 960–975) профессиональные художники, как и в эпоху Тан, служили в Академии Ханьлинь – придворном ведомстве, обслуживающем Сына Неба. В 984 г. при втором сунском императоре Тай-цзуне (太宗, прав. 976–997) в составе Академии Ханьлинь был открыт Департамент живописи Тухуаюань (圖畫院), который стал главным придворным ведомством, отвечающим за «живопись, декоративную роспись и скульптурные ваяния»¹. В его штат вошли высококлассные мастера из покоренных государств, а также профессиональные художники из народа. Особенно высоко ценились живописцы из покоренного государства Поздняя Шу (後蜀), многие из которых были потомственными художниками, продолжателями региональных традиций и наследия танской культуры.

В обязанности членов Департамента входило написание портретов царствующих персон и покойных правителей, роспись дворцов, административных зданий и столичных монасты-

¹ «В Департаменте живописи Ханьлинь служат дайчао живописи, декоративной росписи и скульптурного ваяния» “翰林圖畫院，有畫、裝鑾、捏塑待詔 <...>” [Сун хуэйяо цигао 宋會要輯稿 (Черновой свод важнейших материалов эпохи Сун, Т. 79, гл. 36, часть 2) // Онлайн-библиотека классических текстов «Guoxue dashi» // Song hui yao ji gao. URL: <http://m.guoxuedashi.com/a/6224d/86840y.html> (дата обращения 28.01.2018)].

рей, создание живописных свитков, оформление ширм и вееров. Художники из Департамента также отвечали за копирование работ древних мастеров, экспертизу и реставрацию произведений из императорской коллекции.

За полтора столетия существования Департамента живописи придворные мастера значительно подняли планку технического мастерства, расширили жанрово-тематические и выразительные возможности живописи, внесли большой вклад в становление сунской художественной традиции, в первую очередь ее «академического» направления (院體) с характерным стремлением к натуралистической точности, ярким колористическим решениям и вниманием к деталям².

Живопись в Китае не была исключительно прерогативой профессиональных мастеров. Живописью увлекались представители правящего класса, чиновники, ученые и знатные люди. В эпоху Сун, когда ученое сословие составило элиту общества, занятие живописью среди любителей приобрело особую популярность. Во второй половине XI в. вокруг фигуры крупного государственного деятеля Су Ши (苏轼, 1037–1101) сложилось творческое объединение художников-интеллектуалов. Некоторые из них занимали высокие чиновничьи посты, другие вели свободный образ жизни³. Они выступали за свободу творчества, спонтанность творческого акта, синтез живописи, каллиграфии и поэзии в единой плоскости картины. Художники-интеллектуалы противопоставляли себя придворным живописцам, которые были вынуждены работать на заказ и подчиняться вкусам правящего класса [История Китая, 2016. С. 660–665]. Поляризация художественного мира на профессионалов и интеллектуалов отчетливо отражается и в художественной критике конца XI и XII вв. Авторы современных трактатов часто выделяют художников из среды служилого сословия в отдельную группу, а придворных мастеров объединяют вместе со свободными профессиональными художниками⁴.

Существуют различные объяснения противопоставления придворных мастеров (т.н. «академической школы») и школы художников-интеллектуалов [Кравцова, 2004. С. 610–613]. Мы попытаемся подойти к этой проблеме с социально-культурной точки зрения. Такой подход позволит выявить факторы, которые служили предпосылкой для резкой поляризации художественного мира по социальному признаку во второй половине XI в.⁵

Придворный художник занимал достаточно низкое положение в иерархической системе двора⁶. В первую очередь это было обусловлено положением самого Департамента живописи в структуре придворных институтов. Департамент живописи входил в состав Академии Ханьлинь⁷, которая в свою очередь подчинялась Надзору внутренней службы Нэйшишэн (內

² Художник Хуан Цзюйцай (黃居寀) унаследовал манеру своего отца Хуан Цюаня (黃筌) и стал законодателем придворного стиля живописи цветов и птиц. В развитии пейзажа в первую половину эпохи Сун значительную роль сыграли придворные мастера Янь Вэньгуй (燕文貴) и Гао Кэмин (高克明). В живописи на религиозные сюжеты большое влияние в данный период имел художник-монументалист Гао Вэньцзинь (高文進).

³ В круг единомышленников Су Ши входили Ли Гунлинь (李公麟), Вэнь Тун (文同), Ми Фу (米芾), Хуан Тинцзянь (黃庭堅) и пр.

⁴ См. трактаты Го Жосюя «Тухуа цзяньвэньчжи» (圖畫見聞志), Дэн Чуня «Хуацзи» (畫繼) и императорский каталог «Сюаньхэ хуапэ» (宣和畫譜).

⁵ Социокультурный подход достаточно популярен среди китайских исследователей сунского искусства. Целый ряд авторов рассматривает историю придворного Департамента живописи в контексте бюрократических институтов эпохи Сун. См. статьи и монографии Цай Ханя (蔡罕), Лин Хубяо (令狐彪), Хань Гана (韓剛) и пр. Стоит выделить исследование Юй Гуйлина и Чжан Банвэя, посвященное положению служащих «цзишугуань» при сунском дворе [Юй Гуйлинь, Чжан Банвэй, 1991]. На русском языке проблемы положения придворных мастеров эпизодически касалась Т.А. Пострелова в монографии «Академия живописи в Китае в XI – XIII вв.»

⁶ Показательно, что ни одна биография придворного художника не попала в раздел жизнеописаний «лечжуань» (列傳) хроники «Сунши» (宋史). Сведения о художниках эпохи Сун дошли до нас благодаря биографическим трактатам, которые составляли знатоки живописи и коллекционеры. Среди них заслуживают упоминания такие авторы XI–XII вв., как Хуан Сюфу (黃休復), Лю Даочунь (劉道醇), Го Жосюй (郭若虛), Дэн Чунь (鄧椿) и пр.

⁷ Ханьлиньюань – термин, одновременно обозначающий два разных ведомства. Он является сокращенным названием императорского Секретариата Ханьлинь Сюэшиюань (翰林學士院) – консультативного придворного органа, в котором служили ученые. Этим же термином обозначают Академию Ханьлинь, где в эпоху Сун трудились узкопрофильные специалисты, включая художников, каллиграфов, врачей, музыкантов и астрологов

侍省) – ведомству, предназначенному для бытового обслуживания правящих персон. Помимо Департамента живописи, в Академии Ханьлинь в разные годы были открыты Департамент императорского письма Юйшюань (御書院), Департамент Астрологии Тяньвэньюань (天文院) и Департамент врачевания Игуаньюань (醫官院). Члены данных ведомств относились к «служащим внутреннего [штата]» *нэйгуань* (內官), т.е. штата обслуживающего персонала, который противопоставлялся основному штату чиновников, называемых *вайгуань* (外官) «служащие внешнего [штата]». Членов департаментов Академии Ханьлинь называли общим термином *цзишугуань* (技術官), т.е. «чиновник-специалист», подчеркивая тем самым узкопрофильный характер их компетенций.

Служащие *цзишугуань* отличались от чиновников основного штата тем, что они не имели чиновничьего ранга. Бюрократическая система эпохи Сун подразумевала девять рангов должностей (九品), которые являлись формальным показателем статуса чиновника⁸. В Департаменте живописи существовала своя иерархия должностей, включавшая должности *дайчжао* (待詔, «ожидаящий приказа»), *исюэ* (藝學, «знаток искусств»), *чжихоу* (祇候 «почтительно ожидающий») и *сюэшэн* (學生, «ученик»), не считая ремесленников *гунцзян* (工匠)⁹. Данные должности не входили в девятиранговую систему, поэтому ранговый статус членов Департамента был весьма низкий.

Из всех придворных художников конца X и первой половины XI в., о которых нам известно из биографических заметок, лишь малая часть получила чиновничьи ранги и почетные знаки отличия. Карьерный рост придворного художника был строго ограничен правилами, которые распространялись на служащих *цзишугуань*.

Перспективы чиновничьей службы для художников и остальных *цзишугуань* были определены еще в начале эпохи Сун. Так, уже около 975–976 гг. вышел запрет назначать *цзишугуань* на должности основного штата¹⁰. Вместо реальной должности, служащие *цзишугуань* могли получить в качестве поощрения номинальную должность ранжированных чиновников (寄祿官 *цзилугань* или 階官 *цзегуань*), т.е. должность с жалованием, но без служебных обязанностей. Служащих *цзишугуань* обычно переводили на должности «столичных чиновников», соответствующие самым низшим 8–9 рангам.

и пр. В эпоху Тан Секретариат Сюэшиюань располагался на территории Академии Ханьлинь. В эпоху Сун секретариат находился в границах дворцового комплекса, а Академия Ханьлинь размещалась за пределами его стен.

⁸ Ранг указывал на положение чиновника в иерархической лестнице, определял размер жалования, форму одежды, а также права и привилегии его носителя. В эпоху Сун до реформы 1070-х гг. действовала танская девятиранговая модель, в которой каждый ранг делился на «основную» (*чжэн* 正) и «сопровождающую» категории (*цун* 從), а начиная с 4-го ранга и ниже «основная» и «сопровождающая» категории делились на верхнюю и нижнюю подкатегории так, что в сумме получалось 30 разрядов рангов (*цзе* 階) [Рыбаков, 2009. С. 66–67]. Носители рангов делились на две категории: обладателей двух низших рангов (8-го и 9-го) называли «столичными чиновниками» *цзингуань* (京官), а носители высших и средних рангов (начиная с 7-го сопровождающего и выше) назывались «придворными чиновниками» *чаогуань* (朝官).

⁹ Количество членов Департамента живописи было сравнительно невелико. В правление Тай-цзуна штатное число служащих Департамента не было строго регламентировано: в Департаменте работало, по меньшей мере, 22 живописца, не считая многочисленных учеников и мастеровых. Система продвижения была достаточно гибкой: за время правления Тай-цзуна на посту *чжихоу* побывали 9 художников, а высшую позицию *дайчжао* получили не менее 8 человек. Начиная с правления Чжэнь-цзуна (真宗, прав. 998–1021) (согласно некоторым историкам, при Жэнь-цзуне) штатное число служащих Департамента сократили до трех *дайчжао*, шести *исюэ*, четырех *чжихоу*, сорока *сюэшэн* и четырнадцати (позже – шести) *гунцзян*. («待詔等舊無定員, 今待詔三人, 藝學六人, 祇候四人, 學生四十人為額. 舊工匠十四人, 今六人.» [Сун хуэйяо цигао 宋會要輯稿 (Черновой свод важнейших материалов эпохи Сун, Т. 79, гл. 36, часть 2) // Онлайн-библиотека классических текстов «Guoxue dashi» / Song hui yao ji gao. URL: <http://m.guoxuedashi.com/a/6224d/86840y.html> (дата обращения 28.01.2018)].

¹⁰ «В 7-й год периода Кайбао (974 г.) <...> приказано: ученики Террасы Ведающих Небом (Императорской обсерватории Сытяньтай), а также специалисты и умельцы разных приказов не должны предварительно назначаться служащими внешнего [штата]». «開寶七年<...> 詔司天臺學生及諸司技術工巧人, 不得擬外官.» [Сюй “Цзыцжи тунцзянь” чанбянь 續資治通鑑長編 (Развернутое продолжение к [хроникам] “Зерцало всеобщее, управлению помогающее” цз. 15) // Онлайн-библиотека древних текстов на китайском языке «Chinese Text Project» / Xu zi zhi tong jian chang bian. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=506073#p27> (дата обращения 28.01.2018)].

В 996 г. вышел указ, запрещающий переводить *цзишугуань* в «придворные чиновники», т. е. на должности 1–7 рангов. Отныне по милости императора служащий *цзишугуань* мог получить почетную должность (勳官 *сюньгуань*) [Линь Хуанда, 2012. С. 206] или повысить ранг должности на один разряд (转阶 *чжуаньцзе*)¹¹. Двор таким образом пытался отрегулировать систему поощрения служащих *цзишугуань* и не позволить им смешаться с носителями средних и высших рангов. Комментируя данный указ, автор XII–XIII в. Ван Юн (王楙) объясняет, что служащие *цзишугуань* не должны стоять вровень с чиновниками *шидафу*¹².

Высота номинальной должности служащего *цзишугуань* варьировалась, но не превышала уровня мелкого чиновника. До 1020 г. служащих Академии Ханьлинь могли повысить до должности Помощника пиршественного приказа (光祿寺丞 *гуанлусы-чэн*), которая соответствовала сопровождающему 6 высшему рангу. Данную номинальную должность получили при дворе Тай-цзуна художники из Департамента живописи Хуан Цзюйцай (黃居案)¹³ и Сяхоу Янью (夏侯延祐)¹⁴.

В 1020-х гг. максимальную высоту номинальной должности повысили до 6-го ранга¹⁵. Однако в том же году двор значительно ужесточил правила повышения членов Академии Ханьлинь: отныне ее служащим запретили проходить процедуру аттестации «мокань» (磨勘) на повышение должности, положенную чиновникам основного штата. Кроме того, были отменены ранние привилегии: с этого момента *цзишугуань* не могли рассчитывать на повышение разряда ранга *цзе*, на получение почетной должности *сюань* и смену номинальной должности¹⁶.

Ограничения также коснулись таких внешних ранговых атрибутов, как цвет официального платья и форма подвески. В соответствии с сунским протоколом, чиновникам первых трех рангов полагались одежды пурпурного цвета (紫) и мешочек с рыбкой, вышитой золотыми нитками; чиновники четвертого и пятого рангов носили красное платье (緋) и мешочек с се-

¹¹ «Во второй год периода Чжидào (996 г.) <...> приказано: Служащим со званием *цзишугуань*, занимающим должности столичных чиновников, по милости добавлять только разряд ранга или давать наградную должность, [им] не разрешается получать должности придворных чиновников». «至道二年 <...> 詔應有落伎術頭銜見任京官者, 遭恩澤只轉階, 或加勳, 不得授朝官。」 [Сун хуэйяо цигао 宋會要輯稿 (Черновой свод важнейших материалов эпохи Сун, Т. 79, гл. 36, часть 2) // Онлайн-библиотека классических текстов «Guoxue dashi» / Song hui yao ji gao. URL: <http://m.guoxuedashi.com/a/6224d/86840y.html> (дата обращения 28.01.2018)].

¹² «Служащие *цзишугуань* не должны стоять в одном ряду с чиновниками *шидафу*, [поскольку] ниже их». «應伎術官不得與士大夫齒, 賤之也。」 [Ван Юн. Янь и и мою лу 燕翼詒謀錄 (Записи, составленные для потомков в заботе о них, цз. 2) // Онлайн-библиотека древних текстов на китайском языке «Chinese Text Project» / Yan yi yi mou lu. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=403006#p13> (дата обращения 28.01.2018)].

¹³ Хуан Цзюйцай (933 – после 993) – потомственный профессиональный художник, служивший при дворе правителей Ранней и Поздней Шу. Прославился в живописи цветов и птиц, работал в стиле своего отца, Хуан Цюаня. Вместе с отцом расписал множество ширм и стен для дворца. При дворе Поздней Шу занимал пост *дай-чжао* Академии Ханьлинь, получил должности «молодца, поступившего к службе» *цзяншилан* (將侍郎), «молодца для увещеваний наследника престола» *ши-тайцзы-шан* (試太子議郎), носил пурпурное платье и мешочек с золотой рыбкой. Его должности при дворе Поздней Шу соответствовали 8–9 рангам. После покорения Поздней Шу переехал в сунскую столицу и перешел на службу к императору Сун.

¹⁴ Сяхоу Яньюй (вторая пол. X в.) – ученик Хуан Цюаня, прославился в изображении цветов, птиц, бамбука. В Поздней Шу занимал пост *дай-чжао* в Академии Ханьлинь. После покорения Поздней Шу переехал в сунскую столицу и был зачислен в Департамент живописи.

¹⁵ «В 1-й год правления под девизом Цянь-син (1022 г.) Секретариат-канцелярия (Чжуншу-мэнься) объявил: «При прежнем порядке врачеватели *игуань*, *дай-чжао* живописи, цинов и шахмат, могли быть повышены не выше должности Помощника пиршественного приказа (*гуанлусы-чэн*). В 4-й год периода Тяньси (1020) [их] повышали до срединного справедливого (чжуньюй), великого мужа, разъясняющего добро (*цзяньшань*), пролагателя пути (*сима тунчжэн*). Просьба не нарушать этот порядок. Только по особой милости повышать до знатоков (*гоуцзы боши*)». “乾興元年中書言: ‘翰林醫官、圖畫、琴棋待詔舊制轉官止光祿寺丞; 天禧四年, 乃遷至中允、贊善、洗馬同正。請勿逾此制, 惟特恩至國子博士而止。’” [Ма Дуаньлинь. Вэньсянь тункао 馬端臨. 文獻通考 (Всеобщее обозрение источников, Цз. 35) // Онлайн-библиотека древних текстов на китайском языке «Chinese Text Project» / Wenxian tongkao. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=923033#p198> (дата обращения 28.01.2018)].

¹⁶ Там же: “詔自今司天監並諸色伎術官, 不得倚京朝官列磨勘, 加階、勳、轉官。” [Сун хуэйяо цигао 宋會要輯稿 (Черновой свод важнейших материалов эпохи Сун, Т. 79, гл. 36, часть 2) // Онлайн-библиотека классических текстов «Guoxue dashi» / Song hui yao ji gao. URL: <http://m.guoxuedashi.com/a/6224d/86840y.html> (дата обращения 28.01.2018)].

ребрыным узором рыбки; обладателям низших рангов, включая служащих *цзишугуань*, полагалось носить зеленое платье (綠). Низшие чины могли получить атрибуты чиновников средних и высших рангов в знак поощрения. Так, например, в годы правления Тай-цзуна высшей награды удостоился художник Хуан Цзюйцай, получивший пурпурное платье и мешочек с золотой рыбкой. Однако в 1013 г. двор запретил жаловать служащим *цзишугуань* подвеску с рыбкой, чтобы отличить их от служащих основного штата, которым данный атрибут полагался по статусу¹⁷. Показательно, что художник Гао Кэмин, служивший при Жэнь-цзуне (прав. 1022–1063) в должности *дайчжао*, получил пурпурный халат уже без золотой рыбки.

В целом количество носителей ранжированных должностей среди членов Департамента живописи было невелико. Среди 22 придворных художников правления Тай-цзуна, упомянутых в трактатах, ранжированные должности получили только Хуан Цзюйцай, Сяхоу Янью и Чжао Гуанфу (趙光輔). В правление третьего сунского императора Чжэнь-цзуна должность ранжированного чиновника получил только *дайчжао* Гао Кэмин.

Во всех случаях данные должности не предполагали служебных обязанностей вне Департамента живописи, а только увеличивали размер жалования. Нам известен единственный случай назначения художника на мелкую административную должность вне Департамента живописи. Из приказа 993 г. следует, что *дайчжао* Сяхоу Янью был назначен на должность главы уезда Чао (縣令 *сяньлин*) в область Лучжоу (совр. пр. Аньхуэй)¹⁸.

Большая часть членов Департамента живописи, хотя официально являлись придворными служащими, занимали достаточно низкое положение в бюрократической системе двора. Неудивительно, что некоторые художники благородного происхождения из семей ученых или государственных служащих отказывались от должности в Департаменте живописи. Так, например, Ван Дуань (王端), имевший классическое образование, был известен как талантливый портретист. Двор пригласил его вместе с придворными мастерами написать портрет почившего императора Чжэнь-цзуна. По окончании задания Ван Дуань был зачислен в Департамент живописи, но отказался от должности. Тогда император назначил его на должность дворцового дежурного правой группы (右班殿直 *юйбань дяньчжи*) и поручил выполнить портреты своих усопших родителей на каменной стене¹⁹.

Как следует из анализа исторических источников, по мере того как класс гражданских чиновников разрастался и укреплял свои позиции, императорский двор пытался провести четкую границу между носителями узкоспециальных знаний и служилым сословием, получившим классическое образование. Политика двора, направленная на ограничение привилегий *цзишугуань*, привела к углублению раскола между государственными служащими основного штата и членами Академии Ханьлинь. Растущая социальная дистанция между придворными живописцами и образованной элитой явилась одной из причин дальнейшей поляризации художественного мира на профессионалов и интеллектуалов во второй половине XI в.

Список литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: В 10 т. / Отв. ред. И. Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. Лит., 2016. Т. 4: Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279). 942 с.

¹⁷ «В 6-й год Дачжун-сянфу приказано: служащим *цзишугуань*, [которые] нынче носят рыбку на поясе, разрешается [носить ее по-прежнему]. Отныне тем, кто не был повышен до придворного чиновника *чаогуань*, [но] был одарен красным или пурпурным [платьем], не жаловать пояс с рыбкой». “詔伎術官見佩袋魚者，特許仍舊。自今未至升朝官，賜緋紫者，不賜魚袋。” [Там же].

¹⁸ В сборнике «Сянь пин цзи» (конец X в.) приводится приказ с заголовком «*Дайчжао* [департамента] живописи Ханьлинь достоин [должности] главы уезда Чао в области Лу» “翰林图画待诏夏侯延佑可庐州巢县令” [Тянь Си. Сянь пин цзи 咸平集 (Собрание [годов] Сяньпин, цз.28 // Онлайн-библиотека древних текстов на китайском языке «Chinese Text Project» / Xian ping ji. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=645714#p35> (дата обращения 28.01.2018)]

¹⁹ Биография Ван Дуаня приводится в трактате Лю Даочуня «Шэнчао минхуа пин» (聖朝名畫評).

Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учеб. пособие. СПб.: Лань: Триада, 2004. 960 с.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. Ч. 1: Генезис и структура. 504 с.

Линь Хуанда. Сундай сюньгуань чжиду чжи чутань [林煌達。宋代勳官制度之初探//中國中古史研究第十二期] Первичный анализ системы почетных должностей в эпоху Сун // Чжунго чжунгуши яньцзю, 2012. Вып. 20, № 12. С. 191–212 (на кит. яз.).

Юй Гуйлинь, Чжан Банвэй. Сундай цзишугуань яньцзю [余貴林, 張邦煒。宋代技術官研究//大陸雜誌]. Придворные мастера *цзишугуань* в эпоху Сун // Далу цзачжи. 1991. Вып. 83, № 1. С. 1–13. № 2. С. 89–96 (на кит. яз.).

Материал поступил в редколлегию 29.01.2018

Olga S. Panova

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

panipanova@gmail.com

STATUS OF ARTISTS AT THE IMPERIAL COURT IN THE EARLY SONG DYNASTY

This paper addresses the status of artists at the imperial court during the early Northern Song dynasty, from the second half of the X century to the middle of the XI century. The problem of the status of court artists illuminates the polarization of the artistic world of the Song. Connoisseurial texts of the late XI and XII centuries adopted the view of an artistic world polarized along lines of social status and profession. Although artists serving at court in the Department of Painting held nominal status as court officials, Song connoisseurs considered them as belonging to the ranks of professional painters, distinct from scholars and other officials who produced paintings. This classification continues to dominate contemporary scholarship. The origin of the social polarization, however, has not been fully explored.

This paper explores the historical basis for the commonly accepted division of the artistic world of the Song into officials and professional artists. The author suggests that this division did not occur, as scholarship has often argued with the rise of the literati-painters in the second half of the XI century. Rather, the division took place over a much longer period of time. The court's decision to limit the privileges available to the institutions that employed technical specialists (including artists) in the first half of the XI century played a key role in the decline of the status of court artists.

The contextualization of court artists within the bureaucratic system of the Song government provides crucial insights into their status at court. The *jishuguan*, or court technical specialists did not belong to the main body of ranked officials, but could receive honorific titles, dignities, prestige titles and other forms of promotion. As Song sources demonstrate, some of the court artists serving during the reign of the first Song emperor Taizong (967–997) received many official privileges, including minor administrative posts in local government.

However, as the bureaucratic system of the Song government grew and became more mature, the court tried to separate technical personnel from dedicated administrative officials. Imperial decrees and other historical sources demonstrate that both during and after the Zhenzong (998–1021) period, the court pursued a policy of limiting privileges enjoyed by the *jishuguan*. The growing distance between narrowly specialized court experts on the one hand and government officials on the other

became one of the pre-conditions for the polarization of the artistic world along the axis of social status in the second part of the XI century.

Keywords: Northern Song, Department of Painting, Hanlin Artisans Bureau, court artists, *jishuguan*.

References

Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI v. V 10 t. Tom IV. Period Pjati dinastij, imperija Sun, gosudarstva Liao, Jin, Xi Xia (907–1279) [History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI c. In 10 Volumes. Vol.4. Five Dynasties, Song dynasty, Liao State, Jin and Xi Xia (907–1279)]. Edit. by I. F. Popova. Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Moscow, Nauka. Vostochnaya Literatura, 2016, 942 p. (in Russ.)

Kravtsova M. E. Mirovaja hudozhestvennaja kul'tura. Istorija iskusstva Kitaja: Uchebnoe posobie [World Culture. History of Chinese Art. Textbook.] Saint Petersburg, Lan', Triada, 2004, 960 p. (in Russ.)

Rybakov V. M. Tanskaja bjurokratija. Ch.1. Genezis i struktura [Tang Dynasty Bureaucracy. Vol. 1. Genesis and structure]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009, 504 p. (in Russ.)

Lin Huangda. Songdai xuanguan zhidu zhi chutan [林煌達。宋代勳官制度之初探//中國中古史研究第十二期]. The Preliminary Analysis of the System of the Merit Title during the Song Dynasty. *Zhongguo zhonggushi yanjiu*. 2012, vol. 20, iss. 12, p. 191–212. (in Chin.)

Yu Guilin, Zhang Bawei. Songdai jishuguan yanjiu [余貴林，張邦煒。宋代伎術官研究]. Court Experts 'Jishuguan' during the Song Dynasty. *Dalu zazhi*, 1991. vol. 83, iss. 1, p. 1–13; iss. 2, p. 89–96. (in Chin.)

УДК 929 + 930.2 + 951.0
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-100-107

С. Ю. Вradий

*Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001, Россия*

vradis@yandex.ru

ЦИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЛИНЬ ЦЗЭСЮЕ (1785–1850): ТРАДИЦИИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА *

Составление биографий на протяжении веков занимало особое место в китайском историописании, обусловленное целями и задачами традиционной историографии Китая. Основной задачей биографического жанра являлось ортодоксальное воспитание лояльных трону государственных служащих. При этом культ почитания предков в Китае, вне сомнения, являлся важным объяснением особенностей составления биографий. В статье на основе анализа ранних биографических материалов, посвященных выдающемуся государственному деятелю цинского Китая Линь Цзэсюю 林則徐 (1785–1850), обозначены особенности биографического жанра китайского традиционного историописания: относительная краткость, комплиментарный стиль восхваления, раз и навсегда заданный характер персонажа. Подобный портрет призван был отразить типологические характеристики человека, подпадающего под какую-либо категорию жизнеописаний. Составленные таким образом биографии являли своего рода пример, подтверждавший незыблемость конфуцианского этического стандарта, а представленные личные качества и характер деятельности канонизированного лица выполняли дидактическую функцию воспитания будущих поколений государственных деятелей в духе конфуцианской морали.

Ключевые слова: цинский Китай, Линь Цзэсюй (1785–1850), биография, традиционное китайское историописание.

Анализ огромной, пусть и противоречивой роли, которую сыграли отдельные личности в истории человечества, способствовал написанию многочисленных биографий, сформировавших своеобразный литературный жанр в традиции западного историописания.

Биографии занимают особое место в китайской историографии. Любой исследователь, обратившийся к китайскому традиционному биографическому жанру, может быть уверен, по крайней мере, в одном: ему предстоит столкнуться с поражающим воображение изобилием и разнообразием изложенных материалов.

Обращаясь к китайскому традиционному историописанию, принято начинать с 正史 *чжэньши*, или «образцовых» династийных историй. Всего насчитывается 25 нормативных историй, каждая содержит коллекцию биографий, тщательно отсортированных по разделам, с выделением жизнеописаний преданных сановников, неверных чиновников, подлых предателей, императорских наложниц, писателей, отшельников, добродетельных жен, почтительных сыновей и проч.

* Работа подготовлена частично в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00172, а также государственного задания ИИАЭ ДВО РАН № 01201152976.

Для анализа особенностей биографического жанра китайского традиционного историописания обратимся к ранним биографиям выдающегося сановника цинского Китая Линь Цзэсюя 林則徐 (1785–1850).

В наши дни, как и прежде, имя Линь Цзэсюя, видного государственного деятеля первой половины XIX в., сторонника строгого запрета опиумоторговли, решительно выступившего против иностранной экспансии, произносится в Китае с уважением. Интерес к Линь Цзэсюю постоянен¹, отдельные эпизоды его жизни и деятельности освещались в работах, которые стали появляться сразу после его смерти.

Первые попытки закрепить образ выдающегося по своим моральным качествам (честный, неподкупный, «чистый, как небо»), авторитетного и опытного государственного деятеля были предприняты еще при жизни Линь Цзэсюя в высказываниях современников. Этому, несомненно, способствовала длительная безупречная государственная служба, выделявшая Линь Цзэсюя из общей массы коррумпированного цинского чиновничества.

То немногое, что известно о конкретных фактах из жизни Линь Цзэсюя, почти целиком относится, как то обусловлено традиционными принципами составления биографий, к его служебной деятельности. Фрагментарные сведения о годах юности, учебы, начале и завершении служебной деятельности являются как бы обрамлением краткого периода пребывания на посту императорского эмиссара в Гуанчжоу (1839–1841), – стержневого в биографии Линя. Они подтверждают характер героя, раз и навсегда заданный жизнеописанием. Успехи, достигнутые Линем при сдаче экзаменов, открыли перед ним двери академии Ханьлинь 翰林院, а затем и лестницу государственной службы. Не все шло гладко у начинающего чиновника, о чем свидетельствуют неоднократные попытки Линя, ссылаясь на болезнь свою или ближайших родственников, вернуться в родные места. О служебных промахах Линя говорят неоднократные наказания и понижения по службе, например, в 1832 г., назначенный губернатором Цзянсу, он не смог воспрепятствовать продвижению британского судна «Лорд Амхерст» вдоль восточного побережья Китая на север². Затем в 1837 г., когда Линь исполнял обязанности генерал-губернатора Хугуана³. Любопытным и вместе с тем показательным является тот факт, что о взысканиях (за исключением продолжительной ссылки в Синьцзян), не отвечавших общей тенденции описания честного, добросовестного чиновника, не упоминают ни цинские историографы, ни историки гоминьдановского периода, ни ученые КНР.

Эти взыскания, вместе с наказанием в виде ссылки в 1842–1845 гг., были аннулированы указом императора Сяньфэна, опубликованным 15 декабря 1850 г. по случаю смерти Линя. В указе перечислялись его превосходные качества (тщательность при выполнении порученного, честность и пр.), сообщались обстоятельства смерти («несмотря на недуг», отправился с поручением и умер «за дело государства»). Этим же указом ему было даровано звание «Тай-цзы Тайфу» 太子太傅 – Наставник наследника престола, пожалован почетный титул «Вэньчжун» 文忠 («Благовоспитанный, преданный»)⁴. В 1851 г. имя Линь Цзэсюя было вне-

¹ Анализ источников и литературы, посвященных Линь Цзэсюю, см. [Врадий, 1993].

² Цин шилу. Сюань-цзун чэн хуанди шилу [清實錄. 宣宗成皇帝實錄] Правдивые записи [династии] Цин. Правдивые записи деяний императора Даогуана. Цз. 216. 12 год [девиз правления] Даогуан 7 месяц 20 день. Ч. 65578, л. 208/2. Цз. 217. 12 год [девиз правления] Даогуан 8 месяц 5 день. Ч. 65594, л. 224/2–225/2. Цз. 222. 12 год [девиз правления] Даогуан доп. 9 месяц 29 день. Ч. 65681, л. 321/2–322/2. Цз. 239. 13 год [девиз правления] Даогуан 6 месяц 23 день. Ч. 65954, л. 577/1. База данных письменных источников “Scripta Sinica Database”. Институт истории, филологии Академия Синика 中央研究院歷史語言研究所漢籍電子文獻資料庫 (Тайбэй, Тайвань). Фонд история 史. Летописи 編年. URL: <http://hanchi.ihp.sinica.edu.tw/ihp/hanji.htm> (дата обращения 13.01.2018).

³ Цин шилу. Сюань-цзун чэн хуанди шилу [清實錄. 宣宗成皇帝實錄] Правдивые записи [династии] Цин. Правдивые записи деяний императора Даогуана. Цз. 301. 17 год [девиз правления] Даогуан 9 месяц 7 день. Ч. 67492, л. 684/1–2. Цз. 301. 17 год [девиз правления] Даогуан 9 месяц 23 день. Ч. 67508, л. 694/1–2. Цз. 309. 18 год [девиз правления] Даогуан доп. 4 месяц, 11 день. Ч. 67738, л. 812/1. База данных письменных источников “Scripta Sinica Database”. Институт истории, филологии Академия Синика 中央研究院歷史語言研究所漢籍電子文獻資料庫 (Тайбэй, Тайвань). Фонд история 史. Летописи 編年. URL: <http://hanchi.ihp.sinica.edu.tw/ihp/hanji.htm> (дата обращения 13.01.2018).

⁴ Цин шилу. Вэнь-цзун сянь хуанди шилу [清實錄. 文宗顯皇帝實錄] «Правдивые записи [династии] Цин. Правдивые записи деяний императора Сяньфэна». Цз. 21. 30 год [девиз правления] Даогуан 1 месяц 12 день. Ч. 72566, л. 308/1–2. База данных письменных источников “Scripta Sinica Database”. Институт истории, филологии

сено в список для поминовения в храме выдающихся чиновников провинции Юньнань, а в 1865 г. – пров. Цзянсу. В 1852 г. была сооружена часовня в память о Линь Цзэсюе в пров. Шэньси, в 1866 г. в уезде Чанчжоу (пров. Цзянсу) построен храм Линь Цзэсюя. По этому поводу выдающийся ученый, государственный деятель Фэн Гуйфэн 馮桂芬 (1809–1857) написал стихи, воспевающие заслуги Линя в Цзянсу [Лай Синься, 1981. С. 447]. В 1882 г. генерал-губернатор Лянцзян Цзо Цзунтан 左宗棠 (1812–1885) в докладе, поданном императору, просил о строительстве в Нанкине кумирни в память о Линь Цзэсюе [Цзо Цзунтан, 1979. Цз. 60, л. 3].

Одной из наиболее известных и почитаемых заслуг Линь Цзэсюя является его борьба с ввозом и сбытом опиума, апофеозом которой стало уничтожение наркотического зелья в Хумэни в июне 1839 г. Еще при жизни Линя ямы, где уничтожался опиум, каменные плиты, устилавшие дно, свайное ограждение, доски, – все сохранялось в прежнем виде. Впоследствии там был создан мемориальный музей, который и сегодня посещают многочисленные экскурсанты. На месте уничтожения опиума высится памятник, созданный в честь сопротивления народа английской агрессии, а рядом возведен монумент Линь Цзэсюю.

Тело Линь Цзэсюя после его смерти было перевезено на родину, в Фучжоу, и похоронен он был, как предписывалось в посмертном императорском указе, с почестями, полагающимися генерал-губернатору. Мавзолей, где вместе с Линем покоятся его ближайшие родственники, четырехъярусная башня, два льва, могильные камни, на которых выбиты надпись, жалованная императором, и некролог, – являются компонентами мемориала Линь Цзэсюя в Фучжоу. Там же на Аомэньлу, в 1905 г. была построена часовня, в настоящее время также являющаяся музеем его памяти⁵.

Закрепить нетленный образ великого государственного мужа были призваны многочисленные биографии, среди них одной из первых стала «Биография Линь Цзэсюя»⁶, составленная по специальному указу императора Сяньфэна 咸豐 (1850–1861) государственным историографическим комитетом *Гошигуань* (國史館).

Написанная в строгой, официальной форме, данная биография отвечает образцам традиционного жанра жизнеописания. Источники, которые использовались при ее составлении, неизвестны. По всей вероятности, были привлечены материалы из перечисления деяний умершего – некролога *синчжуан* 行狀, источника, который дает достаточно точную таблицу служебных перемещений, назначений и пр. Кроме того, в текст биографии довольно широко включены выдержки из докладов Линь Цзэсюя и его коллег императору, касающиеся служебных вопросов. Изложение начинается со времени поступления на службу, сведения о годах юности отсутствуют (характер героя преподносится раз и навсегда заданным). Перечисление служебных перемещений Линя с краткой характеристикой (исключительно положительной, взыскания не упоминаются), выполненного в сфере укрепления речных сооружений, транспортировки соли, налогообложения, борьбы с последствиями наводнений, рисуют картину последовательного повышения Линя по административной лестнице. Определенное внимание уделено антиопиумной борьбе Линь Цзэсюя, его деятельности в провинции Гуандун, взаимоотношениям с «английскими варварами».

В 1928 г. шанхайское книгоиздательство «Чжунхуа шуцзюй» (中華書局) опубликовало часть биографий, в свое время составленных Государственным комитетом по составлению официальной истории правящей династии *Гошигуань* под названием «Жизнеописания знаменитых людей эпохи Цин» (清史列傳), куда составной частью (цз. 38) вошла биография Линь Цзэсюя [Линь Цзэсюй чжуань, 1928]. Первоначальный текст биографии Линя, написанный историографическим комитетом *Гошигуань*, был несколько изменен. Были добавлены некоторые отсутствовавшие детали жизнеописания, уточнена хронология, увеличены цитаты из меморандумов императору, кратко перечислены имевшие место понижения по

Академия Синика 中央研究院歷史語言研究所漢籍電子文獻資料庫 (Тайбэй, Тайвань). Фонд история 史. Летописи 編年. URL: <http://hanchi.ihp.sinica.edu.tw/ihp/hanji.htm> (дата обращения 13.01.2018).

⁵ Музей в районе, где некогда проживал Линь Цзэсюй, был реставрирован недавно, на что ушли немалые средства, полученные от посещения многочисленных туристов (<http://www.linzexu.cn/>).

⁶ Эта биография впоследствии была включена в собрание материалов по истории династии Цин [Цин ши гао, 1942. Цз. 156].

службе, отмечены успехи Линя в деле освоения пустующих и целинных земель в Синьцзяне. При всем том общий комплиментарный стиль биографии был сохранен.

Близким к официальному жизнеописанию по стилю изложения и содержанию является «Биографический очерк Линь Цзэсюя» из собрания «Кратких биографий справедливых, ныне покойных (деятелей) правящей династии» [Линь Вэньчжун гун шилюэ, 1866. Цз. 25, л. 1–7]. Впервые публикация увидела свет в 1866 г., ее составителем является известный цинский сановник, ученый, писатель Ли Юаньду 李元度 (1821–1887). Некоторое время он имел доступ к документам *шилү* 實錄 (жанр «правдивых записей» деяний императора) династии Цин, откуда, вероятно, черпал сведения для составления биографий, чему, по признанию его патрона, известного проводника политики «самоусиления» Цзэн Гофая (1811–1872) 曾國藩, Ли уделял больше внимания, чем своим непосредственным служебным обязанностям [Eminent Chinese of the Ching Period, 1944. P. 498]. Названный сборник является одной из наиболее известных опубликованных работ Ли Юаньду, в нем объединено 500 жизнеописаний выдающихся деятелей Цинской эпохи, живших до 1851 г.

Данная биография относится к типу неофициальных, «частных». В ней так же, как и в написанной комитетом *Гошигуань*, основное внимание уделено государственной деятельности Линь Цзэсюя. Однако вместе с цитатами из служебных документов, часто повторяющих отрывки официального жизнеописания, Ли Юаньду наполнил изложение отдельными фрагментами из биографии Линя, которые оживили текст и вошли в более поздние биографии Линь Цзэсюя⁷. Любопытна композиция источника. Ли Юаньду, начав жизнеописание с упоминания дискуссии по опиумному вопросу, разгоревшейся в конце 30-х гг. в Китае, докладов Хуан Цзюэцзы 黃爵滋 (1793–1853), Линь Цзэсюя, реакции императора на них, сразу как бы ввел читателя в тот период, который высветил всю предшествующую и последующую жизнь героя. Затем следует описание начала служебной карьеры и т. д. Стиль восхваления, характерный для официальной биографии, сохранен.

В 1901 г. было опубликовано «Дополнение к собранию биографий, (изданных) посмертно», куда были включены жизнеописания известных государственных деятелей XIX в., в том числе и биография Линь Цзэсюя, составленная Цзинь Аньцином 金安清 [Цзинь Аньцин, 1901. Цз. 24].

Биография созвучна по своим основным положениям упомянутым выше, однако написана не в столь официальном стиле, как первая, в ней меньше цитат из служебных докладов трону, более подробно изложена государственная деятельность Линя и сделаны попытки дать ей оценку в том же хвалебном тоне. В отличие от прежних биографов, Цзинь Аньцин начал жизнеописание с упоминания предков рода Линь, который, по его утверждению, ведет «аристократическую» генеалогию в Минь 閩 (провинция Фуцзянь) со времен династии Тан (618–907). Общий положительный фон, преобладающий в описании всей жизни и деятельности Линь Цзэсюя, остается прежним: предки отличались «кристальной честностью», маленький Цзэсюй был «в высшей степени понятлив, осмотрителен, усерден, почтителен к родителям», а впоследствии стал «верным и исполнительным», отличающимся «хорошим поведением» чиновником, старающимся выполнить указания двора и не обидеть местных жителей. Поэтому слава о нем «была громкой и повсеместной» [Цзинь Аньцин, 1901. Цз. 24].

Эти три источника являются самыми ранними из доступных автору жизнеописаний Линь Цзэсюя⁸. Отметим некоторые общие черты. Объем биографий небольшой. Впрочем, относительная краткость свойственна едва ли не всем жизнеописаниям, и синологам пока неизвестны многотомные труды такого рода, какие имеют место в западной традиции. В них преобладает описание социальных потенциалов личности, значительно меньше внимания уделено индивидуальным особенностям характера. Содержание биографий составляет существенная (с точки зрения цинского историографа) информация, расположенная в строгой последова-

⁷ К сожалению, источники, из которых черпал сведения автор, не указаны. Можно лишь предполагать, что наряду с документами в жанре *шилү* 實錄 Ли Юаньду была известна биография, составленная сыном Линь Цзэсюя, Линь Цуньи 林聰弼 (1824–1877). Копия данной биографии, краткой по содержанию, хранится в библиотеке исторического факультета университета Сямэнь в КНР [Линь Цуньи].

⁸ Биографии включены в шеститомный сборник «Опиумная война», который был выпущен Китайской исторической ассоциацией в 1954 г. [Япянь чжаньчжэн, 1954. VI, 311–333].

тельности: происхождение, государственная служба в общих чертах, цитаты из официальных докладов. В «частных» биографиях встречаются эпизоды, оживляющие текст, своего рода курьезы, которые могут быть придуманными. В результате появляется отретушированный портрет выдающегося во всех отношениях государственного деятеля, лишённого недостатков.

Характер персонажа представляется раз и навсегда заданным и подтверждается историческими примерами из жизни выдающихся представителей предшествующих поколений рода. Объяснить подобного рода феномен можно, видимо, следующим: все биографии создавались после смерти Линь Цзэсюя, когда уже сложился определенный стереотип представлений о нем как о верном слуге августейшего владыки, преданном государю сановнике. Этот стереотип был узаконен указом императора, где в посмертном похвальном титуле 文忠 *вэньчжун*⁹ были установлены личные качества и характер деятельности канонизированного лица. Авторы или составители биографий едва ли были знакомы с объектом описания, а необходимые факты предоставлялись обычно здравствующими представителями рода¹⁰, воспитанными в традиции почитания старших. Таким образом написанные биографии становились заключительным актом выражения почтения к почившему предку¹¹ и выполняли дидактическую функцию воспитания будущих поколений государственных деятелей в духе конфуцианской морали.

Итак, назовем некоторые особенности биографий, вошедших в состав династийных историй, а также местных исторических описаний. Во-первых, официальные биографии традиционного китайского историописания обычно составлялись людьми одного с объектом жизнеописания социального круга.

Династийные истории, по крайней мере, начиная со времен династии Тан, составлялись исключительно конфуцианскими учеными, состоявшими на государственной службе и занятыми аккуратным, последовательным изложением событий в хронологическом порядке. В дополнение к составлению исторических хроник они также участвовали в написании биографий выдающихся личностей, жизнь которых являла своего рода пример, подтверждавший незыблемость конфуцианского этического стандарта. Основанные на реальных событиях, подобные материалы были призваны предложить варианты разрешения тех или иных вопросов повседневной теории и практики государственного управления. Биографии 列傳 *лечжуань*, таким образом, являли собой иллюстративный материал, отобранный для выделения тех или иных аспектов исторической канвы, отображенной в анналах императоров (本紀 *бэньцзи*). Основной задачей биографического жанра становилось ортодоксальное воспитание лояльных трону государственных служащих, а отнюдь не составление биографий заблуждающихся и колеблющихся личностей.

⁹ Иероглифы, составившие посмертный титул Линь Цзэсюя, многозначны. Однако, если учесть общую направленность ранних жизнеописаний, в том числе и официальных, значение компонентов можно свести к нескольким, связанным между собой по смыслу: 文 *вэнь* – «благовоспитанный», «высоко гражданственный», «интеллектуально совершенный»; 忠 *чжун* «преданный», «честный». Автор выделил два значения, дополняющие друг друга и включающие смысл прочих: «благовоспитанный», «преданный».

¹⁰ На семье покойного лежала обязанность предоставить материалы, необходимые для составления эпитафии либо биографии. Так, сыновья или ближайшие родственники почившей персоны должны были подготовить документ 行狀 *синчжуан*, который мог быть опубликован. Копии этого сочинения вручались авторам эпитафий, а также в императорский государственный комитет Гошигуань (國史館) в случае, если почивший удостоивался чести быть упомянутым в исторической хронике государства. Помимо того, составлялась т.н. «семейная хроника» 家狀 *цзячжуан*.

¹¹ Это позволило современному американскому синологу Р. Говарду назвать их «надгробными биографиями» [Howard, 1962. P. 470]. Критикуя сложившуюся на Западе к концу XIX в. традицию комплиментарной, бесконфликтной биографии, получившей в Англии законченное выражение в так называемой викторианской биографии, выдающийся реформатор жанра жизнеописания, автор «Знаменитых викторианцев» Джэйлс Литтон Стрэйчи (Giles Lytton Strachey, 1880–1932) писал: «Эти два пухлых тома, которыми мы, по обычаю, отмечаем смерть, в тоне утомительного панегирика... напоминают похоронный кортеж – в них та же атмосфера унылого похоронного варварства. Невольно думаешь о некоторых из них, что и составлены они кем-то из чиновников похоронного бюро в качестве последнего номера похоронной программы» (Strachey L. Eminent Victorians. L. and G., 1959. P. 20). Цит. по: [Померанцева, 1987. С. 14].

Во-вторых, предметом описания являлась преимущественно общественная деятельность объекта. Очень редко отражались личная жизнь и индивидуальные особенности человека.

Отметим еще одну отличительную черту биографий китайского историописания – их краткость. Незвестны многотомные описания жизни людей, какой бы высокой ни была их роль в истории Китая. В описании истории Минской династии объем большинства биографий не превышает 800–1000 иероглифов. Одна из самых внушительных биографий, посвященная описанию жизни предводителя крестьянского восстания XVII в. Ли Цзычэна 李自成 (1805–1845), насчитывает 9000 иероглифов и при переводе может быть представлена в виде небольшой книжки. Большинство биографий начального периода китайского историописания, представленных также и в местных историях, насчитывают не более 100–200 иероглифов, каждая, тем не менее, является небольшим самостоятельным произведением в корпусе общего изложения истории.

Из этого правила выпадают многостраничные самостоятельные биографии, хронологически последовательно описывающие жизнь человека по годам, которые носят название 年譜 *няньпу*.

В официальных биографиях бывает представлена существенная с точки зрения бюрократа-историка информация, подобранная по определенному стандарту: описание истории рода (обычно без указания дат рождения), краткая служебная карьера (если таковая присутствует), выдержки из произведений (если они были созданы), типизированные жизненные ситуации, зачастую выдуманные. Подобный портрет призван был отразить типологические характеристики человека, подпадающего под какую-либо категорию. Особенности характера личности проявляются в жизнеописаниях с момента рождения, при этом динамизм развития личности, изменения в чертах характера не показываются.

Аналогичные особенности могут быть отмечены и в подавляющем большинстве неофициальных биографических описаний. Профессор Лондонского университета Д. Твитчетт (Denis C. Twitchett, 1925–2006) в одной из своих статей отметил подобные особенности официальной китайской биографии, относящейся ко временам правления династии Тан. Он объяснил это существенной зависимостью официальных историографов от привлекаемого круга источников, которые ограничивались преимущественно биографиями, написанными частным образом по случаю похорон либо для семейных хроник [Twitchett, 1961. Р. 95–114].

Функциональная задача биографии – отдать дань уважения, воздать должное человеку – предопределили и еще одну их особенность: они составлялись преимущественно после смерти объекта. Хотя были и исключения из общего правила. Нам важно в данном случае то, что культ почитания предков в Китае, вне сомнения, является важным объяснением особенностей составления биографий.

Было бы ошибочным утверждать, что во всех китайских биографиях присутствуют лишь подобного рода особенности биографического описания. Порой автор неофициальной биографии был непосредственно знаком с объектом описания и выполнял работу, исходя из личных наблюдений и руководствуясь собственными побудительными мотивами.

Подводя итог, отметим, что для китайской историографии характерна устойчивость тенденций в описании роли той или иной исторической личности, при этом зачастую история сводится к противопоставлению «плохого» человека «хорошему». Как правило, эти тенденции присутствуют уже в сочинениях современников. Проникая в последующую литературу, они меняются в зависимости от политической обстановки и взглядов автора. Исследователь, обращаясь к источникам подобного рода, может оказаться в плену сформировавшихся тенденций китайского историописания, поскольку используемые им сведения уже являются иллюстрацией достоверности той или иной утвердившейся в соответствующее время оценки. Вот почему современному историку следует, отбросив предвзятые суждения, выяснить, какие тенденции и почему имели место в историографии вопроса.

Список литературы

Врадий С. Ю. Линь Цзэсюй. Патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1993. 175 с.

Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: Замыслы и воплощение серии. М.: Книга, 1987. 336 с.

Eminent Chinese of the Ching Period (1644–1912): In 2 vols. / A.W. Hummel (ed.). Washington: Government Printing Office, 1943–1944. 1103 p.

Howard R. C. Modern Chinese Biographical Writing // «The Journal of Asian Studies». 1962. Vol. 21, № 4. P. 465–475.

Twitchett D. C. Chinese Biographical Writing // W.G. Beasley and E.G. Pulleyblank (ed.), *Historians of China and Japan*. London: Oxford Univ. Press, 1961. P. 95–114.

Лай Синься. Линь Цзэсюй няньпу [來新夏。林則徐年譜]. Хроника жизни Линь Цзэсюя. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1981. 509 с. (на кит. яз.)

Линь Вэньчжун гун шилюэ [林文忠公事略]. Биографический очерк Линь Цзэсюя // Гочао сяньчжэн шилюэ [國朝先正事略]. Краткие биографии справедливых, ныне покойных [деятелей] правящей династии. 60 цз. / Сост. Ли Юаньду. Б. м., 1866. Цз. 25, л. 1–7. (на кит. яз.)

Линь Цзэсюй чжуань [林則徐傳]. Биография Линь Цзэсюя // Цин ши лечжуань [清史列傳]. Биографии знаменитых людей эпохи Цин. 80 цз. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1928. Цз. 38. (на кит. яз.)

Линь Цунъи. Вэньчжун гун няньпу цаогао [林聰彝。文忠公年譜草稿]. Черновой набросок хроники жизни Линь Цзэсюя. Б. м., б. г. (на кит. яз.)

Цзинь Аньцин. Линь Вэньчжун-гун чжуань [金安清。林文忠公傳]. Биография Линь Цзэсюя // Сюй бэйчжуань цзи [續碑傳集]. Дополнение к собранию биографий [изданных] посмертно / Сост. Мяо Цюаньсунь (86 цз. Б. м., 1901. Цз. 24. (на кит. яз.)

Цзо Цзунтан. Цзо Вэньжан-гун цюань цзи [左宗棠。左文襄公全集]. Полное собрание сочинений Цзо Цзунтана. Тайбэй: Вэньхай, 1979. (на кит. яз.)

Цин ши гао [清史稿]. Черновая история цинской династии. Лечжуань [列傳]. Биографии. 316 цз. Бэйпин: Ляньхэ шудянь, 1942. (на кит. яз.)

Япянь чжаньчжэн. Чжунго цзиньдай ши цзыляо цункань [鴉片戰爭。中國近代史資料叢刊]. Опиумная война. Собрание материалов по истории Китая в новое время / Сост. Ци Сыхэ и др. В 6 т. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ 神州國光社, 1954. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 02.01.2018

Sergey Yu. Vradiy

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Far-Eastern People FEB RAS
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation*

vradis@yandex.ru

QING HISTORIOGRAPHY ABOUT LIN ZEXU (1785–1850): TRADITIONS OF BIOGRAPHY GENRE

In China, biography writing for many centuries has occupied a special position; a position shaped both by the forms and purposes of Chinese historical writing and by the fabric of Chinese society. The approach to biography found in the official dynastic histories, as well as in local histories compiled for individual districts of the empire had several distinctive characteristics. The ultimate purpose of a biography was to instruct officials in orthodoxy.

The present article is part of academic research in which the author tries to investigate tendencies in historiographical tradition in China by means of the description of an eminent person in Qing history – Lin Zexu 林則徐 (1785–1850), who has been honored and remembered for his resolute opposition to the opium trade and stiff resistance to foreign incursions. The sources used depict genuine attempts to create Lin Zexu's image as a dedicated official loyal to the Emperor. Later his image was developed to that of a national patriot (during the Kuomintang period of China). More recently PRC historians have portrayed him, on the one hand, as a patriot who struggled against the

foreign invasion, and, on the other hand, as a clever official who attempted to make use of Western scientific achievements.

Interest in Lin Zexu has been continuous until the present. Soon after his death, many writers produced works describing his life and activities. Certain historiographic conventions are evident in their descriptions. One of the major features of Chinese biographical writing is its tendency to stereotype its subjects. As a rule, such stereotyping is established in a more or less developed form in the writings of the subject's contemporaries. In later literature, however, characterizations may be altered according to current political conditions and the views of individual authors. Lin Zexu's early biographies were written in a strictly conventional style. One similarity is that they all are quite short. This comparative conciseness, however, may be a feature of Chinese biographical writing. The character of the subject is once and for all defined, and the common result is a retouched portrait of the completely idealized prominent statesman, presented as a flawless model.

Written in such a manner, Qing biographies served as finales in the process of sanctification of the deceased ancestors, while also fulfilling a didactic function by encouraging future state officials to cultivate Confucian morale.

Keywords: Qing China, Lin Zexu 林則徐 (1785–1850), biographical writing, traditional Chinese historiography.

References

Eminent Chinese of the Ching Period (1644–1912): In 2 vols. Ed. by A. W. Hummel. Washington, Government Printing Office, 1943–1944, 1103 p.

Howard R. C. Modern Chinese Biographical Writing. *The Journal of Asian Studies*, 1962, vol. 21, № 4, p. 465–475.

Jin Anqing. Lin Wenzhong-gong zhuan [金安清。林文忠公傳]. Lin Zexu Biography. *Xu beizhuan ji* [續碑傳集]. Additional issue to the posthumous biographies collection. Ed. by Miao Quanzun, in 86 juan. No place, 1893, Juan 24. (in Chin.)

Lai Xinxia. Lin Zexu nianpu [來新夏。林則徐年譜]. Lin Zexu Life Chronicle. Shanghai, Renmin chubanshe, 1981, 509 p. (in Chin.)

Lin Congyi. Wenzhong-gong nianpu caogao [林聰弈。文忠公年譜草稿]. Draft sketch of Lin Zexu life chronicle. No place, No date. (in Chin.)

Lin Wenzhong-gong shilue [林文忠公事略]. The Biographical Sketch of Lin Zexu. *Guochao xianzheng shilue* [國朝先正事略]. *The Brief Biographies of Just Men, now Deceased, of the Ruling Dynasty*. In 60 juan. Comp. by Li Yuandu. No place, 1866, Juan 25, p. 1–7. (in Chin.)

Lin Zexu zhuan [林則徐傳]. Lin Zexu Biography. *Qing shi liezhuan* [清史列傳]. *Qing Dynasty Biographies*. In 80 juan. Shanghai, Zhonghua Shuju, 1928, Juan 38. (in Chin.)

Pomerantseva G. E. Biografiya v potoke vremeni [Biography in a Life Stream]. Life of extraordinary people: concept and its implementation. Moscow, Kniga, 1987, 336 p. (in Russ.).

Qing shi gao. Liezhuan [清史稿。列傳]. Qing Dynasty History Draft. Biographies. In 316 juan. Beijing, Lianhe shudian, 1942. (in Chin.)

Twitchett D. C. Chinese Biographical Writing. *Historians of China and Japan*. W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank (eds.). London, Oxford Uni. Press, 1961, p. 95–114.

Vrady S. Yu. Lin Zexu. Patriot, mislitel, gosudarstvenniy deyatel tsinskogo Kitaya [Lin Zexu. Patriot, Thinker, State Official of Qing China]. Vladivostok, Far-Eastern State University publ. house, 1993, 175 p. (in Russ.)

Yapian zhanzheng. Zhongguo jindai shi ziliao congkan [鴉片戰爭。中國近代史資料叢刊]. Opium War. Collection of materials for China Modern History. In 6 vols. Shanghai, Shenzhou Guoguang she, 1954. (in Chin.)

Zuo Zongtang. Zuo Wenrang gong quan ji [左宗棠。左文襄公全集]. Zuo Zongtang Complete Works. Taipei, Wenhai publishing house, 1979. (in Chin.)

Д. А. Глазунов

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

dm.glazunoff@yandex.ru

ФЕНОМЕН РЕФОРМАТОРОВ В ПРОВИНЦИИ ЛЯОНИН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГОДОВ)

Статья посвящена руководству провинции Ляонин в эпоху проведения реформ открытости. Регионы в Китае имеют значительную автономию в экономической и управленческой сфере. Автор собрал и проанализировал биографии членов Постоянного комитета КПК провинции Ляонин. Во второй половине 1980-х гг. в Постоянном комитете была собрана группа людей, во главе с их лидером Цюань Шучжэнем, и провела реформы. Анализ биографии показал, что это были новые люди в политике, которые не были «запачканы» культурной революцией. Наоборот, они ее жертвы, в свое время были разжалованы и переведены на низовую работу. Общим объединяющим началом реформаторов стало желание преодолеть негативные последствия культурной революции. Значительная часть членов Постоянного комитета были уроженцами провинции или проработали здесь длительное время, хорошо знали свой регион. Большинство из них прошли путь от рабочего до директора завода, поэтому понимали ситуацию в производстве и сельском хозяйстве, знали потребности народа. Деятельность реформаторов не ограничилась территорией Ляонин, многие из них были назначены на высшие посты других провинций, а некоторые получили высокие должности в центральном правительстве.

Ключевые слова: Постоянный комитет КПК, провинком, Ляонин, реформы.

Специфика китайского государства предполагает большую степень автономии региональных властей в вопросах развития экономики на местах. В этой связи интересно изучить опыт проведения реформ в регионах Китая. Наименее изученным вопросом в историографии новейшего времени Китая, на наш взгляд, является феномен региональных реформаторов 1980-х гг. В центре нашего внимания находится Северо-Восточный регион КНР, который до недавнего времени относился к одному из развитых в социально-экономической сфере. На материалах провинции Ляонин мы предлагаем рассмотреть личный состав Постоянного комитета (далее ПК) КПК – главного руководящего органа в китайских регионах.

При написании статьи основным источником послужили биографии партийных и государственных деятелей провинции Ляонин, опубликованные на китайском сайте «Байду». Эти фактически официальные делопроизводственные документы содержат информацию о дате, месте рождения, об образовании, основных служебных передвижениях и пр.

Политэкономическая модель Ляонина позволила сконцентрировать во властных структурах середины 1980-х гг. целую группу деятелей, которые провели важные реформы в различных сферах жизни провинции. Реформаторы сгруппировались вокруг Цюань Шучжэня, главы ПК КПК провинкома, главного руководящего органа провинции. Отметим, что в 1983 и 1985 гг. была проведена реорганизация ПК, в результате которой была изменена его структура. Начиная с 1985 г., он состоял из 13 человек: секретарь, четыре-пять заместителя и семь-восемь членов.

Глазунов Д. А. Феномен реформаторов в провинции Ляонин (вторая половина 1980-х годов) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 108–113.

Анализ нового состава ПК показал, что он был полностью обновлен. «Старая гвардия» была выведена в консультативный совет, а к власти пришли относительно новые люди. Поименный список VI состава ПК КПК представлен в таблице.

VI состав ляонинского провинциального комитета (1985–1990 гг.)

Должность	Имя, время службы в должности
Секретарь провинкома	Ли Гуйсянь (1985.06–1986.04) Цюань Шужэнь (1986.04–1990.08)
Зам. секретаря, губернатор	Цюань Шужэнь (1985.06–1986.04) Ли Чанчунь (1985.06–1990.06) Юэ Цифэн (1990.06–1990.08)
Зам. секретаря	Сунь Вэйбэнь (1985.06–1985.10) Ван Цзюйлу (1987.10–1990.08)
Зам. секретаря, секретарь горкома Шэньяна	Ли Чанчунь (1985.06–1986.04) Ли Цзэминь (1985.11–1989.01) *
Зам. секретаря, первый заместитель секретаря	Сунь Ци (1985.10–1990.08)
Зам. секретаря, начальник политико-юридического отдела	Ван Цзюйлу (1985.06–1987.10)
Член ПК, глава федерации профсоюзов (с 1987 г. совмещала обязанности зам. губернатора)	Чэнь Сучжи (1985.06–1990.08)
Член ПК, начальник отдела пропаганды провинкома	Шэнь Сяньхуэй (1985.06–1988.04(?)) Ван Чунлюй (1988.04–1990.08)
Член ПК, военный комиссар	Лю Дунфань (1985.06–1990.08)
Член ПК, начальник организационного отдела провинкома	Шан Вэнь (1985.06–1990.08)
Член ПК, зам. губернатора ***	Бай Личэня (1985.06–1987.02)
Член ПК, секретарь дисциплинарной комиссии	Гао Цзы (1985.06–1990.08)
Член ПК, начальник политико-юридического отдела провинкома	Ван Цзюйлу (1985.06–1987.10) **
Член ПК, зам. губернатора	Чжу Цзячжэнь (1985.06–1990.08)
Начальник секретариата провинкома	Юй Силин (1987.11–1990.08)

* Показана преемственность относительно секретарства горкома Шэньяна.

** Став зам. секретаря, совмещал должность начальника политико-юридического отдела провинкома до октября 1988 г.

*** Фактически должность была исключена из состава провинкома (ее функции переданы Чэнь Сучжи), а взамен введен начальник секретариата.

Ключевая фигура в провинции – это секретарь провинкома (возглавлявший и его ПК), которому принадлежит вся полнота власти в регионе. Среди прочих его обязанностей следует выделить две: назначение глав горкомов в городах провинциального и субпровинциального значения и решение внутрипартийных вопросов провинции. Поэтому интерес к Ли Гуйсяню и Цюань Шужэню возникает в первую очередь.

В 1985 г. на должность секретаря провинкома был назначен Ли Гуйсянь (1937 – по с. д.). Первые этапы его трудовой деятельности связаны с работой на производстве (1965–1977) и службой в отраслевых учреждениях региона (1977–1985). Став секретарем ПК провинкома, он фактически сразу же был назначен на аналогичный пост в Аньхой. Тем не менее, высшим достижением в его послужном списке стала деятельность в Правительстве КНР (1988–1998).

В частности, он был членом Госсовета, главой китайского банка и ректором государственной академии¹.

Служебные продвижения Ли Гуйсяня в центральных органах власти имели важное значение для провинции Ляонин. Фактически он оказывал покровительство ляонинской партийной элите, продвигал ее интересы. С другой стороны, фракция, в которую входил Ли Гуйсянь, использовала в своих интересах возможности местной партноменклатуры. Роль фракций в политической системе КНР более подробно проанализировал Чжан Ян².

Цюаню Шужэню (1930–2008) была посвящена отдельная статья [Глазунов, 2017. С. 19–26]. Отметим кратко, что он был репрессирован в годы культурной революции, разжалован и вынужден начинать заново свой профессиональный путь от рабочего до директора завода. Период его управления провинцией Ляонин пришелся на эпоху проведения в Китае реформ открытости. Именно Цюань Шужэнь реализовал целую серию реформ в провинции Ляонин. Основное направление его преобразовательной деятельности коснулось приморских городов, благодаря которым экономика Ляодунского полуострова стала внешнеориентированной, технологичной. Были открыты филиалы иностранных фирм и банков. Разные части провинции Ляонин объединились в единый экономический организм. Не менее важной реформой стала реорганизация государственных предприятий, которые стали в своем производстве учитывать рыночную конъюнктуру. Цюань Шужэнь уделил огромное внимание аграрной отрасли, в которой проводилась политика «трех дел на селе».

Фактически вокруг фигуры Цюань Шужэня собралась команда из лиц, судьба которых во многом напоминала его. Лица, входившие в состав ПК, распадались на две части. Первая часть – это заместители секретаря, которые составляли ближайшее окружение секретаря ПК. Вторая – остальные члены ПК КПК провинкома. В соответствии с таблицей в первую часть вошли: Цюань Шужэнь, Ли Чанчунь, Сунь Вэйбэнь, Ли Цзэмин, Сунь Ци, Ван Цзюйлу.

Ли Чанчунь (1944 – по с. д.) принадлежал к поколению 40-х годов. Получив высшее образование, прошел трудовой путь от техника до генерального директора завода (1966–1980). Далее, зарекомендовав себя хорошим руководителем г. Шэньяня (столица провинции), смог получить должность губернатора (второе лицо в провинции после секретаря ПК) Ляонин. В последующем полученный опыт управления ляонинской экономикой он реализовывал на высших постах в провинциях Хэнань (1993–1997) и Гуандун (1998–2002). Входил в ограниченный круг лиц, которые принимали решения на государственном уровне, будучи членом политбюро ЦК КПК (2002–2012)³.

Судьбы Сунь Вэйбэня⁴ (1928 – по с. д.) и Сунь Цзи⁵ (1930 – по с. д.) во многом схожи с Чуань Шужэнем. Будучи уроженцами провинции Ляонин, достигнув определенных успехов в своей деятельности (оба в сфере управлениями уездного уровня), подверглись репрессиям в годы культурной революции и понижены в должностях. В начале 1970-х гг. были восстановлены в правах и вновь возобновили свою служебную деятельность. До назначения на должность замсекретаря ПК провинкома Сунь Вэйбэнь дошел до высшего партийного поста округа Телин, а Сунь Цзи – округа Чаоян. В дальнейшем их судьбы разошлись. Сунь Вэйбэнь сделал карьеру в Хэйлунцзян, став секретарем провинкома, а Сунь Цзи остался в Ляонин, получив должность секретаря дисциплинарной комиссии и позже председателя народного политического консультативного совета (далее НПКС).

В отличие от вышеупомянутых деятелей Ли Цзэминь (1934 – по с. д.) не был уроженцем провинции, но вся трудовая деятельность с 1960-х гг. прошла в ней. Также как и большинство его коллег стал жертвой культурной революции, но впоследствии был реабилитирован и получил право работать в административных структурах. В ПК КПК попал будучи секре-

¹ Ли Гуйсянь [李贵鲜]. URL: <https://baike.baidu.com/item/李贵鲜> (дата обращения 10.10.2017).

² Zhang Yang. Taming factions in the Chinese Communist party. PhD (Doctor of Philosophy) thesis, University of Iowa, 2016 // <http://ir.uiowa.edu/etd/2170> (дата обращения 10.10.2017).

³ Ли Чанчунь [李长春]. URL: <https://baike.baidu.com/item/李长春/115533> (дата обращения 10.10.2017).

⁴ Сунь Вэйбэнь [孙维本]. URL: <https://baike.baidu.com/item/孙维本> (дата обращения 10.10.2017).

⁵ Сунь Цзи [孙奇]. URL: <https://baike.baidu.com/item/孙奇/2830089?fr=aladdin> (дата обращения 01.12.2017).

тарем горкома Шэньяна (пришел на смену Ли Чанчуню). После службы в Ляонине занимал высший пост в провинкоме Цзянсу⁶.

Наконец, Ван Цзюйлу (1945 – по с. д.), политик нового поколения, родился вне провинции, но как и у Ли Цзэминя весь профессиональный путь до назначения на должность заместителя секретаря прошел в провинции Ляонин. Его работа была связана с низовым сельским управлением. Управленческие навыки, полученные на селе, позволили ему с 1980 г. успешно зарекомендовать себя в уездных структурах и возглавить провинциальную комсомольскую организацию. После ухода Цюаня Шужэня с поста секретаря провинкома он перемещается в центральные структуры (1993–2005), выполняя функции замминистра юстиции, замначальника секретариата Всекитайского НПКС. Последний этап его трудовой деятельности прошел (с 2005 г.) в провинции Хэйлунцзянь в качестве руководителя местного НПКС⁷.

Краткий анализ служебных «траекторий» секретарей ПК провинкома и их заместителей позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, весь руководящий состав ПК хорошо знал о проблемах провинции, так как они были ее уроженцами и посвятили свою жизнь службе в интересах «малой родины» или имели длительный опыт работы на ее территории.

Во-вторых, большинство высокопоставленных деятелей (Цюань Шужэнь, Сунь Вэйбэнь, Сунь Цзи, Ли Цзэминь) прошли через горнило культурной революции и вынуждены были вновь выстраивать свою карьеру. При этом все в дальнейшем добились больших успехов, что может свидетельствовать о большой силе их характера. Более того, они прочувствовали потребности народа, а оставшуюся жизнь посвятили улучшению положения народных масс. Народ, в свою очередь, отвечал лояльностью. Например, Цюань Шужэня прозвали «народным директором» за внимательное отношение к простым рабочим.

В-третьих, в VI составе ПК провинкома были сильны позиции «производственников»: можно сказать, что этот ПК представлял собой собрание директоров заводов. Неудивительно, что им были знакомы проблемы промышленности и сельского хозяйства. В совокупности понимание потребностей народа и проблем развития крупных государственных предприятий, сельского хозяйства позволило сформулировать и собственную региональную идеологию реформ: «Поддерживать нормы производительности с помощью практики и уважения инициатив народных масс» [Цюань, 1988. С. 3].

В-четвертых, можно наблюдать своеобразный «экспорт» реформаторов в другие провинции. Состав ПК провинкома был достаточно мобильным. Заместители секретаря ПК КПК ляонинского провинкома впоследствии возглавили Хэнань, Гуандун, Хэйлунцзян, Цзянсу. При этом необходимо понимать, что решающую роль в этом процессе играл центр, который исходил в том числе из логики усиления фракционных сил.

Оставшиеся члены ПК КПК провинкома дополняют уже описанную выше ситуацию. Например, следует выделить, прежде всего, заместителей губернатора Бай Личэня, сменившего его Юй Силина, Чжу Цзячжэня и Чэнь Сучжи. Рассмотрим, к примеру, жизненный путь Бай Личэня. Он – уроженец провинции Ляонин. Получив образование в аграрном институте, был направлен на работу в деревню и постепенно дослужился до высших постов в городах Инкоу и Пяньцзинь. Его деятельность не ограничилась провинцией Ляонин, далее он продолжил службу в Ганьсу⁸. Что касается Чжу Цзячжэня, который хоть и родился в Пекине, но после окончания вуза и до 1980-х гг. работал на нефтеперерабатывающем заводе в г. Фушунь, пройдя путь от рабочего до заместителя директора нефтяной компании. Чжу Цзячжэнь – классический пример топ-менеджера, который, проработав в провинциальных и даже в центральных правительственных структурах, в итоге стал генеральным директором известной в Китае нефтяной компании⁹.

Чэнь Сучжи интересна не только тем, что она была единственной женщиной в составе ПК, возглавляя союз профсоюзов провинции, а с 1988 г. выполняя и функции заместителя губер-

⁶ Ли Цзэминь [李泽民]. URL: <https://baike.baidu.com/item/李泽民/4915721> (дата обращения 20.11.1917).

⁷ Ван Цзюйлу [王巨禄]. URL: <https://baike.baidu.com/item/王巨禄> (дата обращения 01.12.2017).

⁸ Бай Личэнь [白立忱]. URL: <https://baike.baidu.com/item/白立忱> (дата обращения 20.10.2017).

⁹ Чжу Цзячжэнь [朱家甄]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5d9578af0100yk81.html (дата обращения 20.10.2017).

натора, а тем, какую трансформацию ей пришлось пройти. Философ по образованию, она была репрессирована во время культурной революции и вынуждена заняться низовой партийной и профсоюзной деятельностью. Со временем смогла подняться вверх по служебной лестнице и занять кресло директора завода. Кроме того, Чэнь Сучжи активно занималась реабилитацией жертв культурной революции¹⁰. Она инициировала и повторно открыла мемориал «Ляошэньской операции». Напомним, что памятник был закрыт во время культурной революции после гибели известного генерала Линь Бяо. В настоящее время мемориал «Ляошэньской операции» – это памятник патриотизма китайского народа, коммунистических идей и осуждение итогов культурной революции.

Стоит обратить внимание на партийное начало в ПК КПК. Круг лиц, который был связан не с административной работой, а партийной, формировался из начальников отделов провинкома. В нашем случае речь идет о начальниках отдела агитации и пропаганды (Шэнь Сяньхуэй¹¹, Ван Чунлюй¹²), секретариата (Юй Силин), секретаря дисциплинарной комиссии (Гао Цзы) и организационного отдела (Шан Вэнь). Информации по партийным работникам VI состава ПК КПК провинции Ляонин достаточно скудная, чтобы дать развернутую характеристику. Возможно, показательным может являться биография Ван Чунлюя, который был в 1980-е годы известным писателем, эссеистом, обладателем многих литературных премий. Ван Чунлюй в своих произведениях придерживался идеи рационального консерватизма.

Таким образом, личности реформаторов имеют важное значение при проведении социально-экономических преобразований, которые были осуществлены в Китае в 1980-е гг. Схожесть судеб реформаторов, которые сплотились вокруг Цюань Шужэня, говорит о том, что их появление в истории было неслучайным. Все они были «продуктом» предшествующей эпохи, все они были в той или иной мере жертвами культурной революции. Основным мотивом их деятельности стало желание преодолеть последствия культурной революции и улучшить материальное положение народа. Будучи разжалованными и переведенными на низовую работу, они стали более осведомлены о состоянии местной экономики, чаяниях народа, который жаждал перемен; они понимали рыночную конъюнктуру, руководили крупными заводами. Реформы, проведенные в провинции, совпали с курсом центрального правительства, что обеспечило им дополнительный успех.

Список литературы и источников

Глазунов Д. А. Реформаторская деятельность Цюань Шужэня: становление региональной модели экономики провинции Ляонин // Изв. Алт. гос. ун-та. 2017. № 2 (94). С.19–26.

Цюань Шужэнь. Цзинь ибу цзефан сянцинь ибу цзефан шэнчаньли [全树仁。进一步解放思想进一步解放生产力//党建]. Раскрепостить сознание – значит раскрепостить производительные силы // Данцзянь. 1988. № 5. С. 4.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

¹⁰ Чэнь Сучжи [陈素芝]. URL: <https://baike.baidu.com/item/陈素芝> (дата обращения 24.11.2017).

¹¹ Шэнь Сяньхуэй [沈显惠]. URL: <https://baike.baidu.com/item/沈显惠> (дата обращения 24.11.2017).

¹² Ван Чунлюй [王充闾]. URL: <https://baike.baidu.com/item/王充闾> (дата обращения 24.11.2017).

Dmitrij A. Glazunov

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

dm.glazunoff@yandex.ru

THE PHENOMENON OF REFORMERS IN THE LIAONING PROVINCE (SECOND HALF OF THE 1980s)

The article is devoted to the leadership of the Liaoning Province during the era of reform of openness. Chinese regions have considerable autonomy in the economic and administrative spheres. The author collected and analyzed the biographies of members of the VI Standing Committee of the Communist Party of the Liaoning Province. Provinkom (Provincial Party Committee) was the supreme governing structure of the province. In 1985, the reform of the provincial committees was carried out, which began to rely not on the collegial, but on the sole principle of government. The leader of the Liaoning Province in this period was Quan Shuren, who gathered 12 like-minded people around him – deputies and members of the Standing Committee of the CCP. In fact, there was a whole group of reformers, who had a similar destiny and the same affirmations for reforms. Based on the traditions of management of Chinese regions, the effectiveness of the work was determined by successes in their previous work, as a rule, in the lower urban districts. An analysis of their biographies showed that in the second half of the 1980s, the composition of the Liaoning Provinkom included new people in politics, who, above all, were not “stained” by the cultural revolution. On the contrary, they were its victims. Therefore, the general beginning of the reformers was the desire to overcome the negative consequences of the cultural revolution. A significant part of the Standing Committee members were natives of the province or ones who had worked there for a long time and knew their region well. Most of them went from working to becoming factory directors, so they understood the processes of production. We can say that the VI convocation of the Standing Committee is a “board of directors of factories”. A similar situation developed for other spheres of the economy: reforming taking into account the experience of many years of practice. Reforms in the provinces coincided with the course of the central government, which provided them with additional success. The activities of the reformers were not limited to the territory of Liaoning, and many of them were appointed to senior positions in other provinces. The province had its own personnel reserve, which indicates a well thought-out management policy. The provincial leaders became “card donors” not only at provincial, but also at central level.

Keywords: CPC Standing Committee, Provincial Committee, Liaoning, reforms

References

Glazunov D. A. Reforming activity of Quan of Shenren: formation of a regional model of the economy of Liaoning Province. *Izvestiya of Altai State University*, 2017, no. 2 (94), p. 19–26. (in Russ.)

Quan Shuren. Jin yibu jiefang jin yibu jiefang shengchanli [全树仁. 进一步解放思想 进一步解放生产力 // 党建]. To liberate consciousness means to liberate the productive forces. *Danjian*, 1988, no. 5, p. 4. (in Chin.)

УДК 903.26 + 94(510).01

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-114-120

Тан Чун (Дэн Цун)

*Центр археологии и искусств Китая, Китайский университет Гонконга
Шатин, Новые территории, Гонконг, Китай*

tangchung1230@gmail.com

ЗУБЧАТЫЕ СКИПЕТРЫ ЯЧЖАН И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА «СРЕДИННОГО ГОСУДАРСТВА»*

Представлены основные характеристики и этапы развития одного весьма специфического типа нефритовых (в основном) ритуальных объектов Древнего Китая и сопредельных территорий – зубчатого скипетра *ячжан*. Автор связывает его с обрядами государственного уровня, которые были важнейшей составной частью политической деятельности на раннем этапе становления государственности. По археологическим материалам прослежены маршруты распространения *ячжан* (и, очевидно, связанных с ними ритуальных практик): с территории п-ова Шаньдун, где зафиксированы наиболее ранние образцы, – в район среднего течения Хуанхэ – с постепенным перемещением в верховья (до современной пров. Ганьсу) – и с поворотом на юг, в долину Янцзы, с разделением на два направления: юго-западное и юго-восточное. Для интерпретации находок в долине Хуанхэ представляется возможным привлекать сведения письменных и эпиграфических источников о деятельности династий Ся и Шан. К позднему периоду Шан относится формирование концепции «Срединного государства», которая становится основой представлений о «мировом порядке» той эпохи в регионе Восточная Азия.

Ключевые слова: скипетр *ячжан*, Древний Китай, династии Ся и Шан, политический порядок, символ власти.

Самая ранняя из зафиксированных письменной историей династия правителей на территории Китая – это династия Ся¹; общепризнано, что зубчатые скипетры *ячжан* относятся к важнейшим ритуальным нефритовым изделиям [Сунь Цинвэй, 2013]. По современным данным, словосочетание «Срединное государство» впервые появляется в надписи на бронзовом сосуде начального периода Западного Чжоу «Хэ цзунь», где среди прочего сказано: «Как только У-ван покорил Великий город Шан, то из своего дворца обратился к Поднебесной со словами: “Теперь здесь будет середина этого государства, отсюда буду управлять народом”» [Дун Шань, 2012. С. 44]. Из приведенного текста понятно, что пространство Срединного государства соответствовало Лоянской котловине; можно предположить, что возникновение самого термина, вероятно, восходит к эпохе, предшествовавшей династии Шан.

Зимой 1990 г. Ли Жунсэн, сотрудник фонда Байшаньтан (Гонконг), руководил археологическими работами, которые проводил Китайский университет Гонконга (КУГК). В ходе работ в пункте Давань в южной части острова Нанья (Ламма) нашли нефритовый скипетр

* Перевод с китайского языка на русский выполнен С. А. Комиссаровым и М. А. Кудиновой; работа осуществлена в рамках Плана НИР СО РАН на 2018 г., проект № 0329-2018-004.

¹ Большинство российских исследователей придерживаются более осторожных позиций по проблеме историчности династии Ся и ранней государственности в Китае. – Здесь и далее прим. переводчиков.

Тан Чун (Дэн Цун). Зубчатые скипетры *ячжан* и начальный этап формирования мирового порядка «Срединного государства» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 114–120.

Нефритовый скипетр *ячжан*,
найденный при раскопках в Давань, на юге о. Нанья (Ламма), Гонконг
(фото проф. Тан Чуна)

ячжан (см. рисунок), который научное сообщество отнесло к памятникам материальной культуры уровня «государственной драгоценности» [Ли Го, Ли Сюго, 1991]. В 1994 и 2016 гг. Центр китайской археологии и искусства КУГК последовательно провел две международные конференции, посвященные данной находке. Последняя из них проходила в октябре 2016 г. на базе Института археологии и материальной культуры г. Чжэнчжоу и достигла прекрасных результатов [Дунъя *ячжан*..., 2016]². В данной статье мы предполагаем изучить связи между находками скипетра *ячжан* и возникновением государства в Китае в эпоху Ся и ранний период Шан.

За почти 30-летний период с момента открытия и до наших дней пройден долгий путь в изучении проблемы зубчатых скипетров *ячжан* в Восточной Азии. Нам удалось осуществить углубленное исследование всего круга памятников, где найдены подобные скипетры, и к октябрю 2016 г. завершить фотографирование и анализ находок на территориях Китая (в бассейнах рек Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян) и Вьетнама (бассейн реки Красной). Эта работа охватила несколько десятков полевых местонахождений, музейных и институтских хранилищ. Выяснилось, что карта распространения скипетров *ячжан* в значительной мере совпадает с территорией появления ранних государств в Восточной Азии. Так, в бассейне Хуанхэ довольно развитые зубчатые скипетры и другие нефритовые изделия соответствуют позднему этапу культуры Луншань.

В ходе долгой совместной исследовательской работы с китайскими и зарубежными учеными нам удалось сравнительно полно раскрыть историю развития скипетров *ячжан*, которая прошла через четыре основных этапа.

1. Примерно 4 500 лет назад такие скипетры впервые появились на памятниках культур Давэнькоу и Луншань в районе полуострова Шаньдун, который является источником их происхождения [Дэн Цун, Луань Фэнши, Ван Цян, 2014].

2. Начиная с периода 4 000 лет назад шаньдунские зубчатые скипетры распространяются из районов нижнего течения Хуанхэ вверх по долине, пройдя среднее течение, проникают на территорию современной пров. Шэньси и, в конечном счете, достигают верхнего течения в современной пров. Ганьсу. В ходе этого процесса на этапе позднего периода древнего го-

² Ван Юнцзи. Шицянью юй ячжан яньцзю ю синьшо, хо вэй цзекай цзаоци гоцзячжи мидэ иба яоши [汪永基. 史前玉牙璋研究有新说, 或为解开早期国家之谜的一把钥匙]. Новые концепции в изучении доисторических нефритовых скипетров *ячжан* – как ключ к раскрытию тайны государства раннего периода // ИА Синьхуа он-лайн, 6.11.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/local/2016-11/04/c_1119853508.htm (дата обращения 15.01.2018).

сударства Шимао³ происходит увеличение скипетров в размерах, длина самого крупного составляет почти 50 см.

Зубчатые скипетры культуры Цицзя (на территории современной пров. Ганьсу), вероятно, сформировались под влиянием Шимао. Это первая волна распространения скипетров – с востока на запад, в основном в долине Хуанхэ, открывшая древние магистральные пути. Именно на этих пространствах примерно вдоль 35-й параллели (35° с.ш.) располагались исторические столицы государств древнего и средневекового Китая от эпохи Трех династий (Ся, Шан, Чжоу), а также Цинь – и до династии Северная Сун.

3. Для периода 3 700–3 600 лет назад в уезде Яньши, пров. Хэнань известен памятник Эрлитоу, который считается столицей государства Ся позднего периода. Под влиянием «государства» Шимао наблюдается увеличение в размерах эрлитоуских скипетров *ячжан*. Они становятся совершенной ритуальной утварью царских покоев, в которой отразилось воплощение государственного политического строя [Дэн Цун, Ван Фан, 2015]. Такова была вторая волна распространения скипетров – с запада на восток. Между зубчатыми скипетрами, найденными на памятниках Шимао, Хуадицзуй⁴, Эрлитоу, существовали тесные связи.

4. На основе комплексного анализа особенностей зубчатых скипетров, найденных в бассейнах рек Янцзы и Чжуцзян (Китай) и в бассейне р. Красной (Вьетнам), удалось показать, что в период 3 500–3 000 лет назад скипетры Эрлитоу распространялись на юг. Пройдя через Наньянскую котловину, они достигали бассейна р. Ханьшуй и далее проникали в речную систему Янцзы, разделившись на две ветви: юго-западную и юго-восточную [Дэн Цун, 2007]. Первая из них протекает из Сычуаньской котловины до устья р. Красной; вторая доходит до территории современных провинций Хунань, Фуцзянь, Гуандун, а также Гуанси-Чжуанского автономного района, крайней точкой ее продвижения и становится сянганский остров Нанья (Ламма) в устье р. Чжуцзян. Там на памятнике Давань найден зубчатый скипетр, датированный ранним периодом Шан. Для всего Китая он является единственным примером такой находки на острове, представляя нам историю распространения шанской культуры на морском побережье в ранний период. Третья волна крупномасштабного распространения зубчатых скипетров была направлена на юг и означала, что на территориях Южного Китая и северной части Юго-Восточной Азии уже началось становление цивилизаций бронзового века.

Некоторые результаты первоначальной систематизации сведений о скипетрах *ячжан*

1. В «Шан шу» (глава «Юй гун» – «Дары Юя») содержится рассказ о том, как Великий Юй поборол потоп и, обойдя весь Китай, разделил его территорию на девять областей (*цзю чжоу*). Выражение «плоды деяний Юя» (*Юй цзи*) стало одним из наиболее ранних наименований Поднебесной. Современная историография рассматривает «деяния Юя» как мифы или предания, не имеющие фактического подтверждения. Неужели данные исторических источников о деятельности Юя полностью вымышлены и не имеют под собой никакой реальной основы? Ван Говэй писал: «Хотя суждения ученых разных школ не всегда точны, однако они все же могут частично указывать на действительные события» [Ван Говэй, 1997. С. 2]. Территориальный охват реального распространения скипетров *ячжан*, обнаруженных археологами за последние 20 лет, неожиданно превосходит ареал деятельности Юя. И деяния Юя, и распространение скипетров *ячжан* охватывают обширные пространства, которые в целом соответствуют границам политической карты Китая в последующие исторические периоды. Ли Лин [2016. С. 3] указывает, что выделенные Юем девять областей следует воспринимать как элемент исторической памяти, подвергавшийся постоянной переработке и ставший одним из символов Китая. Современная археология непрерывно обновляется, и важнейшие ритуальные нефритовые изделия династии Ся – скипетры *ячжан*, обнаруженные в ходе ар-

³ Имеется в виду городище Шимао эпохи палеометалла, раскопанное в уезде Шэньму, пров. Шэньси. Часть китайских ученых считает, что там найдены остатки столицы «государства» мифического Желтого императора.

⁴ Большое городище эпохи палеометалла, раскопанное в районе г. Гуньи, пров. Хэнань; некоторые китайские ученые считают его остатками резиденции сяского правителя Тай Кана.

хеологических раскопок, – становятся культурным символом ранних государств на территории Китая. Как пишет Ли Лин, «девять областей – это не только географическое, но и культурное понятие» [Там же]. В свое время крупный специалист-синолог проф. Жао Цзунъи [1994. С. 81–82], опираясь на текст «Хуайнань цзы» (глава «Тай цзу сюнь» – «Наставление о великом собрании»), где говорилось «слева – восточное море, справа – пустыня, впереди – Цзяочжи, позади – Юду», совершенно верно утверждал, что территориальные границы распространения поздней Шан «полностью соответствуют действительности».

2. Распределение скипетров *ячжан* иллюстрирует первоначальный этап формирования модели мирового порядка в политической культуре Китая и Восточной Азии. В районах их распространения, возможно, бытовали схожие государственно-политические и идеологические концепции, что проявлялось в постепенном складывании общего чувства «моей земли и моего народа», подразумевавшего в том числе и политическую коммуникацию, связывающую разные регионы. Строгая аксиальная планировка городища Эрлитоу, ориентация важнейших дворцовых построек вдоль центральной оси (см. [Сюй Хун, 2009]) стали воплощением идеи централизации власти в руках верховного правителя – вана. Распространение специфического стиля исполнения ритуальных скипетров *ячжан* из Эрлитоу, расположенного в сердце Центральной равнины, на тысячи километров по всей Восточной Азии отражает роль государственных структур эрлитоуского населения как символа политического и культурного лидерства на обширной территории. Возникает прообраз системы миропорядка «Срединного государства» с центром в районе Эрлитоу. Мы полагаем, что между внутренним (имманентно присущим) идейным содержанием, стоящим за распространением скипетров *ячжан*, и доктриной «Великого объединения» («Да итун»), сложившейся не ранее эпохи Чуньцю, существует генетическая связь. Распространившаяся в эпоху Цинь-Хань и позднее интеграционная концепция («в шести направлениях одинаковые нравы, девять областей связаны между собой») оказала значительное влияние на процесс формирования в Восточной Азии единой крупномасштабной империи, простирающейся на тысячи километров.

Китай – это территория складывания прогрессивных форм государственного устройства, и исследование происхождения политических систем имеет важное научное значение. Сегодняшний Китай – это крупное централизованное государство. Исследователь политической истории Фрэнсис Фукуяма [2011. Р. 18] считал, что в эпоху Цинь Китай стал первым в мире настоящим государством современного типа. Он задал вопрос: почему же на протяжении нескольких тысячелетий китайская политическая система тяготела к выбору модели сильного централизованного управления, а не мелких раздробленных государств? Мы уверены, что исследование скипетров *ячжан* и углубленное изучение государственного и политического устройства в эпохи Ся, Шан и Чжоу позволят наметить пути решения этой важнейшей проблемы.

Список литературы

Fukuyama F. The Origins of Political Order: from Prehuman Times to the French Revolution. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 608 p.

Ван Говэй. Гу ши синь чжэн // Ван Говэй вэньцзи [王国维。古史新证 // 王国维文集]. Новые доказательства для старой истории // Сб. статей Ван Говэя. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 1997. Т. 4. С. 1–32 (на кит. яз.)

Дун Шань. Хэ цзунь // Хэхэ цзунчжоу [董珊。何尊 // 赫赫宗周 / 蔡玫芬、蔡庆良主编]. Бронзовый сосуд «Хэ цзунь» // Славный чжоуский домен / Гл. ред. Цай Мэйфэнь, Цай Цинлян. Тайбэй: Голи Гугун боуюань, 2012. С. 44–45 (на кит. яз.)

Дунъя ячжан тучжань / Дэн Цун, Гу Ваньфа чжубянь [东亚牙璋图展 / 邓聪、顾万发主编]. Выставка изображений скипетров *ячжан* Восточной Азии. Чжэнчжоу: Вэньбу каогу яньцзюсо, 2016. 52 с. (на кит. яз.)

Дэн Цун. Чжун юэ ячжан шусян кэвэнь бяньши [邓聪。中越牙璋竖向刻纹辨识 // 三星闪烁金沙流采——神秘的古蜀文明]. Распознавание скипетров *ячжан* с вертикальным прорисованным узором // Блеск Саньсиндуй и сияние Цзиньша: загадочная цивилизация древнего Шу. Гонконг: Сянган вэньхуа боугуань, 2007. С. 40–55. (на кит. яз.)

Дэн Цун, Ван Фан. Эрлитоу ячжан (VM3:4) цзай нань чжунго боцзи [邓聪、王方. 二里头牙璋 (VM3:4) 在南中国的波及 // 中国国家博物馆馆刊]. Распространение в Южном Китае скипетров *ячжан* эрлитоуского типа (VM3:4) // Чжунго гоцзя боугуань гуанькань. 2015. № 5. С. 6–22. (на кит. яз.)

Дэн Цун, Луань Фэнши, Ван Цян. Дунъя цзуйцаодэ ячжан – шаньдун луншаньши ячжан чулунь // Юйжунь дунфан: давэнькоу–луншань, лянчжу юйци вэньхуа чжань [邓聪、栾丰实、王强. 东亚最早的牙璋——山东龙山式牙璋初论 // 玉润东方：大汶口—龙山、良渚玉器文化展]. Самый ранний скипетр *ячжан* – предварительное обсуждение скипетров *ячжан* луншаньского типа из Шаньдуна // Нефритовый глянec Востока: Выставка нефритовых изделий культур Давэнькоу–Луншань и Лянчжу. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. С. 51–62. (на кит. яз.)

Жао Цзунь. Ю ячжан фэньбу лунь гу ши диюй кочжан вэньти [饶宗颐. 由牙璋分布论古史地域扩张问题 // 中华文化论坛]. Исходя из распространения скипетров *ячжан* – о проблеме расширения пространства древней истории // Чжунхуа вэньхуа луньтань. 1994. № 1. С. 81–82. (на кит. яз.)

Ли Го, Ли Сюго. Наньядао фацзюэ саньцзи [李果、李秀国. 南丫岛发掘散记文 // 文物天地]. Заметки о раскопках на о. Нанья (Ламма) // Вэньу тяньди. 1991. № 4. С. 6–8. (на кит. яз.)

Ли Лин. Манман юйцзи [李零. 茫茫禹迹]. Необъятные следы «деяний Юевых». Пекин: Саньянь шудянь, 2016. 239 с. (на кит. яз.)

Сунь Цинвэй. Ли ши цю чжу е – шилунь «ячжан» дэ юаньлю юй минчэн // Цзинь юй цзяо хуй – шан чжоу каогу, ишу юй вэньхуа луньвэньцзи [孙庆伟. 礼失求诸野试论「牙璋」的源流与名称 // 金玉交辉——商周考古、艺术与文化论文集]. С позиций восстановления утраченных ритуалов обсуждаем истоки и название скипетра *ячжан* // Золото и нефрит обмениваются блеском: Сб. статей по археологии, искусству и культуре Шан и Чжоу. Тайбэй: Чжунъянь яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо, 2013. С. 467–508. (на кит. яз.)

Сюй Хун. Цзуйцаодэ чжунго [许宏. 最早的中国]. Самый ранний период [истории] Китая. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 232 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 30.11.2017

Tang Chung (Deng Cong)

Centre of Chinese Archaeology and Art, The Chinese University of Hong Kong
Shatin, New Territories. Hong Kong, China

tangchung1230@gmail.com

YAZHANG AND THE ORIGIN OF POLITICAL WORLD ORDER IN ANCIENT CHINA

Scepter *yazhangs* are jade ceremonial blades that have been unearthed across China. During the Xia and Shang dynasties, they manifested as some of the most prestigious objects for the elite. After over two decades of collaborations among scholars, we have a comprehensive understanding of its dispersal: 1) In approximately 4,500 BP, *yazhang* first appeared in Dawenkou and Longshan sites in Shandong province; 2) In 4,000 BP, Shandong *yazhangs* had spread eastward into Shaanxi province through the Yellow River valley, eventually reaching southwestern region of Gansu province. In Shaanxi, *yazhangs* in the Shimao site developed into large blades with dragon-shaped flanges on the sides, which the longest jade blade reached 50 centimeter. The *yazhangs* of the Qijia culture in the

early Bronze Age could possibly have been influenced by Shimao. This marked the first dispersal of *yazhangs* from the east to the west in the Yellow River basin; 3) In 3,700–3,600 BP, Erlitou in Henan province was possibly the capital of the late Xia dynasty. Erlitou *yazhangs* found in the Erlitou elites' burials became enormous in size, reflecting the influence by Shimao. As important royal regalia, *yazhang* reflected the presence of political system in this period. This signified the second dispersal of *yazhangs* in prehistory, where this jade culture dispersed from Shaanxi eastward to Henan. *Yazhangs* unearthed in Shimao, Huadizui, and Erlitou are closely related; 4) A comprehensive characteristic analysis of the unearthed *yazhangs* in the regions of Yangtze River, the Pearl River, and the Hồng River in Vietnam indicate that Erlitou *yazhangs* developed southward about 3,500 to 3,000 BP. The culture dispersed through the Nanyang basin, reaching the Yangtze River, and separated into two directions: one path followed the Sichuan basin and reached the Hồng River Delta in Vietnam, the other path travelled southeast, reaching Hunan and Fujian, and arrived as far as Lamma Island at the Pearl River Delta in Hong Kong. The *yazhang* unearthed on Lamma Island, dated to the early Shang dynasty, is the only known jade blade unearthed on an island. This *yazhang* thus serves an important role in the discussion of coastal culture dispersal in early Shang period. This development marked the massive third *yazhang* dispersal, where the culture had reached South China and northern Southeast Asia at the beginning of Bronze Age.

Keywords: *yazhang* scepter, Ancient China, Xia and Shang Dynasties, political order, symbol of power.

References

Deng Cong, Luan Fengshi, Wang Qiang. Dongya zuizaode yazhang – Shandong longshanshi yazhang chulun // Yurun dongfang: dawenkou – longshan, liangzhu yuqi wenhua zhan [邓聪、栾丰实、王强. 东亚最早的牙璋——山东龙山式牙璋初论 // 玉润东方：大汶口—龙山、良渚玉器文化展]. The earliest scepter yazhang – preliminary discussion on yazhang scepters of Longshan type from Shandong // *Nephrite lustre of the East: An exhibition of jades from Dawenkou–Longshan and Liangzhu cultures*. Beijing, Wenwu chubanshe, 2014, p. 51–62. (in Chin.)

Deng Cong, Wang Fang. Erlitou yazhang (VM3:4) zai nan zhongguo boji [邓聪、王方. 二里头牙璋 (VM3:4) 在南中国的波及 // 中国国家博物馆馆刊]. Distribution of the scepters yazhang of Erlitou type (VM3:4) in Southern China. *Zhongguo guojia bowuguan guankan*, 2015, № 5, p. 6–22. (in Chin.)

Deng Cong. Zhong yue yazhang shuxiang kewen bianshi [邓聪. 中越牙璋竖向刻纹辨识 // 三星闪烁金沙流采——神秘的古蜀文明]. Recognition of scepters yazhang with vertical scratched pattern. *Splendour of Sanxingdui, brilliance of Jinsha: Mysterious civilization of ancient Shu*. Hong Kong, Xianggang wenhua bowuguan, 2007. p. 40–55. (in Chin.)

Dong Shan. He zun // Hehe zongzhou [董珊. 何尊 // 赫赫宗周 / 蔡玫芬、蔡庆良主编]. «He zun» bronze vessel. *Glorious domain of Zhou*. Ed. by Cai Meifen, Cai Qingliang. Taipei, Guoli Gugong bowuyuan, 2012, p. 44–45. (in Chin.)

Dongya yazhang tuzhan / Deng Cong, Gu Wanfa zhubian [东亚牙璋图展 / 邓聪、顾万发主编]. Representation of yazhang scepters of East Asia. Zhengzhou, Wenwu kaogu yanjiusuo, 2016, 52 p. (In Chin.)

Fukuyama F. The Origins of Political Order: from Prehuman Times to the French Revolution. N. Y., Farrar, Straus and Giroux, 2011, 608 p.

Li Guo, Li Xiuguo. Nanyadao fajue sanjiwen [李果、李秀国. 南丫岛发掘散记文 // 文物天地]. Some remarks on excavations at Nanya (Lamma) Island. *Wenwu tiandi*, 1991, № 4, p. 6–8. (in Chin.)

Li Ling. Mangmang yuji [李零. 茫茫禹迹]. Boundless traces of «the Yu's deeds». Beijing, Sanlian shudian, 2016, 239 p. (in Chin.)

Rao Zunyi. You yazhang fenbu lun gu shi diqu kuozhang wenti [饶宗颐。由牙璋分布论古史地域扩张问题 // 中华文化论坛]. On the basis of distribution of scepters yazhang – about the problem of expansion of space for ancient history. *Zhonghua wenhua luntan*, 1994, № 1, p. 81–82. (in Chin.)

Sun Qingwei. Li shi qiu zhu ye shilun «yazhang» de yuanliu yu mingcheng // Jin yu jiao hui – shang zhou kaogu, yishu yu wenhua lunwenji [孙庆伟。礼失求诸野试论「牙璋」的源流与名称 // 金玉交辉——商周考古、艺术与文化论文集]. On the basis of restoration of the lost rituals to discuss the origin and name of yazhang scepter. *Gold and jade exchange with shining: Collection of papers on archaeology, art and culture of Shang and Zhou Dynasties*. Taibei, Zhongnan yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo, 2013, p. 467–508. (in Chin.)

Wang Guowei. Gu shi xin zheng // Wang Guowei wenji [王国维。古史新证 // 王国维文集]. New proofs for old history. *Collection of papers by Wang Guowei*. Beijing, Zhongguo wenshi chubanshe, 1997, vol. 4, p. 1–32. (in Chin.)

Xu Hong. Zuizaode Zhongguo [许宏。最早的中国]. The earliest period in [the history of] China. Beijing, Kexue chubanshe, 2009, 232 p. (in Chin.)

В. Н. Пластун

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

vladimir_plastun@mail.ru

НАРКОБИЗНЕС КАК ОДНА ИЗ УГРОЗ НА НОВОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Рассматривается возможность использования наркодельцами маршрутов Нового шелкового пути. Как известно, Великий Шелковый путь из Восточной Азии (Китая) в Европу возник во II в. до н. э. Он сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов Передней и Средней Азии, Кавказа и близлежащих регионов, содействуя распространению технологий и инноваций тех времен, в том числе в искусстве и религии. Проект «Нового шелкового пути» (НШП) был инициирован руководством Китая. Реализация инициативы «Один пояс, один путь», заявленной руководством КНР еще в конце 2013 г., позволяет значительно расширить сотрудничество этого государства с соседними странами через строительство обширной инфраструктурной сети. В этих рамках Пекин осуществляет огромные инвестиции в строительство шоссейных и железнодорожных путей на территориях государств, расположенных вдоль НШП, что способствует значительному подъему экономики. Однако этими же маршрутами пытается воспользоваться наркомафия, доставляя наркотические вещества из Афганистана через страны Центральной Азии в Россию, страны Европы и США.

Ключевые слова: Новый шелковый путь, Афганистан, наркобизнес, инфраструктура, инвестиции, Центрально-Азиатский регион.

В начале 2015 г. Госсовет КНР одобрил инициативу, включающую проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». При этом, как отмечают российские эксперты, проект НШП, по сути, «является не столько инфраструктурно-транспортным, сколько новым прорывным шагом в деле интеграции Китая в мировую экономику и завоевания в ней доминирующих позиций»¹.

Основная цель КНР в рамках реализации НШП – это прежде всего создание наиболее благоприятных условий для экономического и социального развития центральных и западных регионов КНР, на которые приходится 86 % территории и 58 % населения страны. Масштабы проекта выходят далеко за границы Шанхайской организации сотрудничества, охватывая территорию, на которой проживает 60 % населения планеты и создается более $\frac{1}{5}$ мирового ВВП. Более 70 стран и международных организаций выразили желание принять участие в осуществлении этого грандиозного интеграционного проекта.

Инициативы руководства КНР – это новый глобальный вызов мировой экономике со стороны Китая (см.: [Комиссаров, 2015]). Поэтому отношение различных стран к проекту НШП весьма неоднозначное. Факт выхода США из Трансокеанского партнерства (Trans Pacific Partnership, TPP) означает опасение американцев усиления влияния Китая в Юго-Восточной

¹ *Строганов А. О.* Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Сайт Центра Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии), 15.05.2017. URL: <http://rusrand.ru/analytics/novyuy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike> (дата обращения 03.01.2018).

Азии. Индия бойкотировала саммит в Пекине (май 2017 г.), где был озвучен проект НШП, поскольку не согласна с прохождением ветки НШП через Кашмир, который индийцы считают своей территорией. Позиция государств ЕС по проекту НШП также неоднородна. Эксперты напоминают и о таких проблемах, как возможные политические конфликты, коррупция и наркобизнес.

Со временем территория Центральной Азии (ЦА), через которую на протяжении веков проходили маршруты Великого Шелкового пути, превратилась в основную перевалочную базу для контрабанды наркотиков. В течение последних лет под влиянием экономического упадка и политической нестабильности ситуация с контрабандой наркотиков продолжает создавать серьезные социальные проблемы в государствах региона. По мнению Л. Шелли, директора Центра по борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью и коррупцией в Университете Дж. Мейсона, «сегодняшняя торговля наркотиками идет по очень похожим маршрутам по сравнению с исторической шелковой дорогой. Препараты, которые переправляются через Центральную Азию, повышают уровень эпидемии наркотиков в России, а также способствуют новой эпидемии опиоидов в Соединенных Штатах, поскольку Афганистан является основным источником наркотиков, потребляемых в США»².

Героин считается наиболее употребляемым в мире наркотиком, его потребляют 11,3 млн чел., из которых полтора миллиона – россияне. В России оседает пятая часть героина, который попадает к нам автомобильным транспортом из Казахстана через страны ЦА. Факты негативного воздействия наркомании на здоровье населения поражают. Имеется «Справочная информация о маршрутах наркотиков из Центральной Азии в Европу», основанная на результатах исследования западными независимыми неправительственными экспертами (2011 г.). По этим данным, в ЦА доля заражения наркоманов составляет 88 % от внутривенного введения наркотиков (67 % в Иране и 54 % в Российской Федерации). В Казахстане используют наркотики путем инъекций 70–80 % пользователей; в Таджикистане – 65 %. В Узбекистане самый высокий уровень заражения ВИЧ / СПИДом в регионе – 88 % инфицированных³.

В прошлые века среднеазиатские правители получали прибыль от таких ценных товаров, как шелк и текстиль, сегодня – это торговля наркотиками. Наркобизнес приносит баснословные доходы, находя «крышу» у влиятельных подпольных торговцев Центрально-Азиатского региона – из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. Эти государства находятся на перекрестке одного из самых активных маршрутов незаконного оборота наркотиков в мире. Несмотря на это, случаи ареста правительственных чиновников на уровне государственного аппарата за коррупцию или торговлю наркотиками можно пересчитать по пальцам.

Некоторые эксперты считают, что сверхприбыль, получаемая от наркобизнеса, служит препятствием для инвестиций в экономический и человеческий потенциал. Это напоминает «проклятие природных ресурсов» для богатых нефтедобывающих стран⁴. Многие из бедных стран региона ЦА страдают от сложившейся ситуации, когда трудовые ресурсы из числа мужского населения не имеют профессионального образования и, следовательно, возможности заниматься законной трудовой деятельностью. Такое положение заставляет часть молодежи искать работу в незаконной сфере экономики, самой высокооплачиваемой из которых является контрабанда наркотиков. Другая часть мигрирует в более богатые страны (в том числе в Россию), где они не всегда признаются легальными эмигрантами и вынуждены работать в теневой экономике.

Вопрос наркотрафика давно приобрел глобальный транснациональный характер. На сегодняшний день Афганистан остается лидером по производству опия и героина: на его долю приходится около 90 % мирового производства опия (на 50 % больше, чем в период до 2000 г.). По данным ООН, наркоторговля составляет 15 % афганской экономики, а 10 % жителей Аф-

² Shelley L. Dirty Entanglements on the New Silk Road: Drugs, corruption, and crime in Central Asia // Сайт Centre for Strategic International Studies (CSIS), March 21, 2017. URL: <https://reconasia.csis.org/analysis/entries/dirty-entanglements-on-the-new-silk-road/> (дата обращения 22.12.2017).

³ The drug routes from Central Asia to Europe // The personal website of Pierre-Arnaud Chouvy. Nov. 4th, 2011. URL: <http://geopium.org/?p=196> (дата обращения 22.12.2017).

⁴ Карахан Х. (Hatice Karahan). Проклятие ресурсов? // Сайт ИноСМИ.ру, 02.09.2015. URL: <http://inosmi.ru/world/20150902/230036515.html> (дата обращения 08.02.2018)/

ганистана — наркоманы [Антонова, Максимова, Сушкова, 2017]. В отчете Специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (SIGAR) за 2016 г. сообщалось, что уровень подпольного производства опиума в Афганистане возрос на 10 %⁵.

Несмотря на то что инвестиции США для противодействия наркобизнесу в ИРА, начиная с 2002 г., составили 8,5 млрд долл. США, Афганистан остается крупнейшим в мире производителем и экспортером опиума (ок. 80 % мирового героина). Для американского потребителя героин в основном поступает из Мексики, афганский «продукт» составляет большую часть героина, потребляемого в Канаде и остальном мире.

В конце 2016 г. командующий войсками США и НАТО в Афганистане генерал Джон У. Николсон-младший заявил, что торговля опиумом обеспечивает около 60 % финансирования талибов. По данным Бюро международных дел по наркотикам и вопросам правопорядка Госдепа США, наркодилеры предоставляют боевикам оружие, деньги и материальную поддержку в обмен на защиту⁶.

Общая площадь посевов опиума за указанный период достигла 201 тыс. га. При этом уровень потенциального производства опиума возрос на 43 %. В ходе проведенных в 2016 г. операций удалось ликвидировать всего 355 га наркопосевов — на 91 % меньше, чем за 2015 г., и усилия по противодействию наркоугрозе были оценены, соответственно, как непродуктивные.

Отчет SIGAR связывает низкую результативность антинаркотических операций с ухудшением ситуации с безопасностью, а также недостатком «политической воли» и неэффективной работой руководства Министерства ИРА по борьбе с наркотиками.

Из заявления афганской стороны следует, что в наркобизнес вовлечены 3 млн жителей страны. В июле 2017 г. на пресс-конференции в Кабуле заместитель министра по борьбе с наркотиками А. Х. Бахтияр сообщил, что с начала года в Афганистане прошли 764 антинаркотических операции, уничтожены 19 нарколабораторий и изъяты 116 т наркотических веществ стоимостью 900 млн долларов⁷.

Считается, что лучше всего борьба с поставками наркосредств реализуется в Иране, где перехватывается почти 20 % от всего объема поставок. В Китае удастся перехватить 18 %, в Пакистане — 17 %. В самом же Афганистане службы по борьбе с наркотиками изымают всего 2 % из всего незаконного производства наркотиков⁸.

Проследить и выявить главных организаторов наркотрафика сложно и практически невозможно. В январе 2017 г. на сайте «Ассоциации «Евразийский экономический клуб ученых»» появилась статья казахстанских авторов, в которой анализируется текст «Drug Trafficking Through the Great Silk Road» («Наркотрафик через Великий шелковый путь»), посвященный транзиту наркотиков через территорию России. В тексте статьи упоминался ряд представителей политической и бизнес-элиты России. «Но неожиданно, — пишут авторы статьи, — этот материал исчез с американского сайта... Это первыми заметили сотрудники российского телеканала НТВ, которые... готовили сюжет о трафике героина из Афганистана в Европу и Америку через “каспийский коридор”. Некоторые источники сообщили, что на журналистов было оказано давление со стороны “криминальных структур”. Очевидно, что речь идет не только о “русской мафии”, которую в США элементарно давят, а о “тотальной конвергенции государственного штата, специальных служб, бизнеса и наркоторговли”»⁹.

⁵ Объем нелегального производства опиума в Афганистане за год возрос на 10 % // Афганистан.ру, 02.05.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/109744.html> (дата обращения 19.12.2017).

⁶ Special Inspector General for SIGAR Afghanistan Reconstruction // Report to the United States Congress I. July 30, 2017. URL: <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2017-07-30qr-section3-counternarcotics.pdf> (дата обращения 09.01.2018).

⁷ Три миллиона афганцев вовлечены в наркобизнес // Афганистан.ру: 27.07.2017. URL: <http://afghanistan.ru/doc/112635.html> (дата обращения 20.12.2017).

⁸ [Грин С.]. Шелковый Путь, перекачивающий наркотики и болезни // Сайт Украина криминальная, 17.05.2010. URL: http://cripo.com.ua/?sect_id=14&aid=93353 (дата обращения 20.12.2017).

⁹ Нугуманова У., Шукушева Е. В. Сухопутный героиновый путь // Сайт Ассоциация «Евразийский экономический клуб ученых», 30.01.2017. URL: <http://group-global.org/ru/publication/51692-suhoputnyy-geroinovyy-put> (дата обращения 20.12.2017).

Далее авторы пишут, что исчезновение текста с американского сайта «подразумевает, что и в США у них “бизнес-партнеры”» и «нужно отнестись критически к заявлениям американских правых о том, что “США к наркотрафику не имеет никакого отношения”». Достаточно сравнить появляющиеся иногда в СМИ сообщения о задержании 5 или 10 т наркотиков, перевезившихся через страны центрально-азиатского региона и Россию, с цифрами годового производства наркотика в Афганистане – это не менее 6 900 т опия-сырца; рост в 44 раза после прихода в ИРА натовских войск. Да и на складах хранится свыше 1 000 т чистого героина («стратегический запас». Все, что удастся перехватить – это мелочь. Таким образом, есть основания сделать вывод о вовлеченности в наркотранзит мировых политических элит¹⁰).

Как говорится в статье, «в наше время именно с вводом американских войск в десятки раз увеличилось производство опия в Афганистане». Этот факт был подтвержден представителем Бюро по международной борьбе с наркотиками Госдепартамента США Т. Швайх.

Нет оснований сомневаться в том, что 33 млн долл. инвестиций США, направленных на развитие дорожной инфраструктуры и строительство моста на реке Пяндж, составляют весомый вклад в активизацию торговли между Таджикистаном и Афганистаном. В то же время нельзя не признать, что наркомафия подключается к использованию маршрутов транспортировки афганского опия. По пути следования в специальных лабораториях опий превращается в героин, расфасовывается, маскируется и направляется далее.

Россия уже давно превратилась в один из крупнейших рынков сбыта афганского героина. Авторы «Всемирного доклада о наркотиках – 2016», опубликованного ООН, констатируют, что за последние 10 лет количество наркозависимых в РФ возросло в 10 раз. Явно проявилась тенденция к снижению возраста потребления и первого знакомства с наркотиками: 41 % – это дети 11–14 лет и 51 % – в возрасте 15–17 лет. По данным МВД России, ежегодно наркоманами становится 86 000 чел. Общее число наркоманов, впрочем, не увеличивается, так как смертность от наркотиков самая высокая (около 70 000 чел.). На долю героина в России приходится 1/5 всего мирового оборота наркотиков, а это уже угроза национальной безопасности страны [Антонова, Максимова, Сушкова, 2017].

Заведующий отделом Центральной Азии Китайской академии современных международных отношений Дин Сяосин в своем докладе еще в 2013 г. обращал внимание на то, что «Россия получает наибольший ущерб от контрабанды наркотиков. Здесь количество наркоманов составляет 2–2,5 млн, в основном это молодые люди в возрасте 18–40 лет. Ежегодно от употребления наркосредств умирают около 30 тыс. человек. Почти весь объем наркотиков из Афганистана, поступающий в Центральную Азию, идет в Россию» [Дин Сяосин, 2013].

В этом контексте китайские коллеги называют следующие признаки угроз для социальной стабильности и региональной безопасности Центрально-Азиатского региона [Там же].

1. Расширение и укрепление связей между наркоторговцами и «тремя силами зла». Террористические и экстремистские организации контролируют наркоторговлю, используя деньги от продажи наркотиков для покупки оружия и вербовки новых членов. Цель – ослабить политическую власть и создать хаос.

2. Обострение многочисленных социальных проблем. Цены на наркотические средства в регионе относительно низкие, и число наркоманов с каждым годом увеличивается. Для приобретения наркотиков требуются значительные средства, что толкает наркоманов на путь преступлений – воровства, разбойных нападений, занятия проституцией, мошенничеству.

3. Расширение масштабов коррупции. Наркомафия постоянно «покупает» чиновников со (сравнительно) низкими доходами. Коррупция – основная причина низкой эффективности борьбы с преступностью, связанной с наркотиками. Наркоторговцы проникают в силовые структуры – армию, МВД, органы государственной безопасности, агентства по борьбе с распространением наркотиков, налоговые ведомства.

По данным китайской статистики на 2013 г., в КНР насчитывалось около 1,7 млн наркоманов [Там же]. Вслед за увеличением потока наркотиков из Афганистана и укреплением связей между Китаем и странами Центральной Азии стремительно растут объемы афганских наркотиков, переправляемых в Китай (и через его территорию) из ЦА и Пакистана. Их доля в общем объеме употребления наркотических средств в КНР выросла до 25 %.

¹⁰ Нугуманова У., Шукушева Е. В. Сухопутный героиновый путь.

Активизацией торгово-экономических контактов между КНР и странами региона через посредство НШП пользуются и наркоторговцы для проникновения в Китай. Например, изъятие наркотических средств при транзите наркотиков из Центральной Азии в Синьцзян к 2008 г. выросло в 20 раз. В последние годы такие случаи становятся все более частыми. Органы правопорядка КНР в сотрудничестве с Казахстаном и Таджикистаном изымают крупные партии наркотиков, переправляемых железнодорожным путем из Пакистана через Китай в Синьцзян.

Контрабанда наркотиков представляет серьезную угрозу для социальной стабильности КНР, в особенности для социально-экономического развития и общественной стабильности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Китайские исследователи отмечают, что, во-первых, существует тесная связь наркогруппировок с экстремистскими силами «Восточного Туркестана». Во-вторых, в последние годы в Синьцзяне заметно выросло число наркоманов. По сравнению с 1990 г. их число (на 2008 г.) увеличилось в 123 раза. По итогам 2016 г. правоохранительные органы Китая задержали более 168 тыс. граждан КНР, обвиняемых в торговле наркотическими веществами. В 2016 г. судами КНР рассмотрены более 140 тыс. уголовных дел по статьям, связанным с незаконным хранением, распространением и транспортировкой наркотиков¹¹. В-третьих, наркомания ведет к росту преступности, заболеваемости СПИДом.

В разных странах по-разному борются с распространением наркотиков. Существует два принципиально разных подхода. Первый – жесткое подавление наркопреступности: длительное тюремное заключение за хранение и смертная казнь за изготовление и сбыт крупных партий наркосредств. Второй – отказ от «запугивающих» мер, смягчение законодательства и декриминализация оборота наркотиков.

Китай 200 лет борется с наркотиками. Здесь за последние пять лет за наркопреступления задержаны более полумиллиона подозреваемых, выявлено более 4 млн наркоманов, из которых 1,5 млн прошли принудительное лечение. Китайское правосудие приговаривает особо опасных преступников-наркоторговцев к высшей мере наказания. До недавнего времени осужденных расстреливали, теперь все чаще применяется смертельная инъекция¹².

В новой редакции Ст. 228.1 УК РФ по состоянию на 01.03.2018 г. «незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей... наказываются лишением свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового». Однако далее разъясняется, что наказание ужесточается с учетом места совершения преступления, использования СМИ, группы по предварительному сговору, с использованием служебного положения и т.д. В конечном итоге преступник может получить срок до 20 лет или пожизненное лишение свободы¹³.

Недавно, 4 декабря 2017 г. в Госдуме Федерального Собрания РФ прошла международная парламентская конференция «Парламентарии против наркотиков». В дискуссиях приняли участие представители более 20 стран из разных континентов мира и международных организаций. Они отметили, что «наркоиндустрия не сбавляет обороты, а новые психоактивные вещества появляются со скоростью, затрудняющей их постановку на эффективный контроль. Реальностью стало сращивание наркобизнеса и терроризма»¹⁴.

Если рассматривать проблему наркобизнеса объективно, то нужно признать, что она отражает кризис мировых экономических тенденций. С одной стороны, Афганистан – одна

¹¹ Полиция КНР арестовала рекордное количество наркоторговцев в 2016 году // ИА Регнум, 22.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2253105.html> (дата обращения 05.01.2018).

¹² Смертная казнь за наркопреступления в Китае // Сайт «Первый шаг» (Семейный центр лечения наркомании и алкоголизма), 11.09.2017. URL: <http://stranaprotivnarkotikov.ru/smertnaya-kazn-za-narkoprestupleniya-v-kitae> (дата обращения 20.12.2017).

¹³ Уголовный кодекс РФ 2018. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 01.03.2018. Источник: <http://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-9/gl-25/st-228-1-uk-rf> (дата обращения 29.03.2018).

¹⁴ Итоги секции «Совершенствование законодательного регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотиков» в рамках междунар. парламентской конф. «Парламентарии против наркотиков» // Сайт ГД РФ, 07.12.2017. URL: http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/15187476/ (дата обращения 05.01.2018).

из беднейших стран мира, разрушаемая бесконечными войнами, и кормится за счет наркотиков. С другой – растущее потребление наркотиков в мире – это показатель кризиса общества.

Список литературы

Антонова Я. П., Максимова М. А., Сушкова А. С. Афганский наркотрафик – нарастающая угроза экономической безопасности России // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: Сб. статей Междунар. научно-практ. конф. 23 апр. 2017 г. Волгоград: МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2017. Ч. 1. С. 26–28.

Дин Сяосин. Ситуация в Центральной Азии в области преступности, связанной с наркотиками и её влияние на Китай // Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая). М.: РИСИ, 2013. С. 113–125.

Комиссаров С. А. Великий Шелковый путь в исторической ретроспективе // Россия – Китай: стратегическое взаимодействие в XXI веке. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 8–10.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2018

Vladimir N. Plastun

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

vladimir_plastun@mail.ru

DRUG TRAFFICKING AS ONE OF THE THREATS ON THE NEW SILK ROAD

The article considers the risks associated with the possibility of drug traffickers using routes of the New Silk Road (NSR). It is widely known that the Great Silk Road stretching from East Asia (China) to Europe has existed since II century BC. It played an important role in the development of economic and cultural ties between nations of the Near East, Middle Asia, the Caucasus and surrounding regions, promoting the spread of technologies and innovations of those times including art, religion and technology. The NSR project was initiated by China's leadership. The "One Belt, One Road" initiative, announced by the leadership of the People's Republic of China at the end of 2013 allows to significantly expand their cooperation with neighboring countries through the construction of an extensive infrastructure network. Within this framework, Beijing is heavily investing into the construction of highways and railroads on the territories of states along the NSR, which subsequently entails the expansion of China's economic cooperation with these countries. In other words, highly favorable conditions are being created for the development of both central and western regions of the PRC and neighboring states. Over the past two decades, China and Central Asian countries have established strong economic ties, which contributes to their diversified development. The large volumes of oil and gas imports from the region is of decisive importance for the implementation of China's "Economic belt of the NSR" project.

At the same time, this mutually beneficial cooperation has certain risks, especially in the sphere of regional security. These risks are growing due to the continuing instability in neighboring Afghanistan and the expansion of the re-expansion of NATO's military presence in this region. The lack of security can adversely affect the significant economic and strategic interests of Beijing in Central Asia. Hence why China has expanded its participation in regional security, especially with countries bordering the Xinjiang Uygur Autonomous Region.

It should be noted that Central Asia serves as a link for active drug trafficking. Drug dealers transport heroin and opium from Afghanistan along the "Northern Route" (Tajikistan-Turkmenistan-Uzbekistan-Kazakhstan) to the final destinations in Europe and Russia. Drugs are also being brought into China and Iran. Central Asian law enforcement agencies have significant

resources to deal with the issue of drugs, however the production and turnover of narcotic substances continue to remain high.

Keywords: China, New Silk Road, Afghanistan, security, USA, drug business, infrastructure, investments, Central Asia, Russia, Europe.

References

Antonova Ya. P., Maksimova M. A., Sushkova A. S. Afganskii narkotrafik – narastayushchaya ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Afghan narcotraffic as increasing threat to economic security of Russia]. *Zakonomernosti i tendentsii innovatsionnogo razvitiya obshchestva: Sb. statei Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. 23 apr. 2017 g.* [Rules and tendencies of innovation development of society: Collection of papers of Int. science-practical conf. April 23, 2017]. Volgograd, MTSII «OMEGA SAINS», 2017, pt. 1, p. 26–28 (in Russ.)

Ding Xiaoxin. Situatsiya v Tsentral'noi Azii v oblasti prestupnosti, svyazannoi s narkotikami i ee vliyanie na Kitai [Central Asian situation in the criminal field connected with drugs, and its influence upon China]. *Tsentral'naya Aziya: problemy i perspektivy (vzglyad iz Rossii i Kitaya)* [Central Asia, its problems and perspectives (glance from Russia and from China)]. Moscow, RISI Publishing, 2013, p. 113–125. (in Russ.).

Komissarov S. A. Velikii Shelkovyi put' v istoricheskoi retrospektive [Silk Road in historical retrospection]. *Rossiya – Kitai: strategicheskoe vzaimodeistvie v XXI veke* [Russia and China: strategic interaction in 21st century]. Novosibirsk, NGTU Press, 2015, p. 8–10 (in Russ.)

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-128-131

王琳^{1,2}、单秋燕²、赵媛²

¹ 新疆大学

830046 中国新疆乌鲁木齐市胜利路 14 号

² 新西伯利亚国立大学

630090 俄罗斯新西伯利亚市皮罗果夫街 1 号

531708076@qq.com, 1024446234@qq.com, 1979015920@qq.com

西伯利亚地区的中国语言文化窗口 “新西伯利亚国立大学人文学院孔子课堂”

新西伯利亚国立大学孔子课堂于 2008 年正式成立，现外方合作机构为新西伯利亚国立大学，中方合作机构为新疆大学。在国家汉办的领导下，中俄双方精诚合作砥砺奋进，2014 年至 2017 年孔子课堂通过加强制度体系建设，促进自身健康快速的发展，在保证办学质量的前提下扩大办学规模。近几年孔子课堂每年通过举办精彩纷呈的中国文化活动，激发了当地居民和学生学习汉语的热情。孔子课堂以中国语言文化为抓手，在“一带一路”和“汉语热”的大背景下，积极发挥自身优势，拓展各类合作，利用各方资源将进一步向纵深方向发展。当前，在西伯利亚地区布局初步建成，各方面取得了辉煌的成绩，实现了自身跨越式的发展，已成为西伯利亚地区中国语言文化传播的窗口。

关键词：西伯利亚、语言文化、孔子课堂。

新西伯利亚国立大学孔子课堂于 2008 年与中国国家汉办签署协议，同年与中方合作院校新疆大学签署执行协议。2009 年 7 月举行揭牌仪式。现外方合作机构为新西伯利亚国立大学，中方合作机构为新疆大学。2011 年被评为全球先进孔子课堂。2012 年隶属于俄罗斯新西伯利亚国立大学人文学院。原任外方院长为新西伯利亚国立大学人文学院 С.А. 科米萨洛夫教授，现任为 Ю. А. 阿扎莲卡女士，中方院长为新疆大学外国语学院王琳教授。

Ван Линь, Шань Цюянь, Чжао Юань. Класс Конфуция гуманитарного института НГУ – окно китайского языка и культуры в Сибири // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 128–131. (на кит. яз.)

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 4: Востоковедение

© Ван Линь, Шань Цюянь, Чжао Юань, 2018

一、加强制度体系建设,保障课堂健康发展

近些年来,孔子课堂在严格遵照汉办的各项规定和遵守当地法律及新西伯利亚国立大学的规章制度下,至2014年起制定了一系列相应的规章制度:汉语教师管理规定、行政及行政辅助工作人员管理规定、请假和休假制度细则、行政和财务制度细则、离任注意事项、“三会”制度(中外方院长及副院长例会、中方全体工作人员例会、中俄双方汉语教师不定期开会)。制度明确了课堂工作人员的分工和工作职责,“三会”制度为孔子课堂的高效运转奠定了坚实的基础。各项制度仍在根据实际情况不断完善调整,正是这样孔子课堂才得以健康快速发展。除此之外,课堂高度重视理事会工作并为其得以正常召开不断创造条件。

二、扩大办学规模,提升办学质量,西伯利亚地区布局初步建成

课堂把办学规模和质量视为重中之重,各教学点汉语教学已纳入各校整体规划。

(一) 孔子课堂软硬件过硬,办学规模不断扩大,辐射面广。课堂总部为新西伯利亚国立大学,2014年课堂下设了7个教学点:西伯利亚干部管理学院、巴尔瑙尔市阿尔泰国立大学、戈尔诺阿尔泰斯克大学、新西伯利亚市112中学、拟建179中学、130中学、162中学等教学点。孔子课堂共有学员540人,非学分制412人,学分制128人;共50班,其中43个班汉语学习班,1个HSK辅导班,3个本土教师及教材培训班以及6个新西伯利亚国立大学人文系及外语系汉语班。主要开设的课程包括儿童和成人的初、中、高级汉语班以及与汉语相关的理论课程。

截止目前,课堂在西伯利亚地区下设12个教学点,大学4所:新西伯利亚管理学院、新西伯利亚经济管理大学、阿尔泰国立大学、戈尔诺阿尔泰斯克国立大学;中学6所:新西伯利亚市112中学、179中学、162中学、130中学、第6中学、第121中学、2所专科学校:科利措沃镇外语学校、师范学校。其中新西伯利亚国立大学、阿尔泰国立大学的课程均属于汉学专业。当前,孔子课堂中俄方院长各1名、秘书1名、外派汉语教师3名、外派志愿者教师11名、海外志愿者1名、本土汉语教师12名(非固定)。2017年孔子课堂共有学员2221人,207个班数,共计9756学时。开设各级别基础汉语、口语、语法、语音、书法以及各类汉语考试辅导等课程。2017年课堂各项指标均已进入历史最高水平。

(二) 提高教学质量水平,各教学点的汉语教学发展势头强劲。

1. 在孔子课堂的协助下,新西伯利亚国立大学从2016年汉学专业由每年招收1个班改为2个班;阿尔泰国立大学从2014年开始由每届招收1个班改为2个班,2015年开始每届招收3个班;此外,各中学教学点均发展良好,培训班人数逐年增加。

2. 为了加强教师队伍建设提升教师教学水平以及提升其科研能力,2014年到2017年课堂每年举行两到三次培训和一次国际学术研讨会,课堂鼓励老师间相互听课,定期组织会议围绕着教师、教材和教法等问题进行研讨。

3. 孔子课堂高度重视汉语水平考试工作以及奖学金工作。2017年截止目前与2014年相比参加HSK、HSKK考试的人数增长率为180%。今年课堂推荐30名学员申请孔子学院奖学金,27名获批,其中4名攻读汉语国际教育硕士,推荐并获批的20名中国政府奖学金中11名攻读汉语国际教育硕士,获批新汉学计划的一名学员现在北大攻读博士学位。

4. 各类比赛和学术成绩斐然。课堂学员在汉语桥比赛中屡获佳绩,近三年间乌拉尔地区两次获得第一名,2017年中学组获得全俄第三名。从2015年起课堂协助大学为全区中学生汉语奥林匹克竞赛出题,担任全俄竞赛主考。在前任院长科米萨洛夫教授的带领下2017年孔子课堂发表中国语言文化相关学术论文33篇,出版教学课外读物多本。此外,孔子课堂教师还为“全俄中学生汉语奥林匹克比赛”编写了一套考前辅导用书,拟于2018年出版。

5. 三、举办丰富多彩的中国文化活动，激发学习汉语热情

2014 年孔子课堂开展了 18 项文化交流与推广活动，参加人数 1400 余人次。近几年孔子课堂以当地群众喜闻乐见的形式大力开展中国文化体验活动。活动数量逐年增加，规模不断扩大，2017 年举办活动 61 次，活动受众人数 1 万余人次。

(一) 抓好汉办重点实施项目，加大宣传力度，提升社会影响力。

“孔子学院日”和学术研讨会作为汉办重点实施项目。2014 年到 2017 年，每年新西伯利亚国立大学孔子课堂都举行“孔子学院日”庆祝活动，每年且仅此一项活动都有近千名体验者零距离感受中国文化的魅力。近年来每年举办一届“丝绸之路”国际学术研讨会，来自俄罗斯各大城市、中国、哈萨克斯坦等 10 余所高校以及研究机构的 50 余名专家学者出席会议并作报告。依托大学、融入当地机构，借力发力，联合举办各类中国文化活动和竞赛。2014 年到 2017 年课堂每年联合大学、学者之家、科学文化宫剧院以及华人协会举办多场春晚，每场均有近五百余人观看。2017 年课堂首次联合别尔茨克市历史艺术博物馆举办了俄罗斯第九届“全俄博物馆之夜”活动。此外，课堂每年联合大学人文学院、图书馆、学生会等举办多场区级和市级赛事，让俄罗斯人近距离地感受中国文化，极大提升了孔子课堂的知名度。此外，孔子课堂还协助大学建立汉语网站，承担网站的汉语翻译任务。

(二) 孔子课堂广受社会各界关注，凸显中国文化影响力

课堂与当地新闻媒体一直保持着良好的关系。从 2014 年到 2017 年电视媒体俄罗斯第 1 频道、OTC、K-24 等多家电视台近三年现场采访十余次。仅 2017 年媒体报道 151 次，受众达到上万人次。根据汉办新闻稿件收集管理系统统计截至 2017 年 6 月底，第 1、2 季度在欧洲排名第五，在俄罗斯排名第一 ([http:// newsletter. hanban.org](http://newsletter.hanban.org))。除孔子课堂网站外，还开通微信、VK、Facebook、Twitter 公众号。

课堂的发展得到使领馆和当地大学以及政府部门的支持。2017 年 4 月中国驻叶卡捷琳堡总领事耿丽萍一行四人访问大学和课堂，并与大学校长 М.П.费德鲁克先生进行了会谈。9 月孔子课堂协助大学举办“移民视野下的亚欧及太平洋地区文化迁移与保护”国际学术研讨会。俄罗斯文化副部长阿拉·玛尼诺娃通过视频向本次会议召开表示祝贺。此外，课堂还接待了清华大学教授李希光与奥地利维也纳大学孔子学院外方院长李夏德的访问。

近年来，课堂以中国语言文化为抓手，在“一带一路”和“汉语热”的大背景下利用自身优势，顺势而为，办学规模迅速扩大，办学质量显著提高。课堂将立足自身，利用各方资源将进一步向纵深方向发展，力争成为沟通两国民心的桥梁和中国优秀文化的传播使者。

Материал поступил в редколлегию 01.01.2018

Ван Линь^{1,2}, Шань Цюнь², Чжао Юань²

¹ Синьцзянский университет
ул. Шэнлилу, 14, Урумчи, 830046, КНР

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

531708076@qq.com, 1024446234@qq.com, 1979015920@qq.com

КЛАСС КОНФУЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА НГУ – ОКНО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В СИБИРИ

Класс Конфуция НГУ был официально основан в 2008 г., его организацией-партнёром с китайской стороны является Синьцзянский университет. С 2014 по 2017 г. под руководством штаб-квартиры Институтов Конфуция (Ханьбань) Класс Конфуция сформировал системные

механизмы для обеспечения качественного управления обучением и постоянного расширения масштабов образовательного процесса.

Основное внимание уделялось преподаванию китайского языка для студентов НГУ, ряда других вузов и слушателей из других категорий населения. Для обеспечения качества преподавания дважды в годы проводятся курсы повышения квалификации для преподавателей китайского языка (один раз – на базе НГУ, другой раз – на базе Синьцзянского университета). В качестве культурологической составляющей процесса языкового обучения организуются мероприятия, посвященные традиционным праздникам Китая, занятия по каллиграфии, музыке, прикладным искусствам, циклы лекций российских и зарубежных специалистов. За последние несколько лет много делается для участия в научных изысканиях в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Можно сказать, что такая напряженная деятельность Класа Конфуция Гуманитарного института НГУ сделала его широко раскрытым окном для популяризации языка и культуры Китая в Сибири.

Ключевые слова: язык и культура Китая, Класс Конфуция, сибирское направление.

Wang Lin^{1,2}, Shan Qiuyan², Zhao Yuan²

¹ *Xinjiang University
14 Shengli Str., Urumuqi, 830046, China*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

531708076@qq.com, 1024446234@qq.com, 1979015920@qq.com

**CONFUCIUS CLASSROOM OF HUMANITARIAN INSTITUTE
OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
AS A WINDOW FOR CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN SIBERIA**

Confucius Classroom at Novosibirsk State University was officially founded in 2008, and Xinjiang University was appointed to be its Chinese partner. In the recent several years, from 2014 to 2017, under the wise leadership of CI Head-quarters Sino-Russia both sides have achieved remarkable results. There were constructed systematic mechanisms for high-level quality control for teaching process and permanent enlargement of educational scale.

The main attention was paid to teaching of Chinese language for NSU students, as well as students of other Siberian universities and representatives of different strata of population. In order to support good quality of teaching the professional training for Chinese language teachers is organized twice per year (one – at the base of NSU, and another one – on the base of Xinjiang University). For preparing the cultural part of language teaching Confucius Classroom also conducts some special actions devoted to traditional festivals, classes on calligraphy, music, applied arts, lectures of Russian and foreign specialists in sinology.

In the last years many scientific research projects were fulfilled within «Belt and Road» initiative. We can say, that such intensive activity of Confucius Classroom of Humanitarian Institute of NSU made it a wide-open window of Chinese language and culture for Siberian people.

Keywords: Chinese language and culture, Confucius Classroom, Siberian direction.

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-132-138

王中俊

新西伯利亚国立大学

630090 俄罗斯新西伯利亚市皮罗果夫街1号

mex2011@126.com

对外汉语初级阶段语法教学微技能

本文从实际课堂教学的微观层面出发,结合分析初级阶段易出现的语法偏误,从语法点的导入、解释、操练、归纳、练习、复习等环节来探讨语法教授的微技能。根据不同语法项目的特点和紧扣初级汉语语法教学实际情况,本着少用术语、精讲多练采用语言对比法、简化法、语义语用分析法、结构法、情境法等教学方法。

关键词: 对外汉语、初级、语法教学、微技能。

引言

对外汉语教学基本目的就是要教给汉语学习者运用汉语进行社会交际的能力,而汉语语法作为汉语的四大要素之一,是汉语词、短语、句子乃至篇章的组织规则,是构成汉语学习者进行汉语交际能力的核心因素之一。俄罗斯学生在语法学习过程中的语法偏误也主要表现在虚词和语序。经过对俄罗斯学生在语法学习、平时作业以及期末考试文章中出现的偏误进行总结,可以看到俄罗斯学生语法偏误主要表现在遗漏、误加、误代、错序四大类。赵金铭指出,我们需要对外汉语教学语法,而不是理论与方法。我们对外汉语教材上的语法通常既要兼顾语法点解释的严谨性又要讲求实用性,简洁明了,便于学习。赵金铭指出,对外汉语语法教学的总体目标是要培养外国学生用汉语组词造句、连句成篇的表达能力。习得者在学习汉语的过程中首先得解决正误问题 [赵金铭, 2003]。所以,很有必要从教材语法点和学生易出现的偏误入手来探究如何提高语法教学效率。

本文涉及到的语法点均来自本人实际上课使用过的综合课课本《新实用汉语课课本》(第一、二册)和口语课课本《汉语会话 301 句》(上、下册)两套教材。两套教材都有语法注

Ван Чжунцзюнь. Микрометоды в обучении грамматике китайского языка как иностранного на начальном этапе // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 132–138. (на кит. яз.)

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 4: Востоковедение

© Ван Чжунцзюнь, 2018

释讲解和相应的配套练习。其中《新实用汉语课本》综合课课本，前两册共有语法点 106 项（包括注释语法），且讲解相对详细、突出结构；《汉语会话 301 句》是口语性的教材，上、下两册共有语法点 71 项，且相对简略。《新实用汉语课本》教材中语法练习主要通过情景对话来练习，有配套练习册；《汉语会话 301 句》教材中语法练习主要通过各类填空、改写句子、替换练习等，无配套练习册。

课堂上语法讲解步骤分为语法点导入、操练、归纳、练习、课后作业这样一个教学环节 [李珠、蒋丽萍 2008]。本文从语法点的导入、解释、操练、归纳、练习、复习等环节来探讨语法教授的微技能^{*}。语法教学可采用的方法有很多种，本文主要根据不同语法项目的特点和从学习者实际情况出发，本着少用术语、精讲多练采用语言对比法、简化浅化法、语义语用分析法、结构法、情境法等。下面我通过教学案例的形式来展示以上教学法。

一. 语言对比法

教学中，我注意到俄罗斯学生在使用汉语时尽量减少或者规避自己不熟悉或者不会的语法项目，而且习惯于套用俄语语法。将两种语言的语法进行对比，可以快速有效地提升教学效率。语言对比可以分为两类，一是汉外对比，一类是汉语内部对比。俄罗斯学生在学习使用汉语时自觉不自觉地将在汉语与俄语进行对比。通常汉俄语法规则相同时常常出现语言正迁移，有利于学生学习，比如语法汉语里的“动词谓语句”的一个结构“主语+动词+宾语”，如“我吃面包”（Я ем хлеб.），这一语法与俄语相应表达习惯一致，所以学生很容易掌握。反之，汉语里有的语法点俄语里没有，抑或有一些细微差别，这样俄罗斯学生通常套用俄语表达习惯，则出现偏误。比如，“把”字句，初级阶段俄罗斯学生学习后，大多规避使用这一语法，出现了该用而不用的现象，如：“*我放书在桌子上了。”（Я положил книгу на стол.）。结构助词“得”，俄语中没有相对应的表达，学生常出现偏误，如：“*她汉语写很好看。”汉语的介词和俄语的前置词也有诸多不同之处，俄罗斯学生也常出现偏误，如：“*已经 12 点了，他还在床。”（Уже 12:00, он еще в кровати.）

此外，汉语内部对比也是一种非常有效的方法。教学中我们发现初级阶段汉语学习者经常泛化汉语语法规则出现了偏误。如：“*你游泳了这个河”，“*猫没有会飞”，“*可是最近我很累了”，*故事里的男主角叫贾宝玉，是在有钱人的家里出生的，分别是量词“个”、否定副词“没有”、表变化助词“了”、句型“是……的”等语法点泛化的结果。

因此，汉语老师在讲授语法时应该把两种语言进行对比强化正迁移，通过教学减少负迁移，同时注意学生在学习中将汉语语法过度泛化，预测可能会出现的语法偏误，并在教学中采取一定的方法，来提升教学效果。

二. 简化浅化法

俄语是一种形合语言，而汉语是意合语言。因此，汉语的语法系统性不是很强，而且很多汉语语法是根据语法自身的特点总结出来的，条目繁杂，规律性不是很强，因而不太容易掌握，对于初学者更是如此。如助词“了”不仅可以分为“了 1”、“了 2”，而且还在其他语法点中常常出现，如：出现在“快/要……了”和可能补语（吃得了/吃不了）中，而且这一语法点汉语学习初期就出现了，教材中通常将其分两到三次介绍。上述两个语法点内容十分繁杂，学生

^{*} Термину «微技能» в российской методике преподавания иностранных языков соответствует термин «микрометод» (см.: [Алещанова, Фролова, 2015]).

经常敬而远之，能不用则不用，用则经常出错。如果不将上述语法点进行简化浅化，初级阶段学生就不会不知所措了。本人在听一些汉语老师课的时候，发现有的汉语老师只是根据教材的设计一点一点的给学生解释，甚至有的时候，老师自己也只是那么说那么用说不出所以然，只是把内容讲完。我想这样效果肯定不佳。下面来谈谈我个人的做法。

关于助词“了”，我将其简单地概括为三个功能：表示变化、表示已经开始且不关注结果和表示完成三种功能。

1、 表示变化

天黑了；我饿了；听懂了；明白了；有工作了；是老师了；他来中国两年了。

2、 表示已经开始，不关注结果

他去上海了；他回家了；他去了上海了。

3、 已经完成：

写了；看了；说了；听了那首歌；

这样便可以简洁明了，让学生迅速掌握“了”的基本用法。此外，还有一点学生经常犯错的地方就是否定副词和“了”连用的问题，如：*他没有去上海了。“没有”和“了”不能连用，可以说：“他没有去上海。”或者“他不去上海了。”并把这两个句子的含义给学生讲清楚即可。当然并不能完全解决问题，但是初级阶段学生能掌握到这一程度并多加练习，相信教学效果会很明显。至于“了”其他用法和注意事项，可以在中高级再进行讲解或者随文讲解即可。

三. 语义、语用分析法

“把”字句，教材《汉语会话 301 句》分为三次来介绍，其结构变体很多。关于“把”字句的功能，教材中这样界定：“把”字句常常用来强调说明动作对某事物如何处置以及处置的结果[康玉华，2006]。我发现很多学生在学过后还是不太理解这一语法功能。此外还有 7 个特点和使用规定。关于这一语法点，我看过一些示范课，比如，有一位老师上课老师引入这一语法点通过很多动作，比如喝水、擦黑板等，先说主谓式的句子，然后再说“把”字句。学生当时会用，但是我相信他们不会理解。“我喝水。”和“我把水喝了。”到底有什么差别。所以，这一语法点老师很难解释出处置式的含义，学生也很难理解。我将其浅化方式是通过设定一个简单的问答场景来让学生理解，效果很好。如有这样一个场景：冰箱里有面包，可是妈妈下班后发现面包没有了，所以问：“面包呢？”，回答：“我把面包吃了。”而“我吃了面包。”则只适合于回答“你吃什么了？”。至于“把”字句其他问题可以随文讲解即可。教学中这样引入这一语法，相信学生会知其然，也知其所以然，而且敢于使用。

四. 结构法

汉语的语法表现手段就是虚词和语序，所以很多汉语语法规则都是通过一定的句型结构来展现，初级阶段汉语语法教学也不例外。向学生展示语法结构，学生能通过结构快速感知语法的特征。适合于结构教学的语法点很多，我个人教学中一般使用两种结构：一是短语结构；一是句子结构。

句子是由词和词组构成的。“词组”也可以叫做“结构”或“短语”[李德津、程美珍，2008]。短语结构可以视为汉语里一些词语具有固定的位置，教学中我根据常见的一些语法语词进行总结。如：“一点儿”和“有一点儿”。形容词/动词+一点儿、有一点+形容词/动词。如：贵一点儿，冷一点；有一点儿贵、有一点儿冷。都/全/所有。关于两个以及以上个体+都：我们都、我和你都、大家都；全+集体：全国、全省、全市、全校、全班、全家；所有+个体：所有人、

所有同学、所有花、所有学校、所有国家。汉语很多语法来自句型，所以结构法在教学过程中用的也较多。句子结构如：“是……的”、存现句：地点+有/是+人/物、“比”字句：A 比 B+形容词/短语等特别适合使用。

五. 情境法

语法是词、短语、句子等语言单位的结构规律 [黄伯荣、廖序东, 2007]。学习语法知识不是为了单纯的掌握语法知识，最终目的还是要使语法称为一种正确表达汉语的能力。语境法就是要把语法知识和实际语言运用结合起来。形成良好的汉语语感，在汉语教学中强化语言环境 [周健、陈群, 2011]。这样不仅可以将语法知识直接转化为实际交际语言能力，还是一种语法教学方法。

以趋向补语为例可以设计关于进出房间、上下楼梯等情景对话。再如对“把”字句进行练习，可以设计我的周末，要求学生做完诸如洗衣服、写作业、打扫房间等事项，使用“把”字句。通过情景练习有助于学生更好地掌握语法使用的方法以及理解语法的语用功能。

六. 语法练习和布置作业

课堂上语法练习和课后作业是对学习进行巩固和强化不可缺少的手段。当学生理解相关语法点后，离学生独立使用语法点还是有一段距离的。学生理解了并不意味着能正确的运用，语言习惯有一定的顽固性，如：“*我去在大学”，这样一个句子不是纠正过一两次学生就能完全说对，需要不断反复提醒纠正。尤其是初级阶段的汉语学习者需要多练，注重反复。我注意到有的汉语教师在进行语法练习方面采取的是语法讲解后，直接让学生自己举例子或者布置课后作业造句。初级阶段学生由于词汇量较小加上语法本身有一定的抽象性，很多学生在课堂上举例子通常想了很长时间，举的例子也有问题。例如学了一年的兴趣班课后作业用“了”和“没有”造句。结果出现了很多病句和问题句：“*他住了上海”、“*他有了三件事”、“*两年前我结婚了好男人”、“*我没有买八个苹果”、“*我没有去在餐厅”、“*我没有看一个电影”。解决的办法是可以在给初级阶段学生做语法练习和布置课后作业时，考虑学生的水平，给一定词汇，根据教授的语法点内容对学生的句子进行加以限制，让学生造出正确合理的句子。如：布置助词“了”课后练习时，可以给几个动词，如“吃”、“睡觉”、“听音乐”等词语。或者给学生一个语言环境，如：我的周末做了那些事。这样学生造出来的句子限制在一定的范围内，正确率会大大提升，有助于学生更好的掌握相关语法点。

结语

以上是本人从汉语初级阶段语法学习者偏误出发，根据汉语语法自身的特点提出采用语言对比法、简化浅化法、语义语用分析法、结构法、情境法等教学对策。汉语语法教学方法有很多，有的方法可应对多种语法教学，一种语法也可以采取不同的教学方法或者采取多种方法。至于初级阶段语法讲多少、讲到何种程度还要根据学生的实际情况而定。所以在实际教学中，汉语教师应当不拘泥于教材上的语法解释，应该根据实际的教学情况对语法点重新加工，来提高教学效果。

参考文献

Алещанова И. В., Фролова Н. А. К вопросу о способах формирования социальной компетенции на занятиях по иностранному языку // Совр. проблемы науки и образования (эл. изд.). 2015. № 2-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20576> (дата обращения 23.01.2018).

黄伯荣、廖序东。现代汉语。北京：高等教育出版社，2007。下册。337 页。

康玉华。汉语会话 301 句。北京：北京语言大学出版社，2006。下册。223 页。

李德津、程美珍。外国人实用汉语语法。北京：北京语言大学出版社，2008。652 页。

李珠、蒋丽萍。怎样教外国人汉语。北京：北京语言大学出版社，2008。283 页。

周健、陈群。语感培养模式。北京：外语教学与研究出版社，2011。162 页。

赵金铭。对外汉语教学概论。北京：商务印书馆出版，2004，516 页。

Материал поступил в редколлегию 21.11.2017

Ван Чжунцзюнь

Новосибирский государственный университет

ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

mex2011@126.com

МИКРОМЕТОДЫ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Основная цель преподавания китайского языка как иностранного заключается в том, чтобы способствовать развитию способности коммуникации с носителями языка. Посредством анализа грамматических ошибок, допущенных на начальном этапе изучения, в данной статье изложены микрометоды обучения основам китайского языка.

Подробно исследуются вопросы грамматики учебных материалов 1-го и 2-го томов «Нового практического курса китайского языка» и учебника «Разговорная китайская речь» (в 2 ч.). Грамматические ошибки, допущенные русскими студентами в процессе изучения грамматики, проявляются в двух аспектах: использование служебных слов и порядок слов в предложении. Ошибки русских студентов делятся на четыре вида: пропуск, немотивированное добавление, замена иероглифа и ошибка в порядке слов.

В статье рассматриваются следующие микрометоды: сопоставление языков, упрощения, семантического анализа, структурный, ситуационный и т. д.

Метод сопоставления языков можно разделить на два типа: сопоставление китайского и иностранного, сопоставление внутри китайского языка. На начальной ступени в обучении грамматике китайского языка преподавателю следует использовать самые простые конструкции, чтобы помочь студенту их понять. Можно использовать два вида грамматических структур: фразы и предложения. При использовании приёма языковой ситуации необходимо

соединить знание грамматики и реальное употребление языка. В практике обучения преподаватели китайского языка не должны однозначно придерживаться грамматических объяснений в учебных материалах. Им следует внедрять различные методы в соответствии с реальными условиями обучения, дорабатывать грамматические объяснения с целью повысить эффективность занятий.

Ключевые слова: преподавание китайского языка, начальный этап, изучение грамматики, микрометоды.

Wang Zhongjun

Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

mex2011@126.com

ON THE MICRO SKILLS OF THE ELEMENTARY CHINESE GRAMMAR TEACHING IN THE COURSE OF CHINESE AS FOREIGN LANGUAGE

The main aim of teaching Chinese as foreign language is to foster capability of social communication with Chinese native speakers. Through analyzing grammatical errors in the period of elementary Chinese studies, this paper expounds the micro skills for better teaching.

The involved grammar points in this paper were taken from «New Practical Chinese Reader Textbook» (vol. 1 and 2) and «Conversational Chinese 301» (in two parts). The grammatical errors are mainly revealed in two aspects: function word and words' order. We found that Russian students' grammatical errors can be divided into four categories: omission, improper addition, over representation and words' disorder. This paper presents some micro skills in teaching Chinese such as contrast method, simplification method, semantic and structure analysis, situational method etc.

Language contrast has two categories, the first is contrast between Chinese and another languages, the second is contrast within Chinese language. It is quiet difficult to learn Chinese grammar at the beginning period. Thus, the teachers should use simple constructions to explain Chinese grammar for students more easy understanding. In practical teaching we often use phrase and sentence structure to study Chinese grammar. We put the grammar in some contextual language environment by adopting situational method, then students can transfer grammar into practical communicative capacity, combining with semantic pragmatic analysis. The teachers of Chinese should flexibly adopt various methods, instead of rigidly adhering to the textbook, to promote efficiency in the beginning period of Chinese grammar teaching.

Key words: teaching Chinese, elementary course, grammar studies; micro skills.

References

Aleshchanova I. V., Frolova N. A. K voprosu o sposobakh formirovaniya sotsial'noi kompetentsii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [On the problem of social competence formation's methods at the classes of Foreign languages]. *Sovr. problemy nauki i obrazovaniya (el. izdanie)*

[*Contemporary problems of science & education (electronic edition)*], 2015, № 2-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20576> (accessed 23.01.2018). (in Russ.)

Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu [黄伯荣、廖序东。现代汉语]. Modern Chinese. Beijing, Higher Education Press, 2007, vol. 2, 337 p. (in Chin.)

Kang Yuhua. Hanyu huihua 301 ju [康玉华。汉语会话 301 句] Conversational Chinese in 301 Phrases. Vol. 2, 223 p. (in Chin.)

Li Dejin, Cheng Meizhen. Waiguo ren shiyong hanyu yufa [李德津、程美珍。外国人实用汉语语法]. A Practical Chinese Grammar for Foreigners. Beijing, Beijing Language and Culture University Press, 2008, 652 p. (in Chin.)

Li Zhu, Jiang Liping. Zenmeyang jiao waiguo ren hanyu [李珠、蒋丽萍。怎样教外国人汉语]. How to Teaching Chinese to Foreigners. Beijing, Beijing Language and Culture University Press, 2008, 283 p. (in Chin.)

Zhoujian, Chenqun. Yugan peiyang moshi [周健、陈群。语感培养模式]. The Model of Language Sense. Beijing, Language and Teaching Research Press, 2011, 162 p. (in Chin.)

Zhao Jinming. Duiwai hanyu jiaoxue gailun [赵金铭。对外汉语教学概论]. Introduction of Teaching Chinese as a Foreign Language. Beijing, The Commercial Press, 2004, 516 p. (in Chin.)

Ю. А. Азаренко

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

j_azar@mail.ru

**ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА:
ОПЫТ МОСКОВСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРЕДСТАВЛЕН
В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Преподавание китайского языка в НГУ ведется с 1970 г., и сегодня он изучается на различных специальностях Гуманитарного института как первый или второй иностранный. Проект «Класс Конфуция» предоставляет возможность приглашения для представления своего опыта ведущих специалистов в области преподавания китайского языка как из Китая, так и из России. В краткосрочных курсах повышения квалификации в январе 2018 г. приняли участие около 60 преподавателей китайского языка из девяти городов России. Лекторами выступили известный филолог, директор Института Конфуция РГГУ Т. В. Ивченко, один из авторов учебника «Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка», и профессор Сибирского федерального университета, д-р ист. наук В. Г. Дацышен, изучающий, в частности, историю китаеведения и преподавания китайского языка в России и историю российско-китайских отношений.

Ключевые слова: китайский язык, преподавание, повышение квалификации, НГУ, Институт Конфуция.

В 1970 г. НГУ стал первым новосибирским вузом, где началось преподавание китайского языка, что было определено инициативой ученых-археологов из Института истории, филологии и философии СО АН СССР (д-р ист. наук Виталий Епифанович Ларичев, которого поддержал директор института академик А. П. Окладников) и дальновидным планам нового декана гуманитарного факультета Ивана Афанасьевича Молетотова. Именно он пригласил преподавать восточные языки выпускницу Новосибирского государственного педагогического института Ольгу Павловну Фролову – учителя английского и немецкого, благодаря проведенному в Китае детству и отрочеству знавшую также китайский и японский языки¹. Поочередный набор (один раз в несколько лет) групп, изучавших китайский или японский язык, в 1995 г. сменился ежегодным приемом на специальность «история и культура стран Восточной Азии» отделения востоковедения. Первыми нагрузку в 14 академических часов китайского в неделю взяли на себя ученики О. П. Фроловой, историки С. А. Комиссаров и С. В. Алкин, и до сих пор основная часть преподавателей китайского языка у востоковедов имеет историческое образование. Это вполне оправдано тем, что в настоящее время обучение студентов китайскому языку как первому иностранному ведется в рамках специальности «востоковедение и африканистика». Как второй иностранный в Гуманитарном институте

¹ *Лаврова А.* Из истории нельзя вырывать страницы: интервью [с. И. А. Молетотовым] // Информ. портал «Академия новостей». 18 июня 2017 г. URL: <https://academ.info/news/7097> (дата обращения 08.02.2018).

Т. В. Ивченко
(фото Л. А. Новиковой)

В. Г. Дацышен
(фото Л. А. Новиковой)

НГУ китайский изучают студенты таких специальностей, как лингвистика, переводоведение и межкультурная коммуникация, и их преподавателями в основном также являются ученики и ученики учеников проф. О. П. Фроловой. С 2008 г. в НГУ постоянно работают преподаватели-носители языка, прибывающие в Новосибирск по линии проекта «Класс Конфуция». Как правило, они представляют вуз-партнер НГУ Синьцзянский университет, и в отличие от первых китайских «лаоши» – это люди, которые осознанно выбрали преподавание китайского языка как иностранного делом своей жизни.

В 2018 г. исполнится 10 лет со дня подписания договора между НГУ и Штаб-квартирой институтов Конфуция в Пекине (Ханьбань). Используя финансовую и кадровую поддержку китайской стороны сотрудничества, университет приложил немало усилий для создания возможностей повышения профессионального уровня не только собственных преподавателей китайского языка, но и коллег из других образовательных учреждений Сибири (см. подробнее: [Азаренко, 2017]). В первые годы проводились практические семинары новосибирских преподавателей для обмена опытом, с 2014 г. общение организуется в рамках ежегодных секций научно-практических конференций Центра языка и культуры Китая (ЦЯиКК). Летом на базе Синьцзянского университета в Китае проходят четырехнедельные курсы для российских преподавателей, где лекторами выступают как педагоги из этого вуза, так и специально приглашаемые методологи пекинских университетов. Если в 2016 г. участие в курсах приняли преимущественно новосибирские преподаватели, то в 2017 г. этой возможностью воспользовались и коллеги из других городов. Для чтения лекций в Новосибирске ЦЯиКК приглашает известных специалистов не только из Китая (например, проф. Цзян Липин из Пекинского университета языка и культуры в 2016 г.), но и из российских китаеведческих центров.

Тема краткосрочной программы дополнительного профессионального образования, проведенной 25–27 января 2018 г. ЦЯиКК совместно с Институтом переподготовки и повышения квалификации НГУ, была заявлена как «Методика преподавания китайского языка: практические подходы в обучении трудным аспектам лексикологии и грамматики».

Организаторы и слушатели курсов преподавателей китайского языка
(фото предоставлено ЦЯиКК ГИ НГУ)

На церемонии открытия курсов директор Гуманитарного института проф. А. С. Зуев приветствовал лекторов и многочисленных участников и пожелал плодотворной работы и общения. Отзывы коллег свидетельствуют о полном успехе этого мероприятия. Это обусловил удачный выбор приглашенных лекторов. Курс базировался на авторских разработках московского специалиста в области методики преподавания и результатах их научного изучения китайской филологии Тараса Викторовича Ивченко – доктора филологических наук (PhD, Пекинский университет, специальность «История китайского языка»), старшего преподавателя кафедры восточных языков Института лингвистики, директора Института Конфуция Российского государственного гуманитарного университета. Вторым гостем стал красноярский востоковед проф. Владимир Григорьевич Дацышен, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета². Автор ряда монографий и учебников о русско-китайских взаимоотношениях, развитии китаистики в России³ познакомил слушателей с историей московского китаеведения XVIII – середины XX в. и рассказал о вкладе российских китаеведов в лексикографию китайского языка и разработку транскрипции.

В свою очередь, Т. В. Ивченко, посвятив одну из лекций истории развития *путунхуа*: от Опиумных войн до наших дней, остальное время использовал для представления аспектов, которые были интересны аудитории с практической точки зрения. Для занятий были выбраны следующие темы:

² Новикова Л. Российские китаеведы в НГУ: д.и.н., проф. В. Г. Дацышен: Интервью // Сайт Центра языка и культуры Китая Гуманит. ин-та НГУ. 2018. 24 янв. URL: https://nsu.ru/2018_shcholars_Datsishen_V_G (дата обращения 08.02.2018).

³ Одна из книг [Дацышен, 2011] вышла в НГУ в серии «Библиотека Класа Конфуция». См.: Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.): [Рецензия] = 谢尔盖·加密萨洛夫、尤莉亚·阿扎伦卡《汉语学习在俄罗斯（18 世纪-20 世纪初）》问世 // Ин-т Конфуция = 孔子学院 (рус.-кит. изд.). 2012. № 4. С. 50–51. URL: <http://ci.spu.ru/archive/2012/04-2012/files/assets/common/downloads/publication.pdf> (дата обращения 02.02.2018).

- научная и учебная грамматика китайского языка: терминология и методы описания;
- топик и комментарий: особенности строя китайского предложения;
- особенности описания видовременной системы китайского языка: как научить студентов говорить правильно;
- учет в преподавании китайского языка его типологических особенностей;
- система упражнений для курса китайского языка;
- особенности преподавания на старших курсах: переход от среднего уровня к высшему.

Также по просьбе организаторов отдельно рассматривались принципы построения и подачи материала в учебнике китайского языка «Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка» (《新编汉语新目标》), предназначенном для начального этапа обучения в вузах, старших классах средней школы или самостоятельного изучения. Именно Т. В. Ивченко является главным редактором и одним из авторов этого учебно-методического комплекса, изданного под руководством Ханьбань / Штаб-квартиры институтов Конфуция в Китае [Новые горизонты, 2012]. УМК включает учебники, рабочие тетради, аудиодиски; имеется электронный вариант учебника. Учебник рассчитан на изучение китайского языка носителями русского языка вне языковой среды, поэтому содержит детально разработанный фонетический курс, подробные комментарии по иероглифике, лексике и грамматике, многочисленные упражнения разных типов и видов ⁴. Единственным его недостатком является сложность приобретения в России, в связи с чем УМК пока не нашел должного по широте применения.

В перерывах лектор всегда находился в окружении слушателей-коллег, стремившихся услышать его комментарии и советы по разным вопросам. В условиях сжатых временных рамок курсов времени на общение и обмен мнениями было, безусловно, недостаточно. Однако формат программы – преимущественная концентрация на методике преподавания, лекции российских специалистов в качестве основы, презентации современных методических разработок, срок курсов в несколько дней в период между учебными сессиями – получил одобрение участников. Преподаватели также горячо поддерживали идею организации выставки учебных материалов, разработанных российскими вузами. Такая выставка и общение с авторами могли бы стать важной частью крупной тематической научно-практической конференции или образовательной программы для педагогов.

Количество участников курсов превысило изначальные планы организаторов: в НГУ собиравались более 60 коллег. Конечно, такого количества активных преподавателей китайского языка в Новосибирске нет: в программе приняли участие гости из 12 образовательных учреждений Барнаула, Волгограда, Екатеринбурга, Красноярска, Омска, Томска, Улан-Удэ и Челябинска. Обширная география участников показывает большую востребованность подобных курсов повышения квалификации, экономический фактор – бесплатное обучение, привлекательность фигур выбранных лекторов и то, что Новосибирск обретает признание как значимый центр подготовки кадров в столь актуальном сегодня деле преподавания китайского языка.

Список литературы

Азаренко Ю. А. Проект «Класс Конфуция НГУ» для школ и педагогов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 4: Востоковедение. С. 98–102.

Дацышен В. Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.): Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 2014 с. (Б-ка Класа Конфуция).

Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка / Под ред. Т. Ивченко = 新编汉语新目标. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 2012. Т. 1, ч. 1. 183 с.; Т. 1, ч. 2. 344 с.

Материал поступил в редколлегию 08.02.2018

⁴ Подробнее см.: Занина Е. Ю. Рец. на учебник «Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка» (2012) под ред. Т. В. Ивченко = 叶凌云. 新编汉语新目标 (2012) // Ин-т Конфуция = 孔子学院 (рус.-кит. изд.). 2013, № 3. С. 61–64. URL: <http://ci.spbu.ru/archive/2013/03-2013/files/assets/basic-html/page63.html> (дата обращения 02.02.2018).

Yulia A. Azarenko

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

j_azar@mail.ru

**TEACHING OF CHINESE:
THE EXPERIENCE OF THE MOSCOW COLLEAGUE INTRODUCED
IN NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY**

Teaching of Chinese language started in Novosibirsk State University (NSU) in 1970, and today students take the course of Chinese as a first or second foreign language depending on the specialty they chosen at the Institute for Humanities. The Confucius Class project of NSU makes possible to invite Chinese and Russian experts in Chinese teaching methodology to introduce the results of their research to NSU teachers as well as to the colleague of other universities of Siberia. There were about 60 teachers of the nine cities took part in short teaching training course in January, 2018. The main lecturer, Taras Ivchenko, is a director of Confucius Institute at Russian State University for Humanities (Moscow) and one of the authors of «Xin Bian Hanyu Xin Mubiao» textbook for Russian-speaking students (Beijing, Educational Science Publishing House). The other lecturer, Vladimir Datsisheng is a historian from Siberian Federal University (Krasnoyarsk), who's field of scientific research include such topics as Chinese studies and Chinese teaching history in Russia, Russian-Chinese relationships and so on.

Keywords: Chinese language teaching, training programs for Chinese language teachers, Novosibirsk State University, Confucius Institute.

References

Azarenko Yu. A. Proekt «Klass Konfutsiya NGU» dlya shkol i pedagogov [«Confucius Class of NSU» Project for schools and teachers]. *Vestnik of Novosib. State Uni. Series: History, philology*, 2017, vol. 16, iss. 4: *Oriental Studies*, p. 98–102. (in Russ.).

Datsyshen V. G. Izuchenie kitaiskogo yazyka v Rossii (XVIII – nachalo XX v.): Ucheb. posobie [Chinese language studies in Russia (XVIII – beginning of XX centuries: Educational book)]. Novosibirsk, 2011. 2014 p. (Confucius Class Library). (in Russ.)

Novye gorizonty: Integral'nyi kurs kitaiskogo yazyka / Pod red. T. Ivchenko [New horizons: Integral course of Chinese language / Ed. by T. Ivchenko] = Xinbian hanyu xin mubiao [新编汉语新目标]. Beijing, Jiaoyu kexue chubanshe, 2012, vol. 1, pt. 1, 183 p.; vol. 1, pt. 2, 344 p. (in Russ. and Chin.)

УДК 327 + 94(510)093

ПОРЯДОК, НУЖНЫЙ МИРУ

Рецензия на книгу:

М. Л. Титаренко, В. Е. Петровский. Россия, Китай и новый мировой порядок: Теория и практика. М.: Весь Мир, 2016. 304 с.

Прежде чем обратиться к содержательному анализу книги, считаем необходимым подчеркнуть важный этический момент. Так случилось, что рецензируемая работа оказалась одной из последних, созданных акад. М. Л. Титаренко. И хотя он успел просмотреть и одобрить верстку текста, но все вопросы, связанные с дальнейшей правкой и изданием, пришлось решать его соавтору. Работа эта непростая, требующая немалой самоотверженности и такта. И выполнена она, на наш взгляд, очень достойно. Публикация данной монографии не только стала заметным событием в отечественной историографии¹, посвященной теории и практике международных отношений, но и данью памяти выдающегося российского китаеведа².

Уже в названии книги подчеркнуто как ее методологическое, так и практическое значение. Сама категория «мировой порядок» вызывает определенную настороженность у части научного сообщества, поскольку к ней неоднократно обращались не самые добросовестные политики и связанные с ними идеологи (например, пресловутый *Neuordnung* гитлеровского рейха). В современной литературе, особенно публицистике, эта категория также нередко поминалась в конспирологическом контексте, обычно мондиалистского толка. Но в то же время общение стран и народов между собой предполагает различные формы организации (порядка) возникающих связей, которые, по выражению Генри Киссинджера, должны противостоять «архаичной сущности мира». Известный американский дипломат и аналитик в 2014 г. издал книгу под названием «World Order», в которой проследил развитие различных форм и уровней мирового порядка (см. перевод: [Киссинджер, 2015]). В качестве важнейшего организующего фактора он подчеркнул наличие в основе сложившихся на высшем уровне конфигураций концепции справедливых договоренностей, то есть важную роль ценностных установок. С такой установкой трудно не согласиться. Поэтому, на наш взгляд, совершенно закономерно рецензируемая монография начинается с анализа основных учений, которые способствовали формированию мировоззренческого базиса китайской цивилизации – в первую очередь, конфуцианства. Авторы показывают, как благодаря деятельности европейских (и, не в последнюю очередь, российских) мыслителей, писателей и ученых – самых разных уровней и направлений, от А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого до Г. Гессе и современных синологов – происходит взаимная адаптация учения Конфуция и западных ценностей, благодаря чему в настоящее время создан философский концепт «гармоничного и справедливого мироустройства».

Но если аксиологическая составляющая формирующегося мирового порядка связана с развитием конфуцианских идей, то его геополитическое измерение может быть задано по-

¹ Как свидетельствуют об этом первые отзывы; см.: Толорая Г. Философия и практика нового миропорядка // Междунар. жизнь. 2016. № 6. На сайте журнала. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1505> (дата обращения 02.02.2018).

² Подробнее о жизни и творчестве см.: [Михаил Леонтьевич Титаренко..., 2014].

нятием нового евразийства. Разработанная, в первую очередь, трудами российских ученых (в том числе и предшествовавшими книгами М. Л. Титаренко), эта идея получила практическое воплощение в целом ряде подписанных соглашений и созданных структур; в настоящее время поставлена задача сопряжения ее с инициативой «Один пояс, один путь», выдвинутой руководством КНР [Петровский, 2017].

В книге проанализирована также эффективность работы созданных диалоговых систем (например, в рамках БРИКС); особое внимание уделено перспективам развития Шанхайской организации сотрудничества, в основе которой лежит «стратегическая взаимодополняемость». При этом следует отметить, что потенциал этой структуры пока значительно превышает объем уже реализованных проектов.

Монография «Россия, Китай и новый мировой порядок» многоаспектна; в ней поставлены важные научные проблемы, требующие дальнейшей разработки, отдельные выводы носят характер вполне законченных рекомендаций для органов управления; но одновременно она имеет просветительский и учебный характер. Актуальность издания и доступность языка, несомненно, привлечет внимание читателей, интересующихся международной политикой и отношениями между Россией и Китаем. Исходя из собственного преподавательского опыта, считаем также эту книгу полезным пособием для студентов и магистрантов, осваивающих специальности востоковедов, политологов, специалистов по международным отношениям. Поэтому в качестве заключительного пожелания предлагаем подумать о размещении текста на доступном сайте, поскольку тираж в 500 экз., вполне солидный по нынешним временам для научного издания, совершенно недостаточен для учебного пособия.

Список литературы

Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милуков. М.: АСТ; Neoclassic, 2015. 512 с.

Михаил Леонтьевич Титаренко / Сост. В. П. Журавлева, А. С. Ипатова; авт. вступ. ст. А. В. Ломанов, А. Е. Лукьянов. 2-е изд. М.: Наука, 2014. 208 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 36).

Петровский В. Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского пространства» // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. Вып. 22. С. 37–51.

С. А. Комиссаров, Д. П. Шульга

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

sergai@mail.ru, danilo_petrovich@yahoo.com

Материал поступил в редколлегию 10.02.2018

ЛЕКЦИИ С. В. ДМИТРИЕВА В НГУ

В конце декабря 2017 г. по приглашению Центра языка и культуры Китая (Класса Конфуция) Гуманитарного института НГУ университет с лекциями посетил ведущий специалист по истории и культуре древнего и средневекового Китая старший научный сотрудник, заведующий сектором древней и средневековой истории отдела Китая Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук С. В. Дмитриев. Сфера научных интересов лектора в основном затрагивает вопросы истории Китая эпохи Хань, а также периода монгольской империи Юань, ранней истории уйгуров, языка и культуры тангутов. Работу в области академического китаеведения С. В. Дмитриев совмещает с преподаванием истории и философии Китая, а также классического китайского языка (*вэньянь*) в ряде столичных вузов (ИСАА МГУ, РГГУ и др.).

Курс лекций по источниковедению и историографии истории Китая, который С. В. Дмитриев прочитал студентам-востоковедам НГУ, охватывал широкий круг вопросов: основные источники по древнейшей и древней истории Китая, проблемы генезиса и развития древнекитайской исторической традиции, влияние китайских философских учений на историописание и т. д. Кроме того, лектор познакомил слушателей с историей развития и важнейшими достижениями различных школ и центров западной синологии. Материалы лекций дополнили знания, полученные востоковедами-историками на лекциях по источниковедению и историографии истории Китая, читаемых как обязательный курс на кафедре востоковедения.

Помимо специализированного курса лекций, С. В. Дмитриев прочел для всех желающих открытую лекцию по истории Восточного Туркестана (Синьцзяна). Этот регион в настоящее время находится в зоне пристального внимания представителей различных научных дисциплин, изучающих как его историческое прошлое, так и современное положение. Во многом это связано с реализацией экономических интеграционных проектов (прежде всего инициированной Китаем глобальной программы «Один пояс, один путь»), в которых развитие данной территории играет ключевую роль. В древности и средневековье, как и в наши дни, Синьцзян был одним из основных торговых коридоров, связывавших Европу и Азию. Синьцзянские оазисные государства на Великом Шелковом пути демонстрируют пример уникального взаимодействия и взаимопроникновения различных этносов, языков и религий,

Выступает С. В. Дмитриев
(фото А. И. Соловьева)

поэтому изучение их культуры не теряет актуальности на протяжении десятилетий¹. Однако, несмотря на очевидную значимость исторических исследований Синьцзяна и растущий во всем мире интерес к ним, российское востоковедение в настоящее время стоит перед угрозой утраты целых научных направлений, опирающихся, прежде всего, на работу с текстами на мертвых языках (согдийском, тохарском, тангутском и т. д.). Можно рассчитывать, что знакомство студенческой аудитории с историей Восточного Туркестана вызовет у начинающих востоковедов интерес к данной проблематике и даже подтолкнет кого-то из них к началу собственных исследований в этом направлении.

М. А. Кудинова, Д. В. Рассолова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Пекинский университет
ул. Ихэюаньлу, 5, р-н Хайдянь, Пекин, 100080, Китай

maria-kudinova@yandex.ru, dashras@mail.ru

¹ См. также: Российские китаеведы в НГУ: к. и. н. С. В. Дмитриев: Интервью // Сайт Центра языка и культуры Китая (Класс Конфуция) Гуманитарного институт НГУ. 21.12.2017. URL: https://nsu.ru/2017_scholars_Dmitriev_S_V (дата обращения 02.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Азаренко Юлия Анатольевна** – директор Центра языка и культуры Китая (Класс Конфуция), старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – археология и история Тайваня, история Гонконга и Макао, методика преподавания китайского языка
- Ван Пэн** – научный сотрудник Института археологии АОН КНР. Область научных интересов: археология бронзового и раннего железного века Северного Китая, контакты с культурами Южной Сибири и Казахстана; археология Румынии
- Варенов Андрей Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – археология, история Китая и Центральной Азии
- Войтишек Елена Эдмундовна** – доктор исторических наук, заведующая кафедрой востоковедения ГИ НГУ, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований НГУ. Область научных интересов – культурная антропология стран восточноазиатского региона; игровые традиции в духовной культуре Китая, Кореи и Японии; история литературы Китая и Японии
- Врадий Сергей Юрьевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Область научных интересов – история общественной мысли Китая, стран Восточной Азии в новое время; история российско-китайских отношений; современный этап развития дипломатических, экономических, политических отношений стран Тихоокеанского региона
- Гирченко Екатерина Александровна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов – археология и древняя история Китая
- Глазунов Дмитрий Александрович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета. Область научных интересов – политические процессы в регионах Китая на рубеже XX–XXI вв.
- Комиссаров Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – этническая история Восточной и Юго-Восточной Азии, история традиционной китайской медицины
- Кудинова Мария Андреевна** – аспирант Института археологии и музееведения Пекинского университета, старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – археология Китая, мифология и фольклор народов Китая
- Маслов Алексей Александрович** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы востоковедения НИУ «Высшая школа экономики». Область научных интересов – религиозные, культурные и политические традиции Восточной Азии
- Осипов Георгий Васильевич** – студент 4-го курса отделения востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – язык и литература Китая
- Панова Ольга Сергеевна** – преподаватель УНЦ «Институт Конфуция РГГУ», Российский Государственный Гуманитарный Университет. Область научных интересов – искусство Китая, трактаты о живописи, история эпохи Сун
- Пластун Владимир Никитович** – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – религиоведение, современная политическая история Среднего Востока
- Рассолова Дарья Вячеславовна** – студентка 3-го курса отделения востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – история и этнография традиционных видов спорта

Соловьев Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов – археология раннего железного века и средневековья Северной и Восточной Азии, этнография народов Севера

Тан Чун (Дэн Цун) – директор Центра китайской археологии и искусства, профессор Китайского университета Гонконга. Область научных интересов – палеолит и ранний неолит Восточной и Юго-Восточной Азии, история древних технологий

Шульга Даниил Петрович – старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ. Область научных интересов – ранние кочевники Синьцзяна и Северного Китая, хозяйство номадов, скифский звериный стиль

Шульга Петр Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов – ранние кочевники, скифы, звериный стиль, ранний железный век

王中俊 (Ван Чжунцзюнь) – преподаватель Центра языка и культуры Китая (Класса Конфуция) ГИ НГУ и кафедры востоковедения исторического факультета Алтайского государственного университета. Область научных интересов – методика преподавания китайского языка для иностранных студентов

王琳 (Ван Линь) – профессор Синьцзянского университета (Урумчи), директор Центра языка и культуры Китая (Класса Конфуция) ГИ НГУ. Область научных интересов – методика преподавания русского языка, сравнительное изучение грамматики и фразеологии русского, английского и китайского языков

单秋燕 (Шань Цюянь) – преподаватель Центра языка и культуры Китая (Класса Конфуция) ГИ НГУ. Область научных интересов – методика преподавания китайского языка

赵媛 (Чжао Юань) – преподаватель Центра языка и культуры Китая (Класса Конфуция) ГИ НГУ. Область научных интересов – методика преподавания китайского языка

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, области научных интересов;

2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие резюме статьи и ключевых слов на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (не менее 2 500 знаков без пробелов) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 338.001.36 + 334.012

Ю. С. Худяков^{1,2}, А. В. Костылев², С. А. Комиссаров^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

sergai@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ КОПЬЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова (на русском языке)

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников (если есть)

Список сокращений (если есть)

Материал поступил в редколлегию 01.12.2012

Ф.И.О. автора (на английском языке)

Адрес (на английском языке)

Название статьи (на английском языке)

Резюме (на английском языке)

Ключевые слова (на английском языке)

Список литературы (в транслитерации)

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Для литературы на восточных языках следует указывать язык публикации, например: (на яп. яз.).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973 // *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978. Vol. 9. No. 2. P. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기]. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 源氏物語』の仏観 —方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题//四川文物 (成都)]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу (Чэнду), 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报//考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)¹

Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, iss. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)

Voytishek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

¹ В этом разделе язык публикации нужно указать в конце каждого библиографического описания, например: (in Russ.), (in Chin.), (in Jap.) и т. п.

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы². Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr, размер шрифта в надписях не должен быть меньше 9 пт. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала: исследования; учебно-методические материалы; переводы; рецензии; дискуссии.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: китайский язык – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; японский язык – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; корейский язык – транскрипция «Новая романизация корейского языка» (2000), шрифт Gulim.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ.

В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет,
Гуманитарный институт, отделение востоковедения,
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37. E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

² Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).